ISSN № 0130-7045

В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

1·1981

Слева направо — И. Панчуков, В. Данилов, Ю. Гайнетдинов, М. Чернышев из отряда «Читинский комсомолец». На центральном участке трассы Байкало-Амурской магистрали им поручена разработка лесоучастка и заготовка материалов для сооружения поселка.

В сложных условиях работает гидрометеослужба БАМа. Инженер-гидролог Я. Ганущак (слева) и техник-гидролог Н. Басков измеряют объем наледи.

На буровых Тюмени. Нелегко посадить вертолет в такую пургу.

Выпуск чугуна на Западно-Сибирском металлургическом комбинате. Домна № 3 — одна из крупнейших в Сибири.

Стан-2000 Череповецкого металлургического завода.

НАУКА И РЕЛИГИЯ 1·81

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Издается с сентября 1959 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

НАША ОБЛОЖКА

Один из признаков устойчивости человеческого бытия — богатство традиций, которые во многом определяют его течение. Это в одинаковой степени относится и к жизни каждого человека, и к рамкам семьи, и к масштабам всей страны. В построении социалистического общества, его материально-технической основы традиционной для нашего государства формой стали пятилетние планы развития всего народного хозяйства. История этих пятилеток — это не виданная прежде история социальных, научных, культурных преобразований нашей необъятной многонациональной страны, жизни советского народа.

Каждая пятилетка конкретна в своих целях, рубежах наступления, адресах гигантских новостроек, в определении перспектив дальнейшего развития научно-технического прогресса в различных областях — промышленном и сельскохозяйственном производстве, в духовной и социальной жизни общества. Взятые вместе, увиденные с высоты прошедшего времени, они ярко и убедительно свидетельствуют об огромных творческих возможностях, заложенных в природе раскрепощенного, свободного труда, свободного не только от всех форм угнетения и эксплуатации, но и от подчинения религиозным догмам, ослепления суевериями. Им, порожденным неверием, ложным истолкованием окружающего мира, социальных отношений, не под силу коренное преобразование, направленное на благо человека, его счастье, на высвобождение его творческих возможностей.

Сознательный, исполненный высокого смысла и цели труд человека и формирование его личности находятся в теснейшей взаимосвязи. Происходит сложный процесс, когда «планов громадье», как сказал о них Маяковский, оказывает воздействие на самих строителей социализма, на их жизненные позиции, мироощущение, тип личности — активной, ищущей, жизнелюбивой. Постижение мира, его законов, уверенность в познавательных возможностях человеческого разума осуществляются в трудовой деятельности советских людей, в претворении в жизнь их созидательных планов.

На второй странице нашей обложки — снимки Фотохроники ТАСС, посвященные людям труда.

На третьей странице обложки — Дед Мороз в разных обличьях. Читайте заметку о превращении святого Николая в главного героя новогоднего праздника на стр. 64.

Юрий Вениаминович УШАКОВ, начальник областного управления культуры

Лев Германович ПИНАЕВ, заведующий отделом пропаганды и агитации Пермского обкома КПСС, кандидат экономических наук

Евгений Николаевич КЛИМОВ, заместитель председателя правления областной организации общества «Знание», заслуженный работник культуры РСФСР

Генрих Романович ТЕРПИЛОВСКИЙ, композитор

В творческом коллективе и творчества больше

В комплексе средств идейно-воспитательной работы важное место принадлежит социалистической обрядности. Всегда в нашей стране уделялось большое внимание этому эффективному средству коммунистического воспитания. Немало сделано на Украине, в Прибалтике, Грузии, Молдавии, среднеазиатских республиках, а также в Российской Федерации, где, как не раз отмечалось, особенно интересная работа ведется в Пермской области. Не случайно правление общества «Знание» РСФСР рекомендовало своим автономным, краевым и областным организациям использовать пермский опыт. Кое-что из него уже освещалось на страницах центральной прессы — в частности, трудовые праздники и обряды. Однако никогда не говорилось о том, как создавалась в области система новых праздников и обрядов в целом. Вот почему редакция решила организовать встречу за «круглым столом», в которой участвуют:

Валентин Петрович БОЖКО, пропагандист облвоенкомата

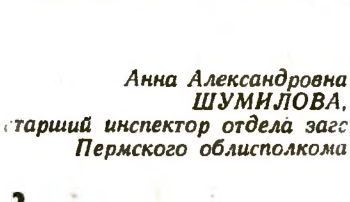
Анатолий Константинович ВОРОШИЛОВ, старший преподаватель Пермского института культуры

Владимир Петрович ЛЕНОВСКИЙ, секретарь обкома комсомола

Михаил Петрович СОЛОВАРОВ, секретарь областного совета профсоюзов

Анна Александровна ШУМИЛОВА, старший инспектор отдела загс Пермского облисполкома

Игорь Николаевич ИВАКИН, старший методист областного научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительной работы

НАЧАЛО

Л. ПИНАЕВ. Становление обрядности — процесс сложный, длительный. Он требует усилий не одного поколения. Нам, советским людям, удалось создать, по сути, систему новых праздников, традиций и обрядов за исторически короткое время — факт, достаточно красноречивый сам по себе.

То, чего мы достигли в этом деле, — прежде всего результат целенаправленной, а главное — совместной работы партийных комитетов, органов Советской власти, профсоюзов, комсомола и организаций общества «Знание».

Когда на партийных активах в городах и районах Пермской области обсуждались задачи партийных организаций по выполнению постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», то отмечалось, что у нас в Прикамье все большее распространение получают новые советские обряды, укрепляется необходимая для этого материальная база.

Вместе с тем, говорилось и о том, что не все, что делается в этом направлении у нас на Западном Урале, можно признать удачным. И прежде всего речь идет о повышении содержательности и эстетического уровня новых обрядов. Они должны отвечать возросшему образовательному и культурному уровню советских людей, учитывать динамичность социально-экономических процессов в нашем обществе.

Е. КЛИМОВ. А ведь заниматься вплотную праздниками и обрядами мы начали лишь с середины 50-х годов. Из печати узнали, что эта работа ведется в Прибалтике, Ленинграде. Постепенно и мы на своих семинарах и в областной печати стали размышлять о том, как сделать, чтобы важные события в жизни людей оставляли след в их памяти. А после того как в 1960 году правление общества «Знание» РСФСР совместно с ЦК ВЛКСМ и Центральным Домом народного творчества имени Крупской провели Всероссийскую конференцию «Советские праздники и социалистические традиции в преодолении религиозных пережитков», эта работа получила дальнейшее развитие.

Ю. УШАКОВ. Именно тогда мы задумались: оказывается, еще многое в наших праздниках — из прошлого. Возьмем, допустим, проводы в армию, особенно в деревне. Как они проходили? Главным было застолье, принимавшее характер чуть ли не поголовного пьянства со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до правонарушений. После таких проводов люди долго приходили в себя и ни о какой работе не могло идти речи.

Е. КЛИМОВ. А религиозные праздники?

Ю. УШАКОВ. Они проходят тоже с возлияниями и надолго выбивают людей из трудового ритма.

Е. КЛИМОВ. Разумеется... По существу, речь шла о серьезной государственной проблеме. В постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 года говорилось: «Празднование религиозных праздников, нередко сопровождающееся многодневным пьянством, массовым убоем скота, наносит большой ущерб народному хозяйству, отвлекает тысячи людей от работы, подрывает трудовую дисциплину». Мы подсчитали, например, что в Добрянском районе иные колхозники не работали по полтораста дней в году. А в Кишертском районе только в колхозе имени Свердлова за время празднования Николы вешнего было потеряно полтысячи рабочих дней.

Л. ПИНАЕВ. В этих условиях партийная и комсомольская организации области, с одной стороны, постарались создать атмосферу нетерпимости к фактам участия прежде всего коммунистов и комсомольцев в таких религиозных обрядах и праздниках, с другой — сосредоточили усилия на пропаганде и внедрении новых, советских праздников.

В частности, энергично начали создавать безрелигиозные торжества коммунисты и комсомольцы культпросветучреждений Кишертского района, одновременно развернув и атеистическую работу. С важной инициативой выступил колхоз «Урожай», где коммунисты провели общее собрание о вреде религиозных праздников. Доклад делал секретарь райкома партии. Собрание проходило бурно, но в конечном счете было принято единодушное решение: не прогуливать в дни церковных праздников и осуждать тех, кто нарушит общую волю.

В. ЛЕНОВСКИЙ. Почин широко пропагандировали районная газета «За коммунистический труд» и местное радиовещание. К комсомольцам района с письмом обратился райком ВЛКСМ: «В наших рядах не должно быть справляющих религиозные праздники».

Л. ПИНАЕВ. В итоге инициативу «Урожая» поддержали подавляющее большинство колхозников района, а члены ряда сельскохозяйственных артелей — «XIII год Октября», «Рассвет», «Путь к коммунизму», «Заря», «Имени Свердлова» и других — объявили, что в дни религиозных праздников будут работать, перевыполняя производственные задания.

Е. КЛИМОВ. Параллельно на селе возникали новые праздники. Например, в Усольском, Соликамском и других районах — День животновода, День первой борозды, День первого снопа, День урожая...

Ю. УШАКОВ. Правда, не все поначалу получалось. Это сейчас каждый областной праздник тщательно готовит специальный оргкомитет, куда входят представители профсоюзных, комсомольских организаций, Советов народных депутатов, творческой интеллигенции. А тогда решение вопросов, связанных с обрядностью, целиком было возложено на нас, органы культуры. Только в начале 60-х годов мы начали работать в тесном контакте с Евгением Николаевичем Климовым.

Л. ПИНАЕВ. Главное, что люди приняли новое. И здесь велика роль общества «Знание», которое проделало огромную работу, чтобы сформировать общественное мнение. Осенью 1962 года в Пермском Дворце культуры имени Свердлова, в домах культуры Кунгурского

Всегда многолюдно у Памятника павшим борцам. Фрагмент Памятника.

машиностроительного завода, в клубе «Нефтяник» Краснокамского района и многих других состоялись диспуты, где шел разговор о том, что можно позаимствовать из прежних обрядов и праздников.

А уже в октябре 1963 года пленум обкома партии записал в своем решении пункт о пропаганде новых праздников и обрядов, отвечающих советскому образу жизни.

Е. КЛИМОВ. Основную работу вела секция при областном научно-методическом совете по пропаганде научного атеизма. Потом включились в эту работу и другие научно-методические советы. Но что особенно важно — практически во всех организациях были созданы специальные группы пропагандистов из числа научных работников, сотрудников культурно-просветительных учреждений, учителей, работников загсов, а также партийного, профсоюзного и комсомольского актива.

Посвящение в рабочие.

Вручают комсомольский билет.

И. ИВАКИН. Очень помогли нам работники средств массовой информации. И сейчас мы работаем с ними в тесном контакте. Например, сотрудники молодежной радиопрограммы «Горизонт» подготовили передачу «Цена свободного времени», рассказывающую о формах работы с подростками накануне вручения им паспорта. Есть у нас радиопередача о праздниках улиц. Радиогазета «Рабочая смена» регулярно сообщает о вечерах посвящения в рабочие, о приобщении к трудовым профессиям. С обзорными беседами «Наши праздники и обряды» выступает краевед Колпаков. Отводит нам место и телевизионная передача «Прикамье вечернее». Наши пропагандисты выступали и в центральной печати — в журналах «Политическое самообразование», «Наука и религия», «Знания — народу», «Клуб и художественная самодеятельность».

Е. КЛИМОВ. Но это все пришло позже, вначале мы провели первые две областные научно-методические конференции «Коммунистическому быту — новые советские праздники и обряды». Примерно тогда же в большинстве районов и городов области, в крупных населенных пунктах, на предприятиях, в колхозах и совхозах начали создавать первые комиссии и советы по внедрению гражданской безрелигиозной обрядности. В их состав вошли ответственные секретари городских и районных организаций общества «Знание», председатели научно-методических секций по пропаганде атеизма, опытные лекторы. При поддержке партийных комитетов они из стихийно рождающегося многообразия праздников отбирали и популяризировали то, что своим содержанием, оформлением наиболее успешно содействовало утверждению советского образа жизни. В результате этой работы к началу 70-х годов в области широко отмечалось уже более 20 новых праздников и обрядов: дни рождения бригад коммунистического труда, посвящения в рабочие, праздники урожая, торжественные бракосочетания, проводы в Советскую Армию, наречения имени...

БЕРЕЧЬ ТРАДИЦИИ!

Л. ПИНАЕВ. Новые праздники и обряды активно способствуют преодолению религиозных пережитков в сознании и поведении людей. И главная особенность этой формы работы состоит в том, что атеистическое воспитание осуществляется через утверждение новых, социалистических отношений между людьми, приобщение их к социалистическому образу жизни.

И в этой связи мне кажется важным то обстоятельство, что развитие обрядности проходило у нас на базе революционных, боевых и трудовых традиций области. Взять, к примеру, праздник улицы Степана Норина, названной по имени участника вооруженного восстания рабочих знаменитой Мотовилихи в декабре 1905 года. Кстати, именно по инициативе культпросветработников Мотовилихинского района города Перми и зародилась в нашей стране эта традиция — праздники улиц, домов, дворов, микрорайонов.

И. ИВАКИН. В этом празднике всегда участвуют пионеры школ района. Вместе с ветеранами партии и комсомола они возлагают цветы и венки на могилы героев революции. Лучшим из лучших доверяется стать в почетный караул. Это право ребята завоевывают отличной учебой и активной общественной работой. Уверен, по силе своего воздействия на подростка факт его участия в празднике не сравним даже с десятками лекций и бесед.

В. ЛЕНОВСКИЙ. А праздник «История комсомола Прикамья» в микрорайоне Костарево! Он у нас особенный: ведь наша организация — одна из первых в стране. И, конечно, вручение комсомольского билета...

Л. ПИНАЕВ. А вот здесь, думаю, комсомол себя еще не нашел. Вручение комсомольского билета — событие знаменательное, и оно должно проходить так, чтобы молодой человек почувствовал, что он приобщился к когорте ленинцев. Пока же эта церемония оставляет желать лучшего, за исключением, пожалуй, Мотовилихинского района. Гораздо лучше у комсомола получаются торжественные манифестации у обелисков и памятников героям, павшим в борьбе за Советскую власть и в годы Великой Отечественной войны, парады юнармейцев, походы по местам революционной и боевой славы.

В. БОЖКО. Очень хороший контакт у военкомата с комсомолом. Он помогает проводить уроки мужества, военно-спортивную игру «Зарница», организует посещение музеев, уголков, комнат военной славы, а их в области около 1200. Ребята ухаживают за могилами павших воинов, памятниками. Комсомольская организация области поддерживает тесные контакты и с пограничниками Восточного пограничного округа: ребята рассказывают о своих успехах, о жизни области, выступают с концертами перед воинами, вручают им подарки...

Большую работу проводит общество «Знание». Его пропагандисты воспитывают молодежь в духе патриотизма и интернационализма, выступая перед призывниками с такими лекциями, как «XX век — век Октября», «На страже Родины», и рядом других. Ведет военно-патриотическую работу и пермская секция Комитета ветеранов войны. Мы часто приглашаем их выступить перед молодежью. Организуем также встречи призывников с солдатами-отпускниками, отличниками боевой и политической подготовки.

В. ЛЕНОВСКИЙ. А венчает все День призывника. Он проводится в районах, на предприятиях, в колхозах и совхозах. В Усольском районе, например, его проводят под девизом «Есть такая должность — шар земной беречь!». Чем хороши такие вечера? Тем, что юноша видит, какое внимание уделяется защитнику Родины, а значит, и понимает меру своей ответственности перед страной. Кстати, сейчас обком комсомола совместно с

областным управлением культуры и Домом народного творчества выпустил и разослал в райкомы методический бюллетень «Первое в жизни — честно служить Отчизне».

В. БОЖКО. Но и после проводов в армию связь с уехавшими на службу солдатами не прекращается: проводятся, в частности, слеты солдатских матерей, после чего каждому воину высылается принятый на слете «Материнский наказ». Посылаем мы в воинские части, где служат пермяки, вырезки из областных, городских, районных газет, чтобы солдат знал о происходящих дома событиях. А для завершивших службу в армии у нас есть праздник под названием «Здравствуй, солдат!», что, на мой взгляд, очень важно для закрепления молодежи на предприятии, в селе и т. д.

Л. ПИНАЕВ. Да, молодежи мы уделяем особое внимание, хотя продумано в работе с ней далеко не все. Помню, в одном из районов я присутствовал на торжественном вручении паспорта молодому человеку. Одет он был небрежно, ворот рубашки распахнут. Видно было, что этому молодому человеку еще далеко до поры гражданской зрелости. Я уверен, что церемонии торжественного вручения паспорта обязательно должен предшествовать целый комплекс самых разнообразных мероприятий, раскрывающих молодым не только политическое, но и мировоззренческое понятие гражданства. И такая работа проводится лучшими учреждениями культуры Кунгурского, Бардымского, Чайковского и других районов, где перед вручением паспорта проходит так называемая «мальчишеская сходка».

Г. ТЕРПИЛОВСКИЙ. Вообще в области немало праздников, способствующих и идейно-нравственному и эстетическому воспитанию детей и подростков. Особенно оживилась эта работа в 1979 году — в Международный год ребенка, а также в связи с рождением миллионного жителя Перми. Сейчас у нас целый комплекс детских праздников — детской книги, песни, рисунков на асфальте, праздник «Пусть всегда будет солнце» и другие.

В 1977 году открылся детский фестиваль музыкального искусства. Заключительный, третий тур состоялся спустя два года в городе Чайковском, неподалеку от Воткинска — места рождения великого русского композитора. Для праздника разработали свою символику: специальные ленту и платочек, значки вручали каждому участнику и гостю. Весь город отдали детям: запретили даже проезд транспорта по всем главным улицам, ребята ходили бесплатно в кинотеатры.

Фестиваль стал подлинным праздником детского музыкального искусства, в театрализованном шествии участвовали более 10 000 школьников. Особую атмосферу празднику придало присутствие выдающегося советского композитора и видного общественного деятеля Дмитрия Борисовича Кабалевского, а также гостей из многих городов России. Помимо детских хоровых и хореографических коллективов области, в фестивале участвовали мастера искусств из Москвы, Иркутский симфонический оркестр, детский коллектив из Удмуртии и другие.

Очередной детский праздник в городе Чайковском состоится в 1981 году в дни летних школьных каникул.

Л. ПИНАЕВ. Только не надо думать, что даже с этим праздником уже все отлажено. Вот в нем участвуют учреждения культуры, комсомол, работники просвещения, профтехобразования, профессионального искусства. А где общество «Знание»? Уверен, посоветовались бы с Климовым, он подсказал бы что-нибудь полезное.

На проводах Русской зимы.

В добрый путь, малыш! Торжественная регистрация новорожденных.

Первая «золотая свадьба» в Перми, 1946 г. Супруги Антонина Федоровна и Николай Иванович Губины.

Е. КЛИМОВ. Ну, хотя бы лекцию-концерт...

Л. ПИНАЕВ. Вот, пожалуйста! Ведь действительно интересная форма. А поскольку она традиционно «знаниевская», то вполне естественно, что другие упустили ее из виду. Или участие комсомола в этих фестивалях. Каково оно? По крайней мере, я не стал бы пока говорить об очень большой активности комсомола в этой работе.

Ю. УШАКОВ. Есть свои проблемы и внутри самой детской и юношеской обрядности...

И. ИВАКИН. Особенно в школе. Не научились мы, например, торжественно подводить итоги трудовой четверти. Не разработан, по сути, и такой очень важный праздник, как «Первый раз — в первый класс». Он скорее напоминает митинг для взрослых, чем праздник для семилетних детей. Не получаются и праздники окончания школы.

Ю. УШАКОВ. Верно! В обрядах для

детей и юношества мы не учитываем их психологию.

Но существует еще одна проблема. Разработанный праздник часто не становится традиционным из-за нашей необязательности. Представьте, пошел ребенок в школу и в его честь состоялся праздник «Первый раз — в первый класс». На будущий год в ту же школу идет младший брат, который, безусловно, помнит, как поступал в школу старший. А праздника нет, по каким-то причинам его не смогли провести. Для нас, взрослых, пустяк, а у ребенка на долгие годы остается обида. Праздников и обрядов может быть и немного. Но если мы убедились в пользе какого-нибудь торжества, то обязаны сделать его традиционным.

ШКОЛА ВОСПИТАНИЯ

М. СОЛОВАРОВ. Мне думается, настало время говорить и о праздниках, связанных с трудовой деятельностью людей.

На предприятиях, в колхозах и совхозах создаются не только материальные ценности, но происходит и становление характера человека, его духовная, идейная, нравственная закалка. Трудовой коллектив — это школа воспитания, и не последнюю роль в ней играют праздники, посвященные подведению итогов работы, победам производственных коллективов, чествованию передовиков, рабочих династий, обряды посвящения в рабочие и хлеборобы, торжественные проводы ветеранов труда на заслуженный отдых.

Распространены и такие праздники, как дни рождения бригад коммунистического труда совхозов, колхозов, цехов. В подготовке и проведении их активно участвуют пропагандисты общества «Знание», комсомол. Особенно интересно проходят они в Березниках — на содовом заводе, на пермских заводах имени Ленина и Свердлова, на Кунгурском кожевенно-обувном комбинате, в совхозе «Моховской» Кунгурского района и других местах. И конечно же, вместе со всей страной мы отмечаем и общесоюзные профессиональные праздники — День химика, День машиностроителя, День учителя, День работника сельского хозяйства... Хотя, признаюсь, отличить их друг от друга пока трудно.

Е. КЛИМОВ. Мы стараемся обобщить лучший опыт, распространяем его с помощью специальных листков и плакатов, привлекаем печать, радио и телевидение, издаем брошюры и методические письма «Социалистические трудовые праздники и обряды», «Посвящение в рабочий класс», «Посвящение в хлеборобы» и другие.

Ю. УШАКОВ. Причем тщательно фиксируется все ценное. Вот, к примеру, небольшой фильм, рассказывающий об интересном празднике. Это бардазин, он сродни сабантую. Зародился праздник в Бардымском районе, где живут преимущественно башкиры и татары, но участвуют в нем все население района и еще тысячи людей из Удмуртии, Башкирии, Татарии. Проводится праздник по окончании сева, но до сенокоса. Обязательное условие — чествование передовиков производства, в остальном — полное творчество. Недаром все, кто побывал на двух-трех праздниках, каждый раз отмечают новые элементы. Однажды организаторы включили сюда фестиваль «Алло, мы ищем таланты».

М. СОЛОВАРОВ. Вообще использованию фольклорных мотивов мы уделяем много внимания, особенно в сельских праздниках. «Русские потешки» — они проводятся в Большесосновском районе, другой праздник — «У нас нынче субботея» — в Частинском. Фольклорное начало используется в Празднике первой борозды, в торжественных проводах на уборку урожая, в Дне пахаря, но особенно в Проводах русской зимы, Встрече весны, Празднике русской березки, которые проводятся везде.

В. ЛЕНОВСКИЙ. Широко использует старые величальные песни Осинский народный хор, созданный по инициативе комсомола, Ножовский хор Частинского района.

Г. ТЕРПИЛОВСКИЙ. Хочу напомнить вам, как попытались мы возродить сугубо пермскую традицию весеннего праздника на Каме. Родился он в Мотовилихе, бывшей когда-то окраиной Перми, где перемешивались городские и сельские обычаи. Мне этот праздник по душе, но он не прижился.

Ю. УШАКОВ. Возможно, это случилось из-за плохого знания истории того или иного праздника и обряда, что мешает органично увязать их с сегодняшним днем. Именно так и произошло с весенним праздником на Каме. Боюсь, то же грозит и Проводам русской зимы. Чисто внешне выглядит хорошо. Но этот праздник напоминает скорее Праздник советской торговли: блинов, вина, разной закуски — в изобилии, а вот яркого, запоминающегося прощания с зимой нет.

Зато обряд посвящения в хлеборобы удачно совмещает местный колорит с современностью.

Мне запомнился такой праздник в колхозе имени Ленина Ильинского района. Поразил он органичной взаимосвязью всех своих частей. Было много импровизации. Например, вместо традиционной трибуны для ораторов использовали трактор чуть ли не первого выпуска...

М. СОЛОВАРОВ. Интересные вечера проводит Дворец культуры машиностроительного завода имени Ленина. В заводском музее его директор Михаил Вольфович Ротфельд увлекательно рассказывает будущим рабочим об истории предприятия, о людях, которые трудятся здесь, их делах. А потом Михаил Вольфович вручает пропуска на завод.

Л. ПИНАЕВ. Очень хорошо, что мы стали рассказывать об истории коллективов. Вне этого не существует трудовых традиций. Важно только, чтобы прошлое умело увязывалось с сегодняшним.

А. ВОРОШИЛОВ. Согласен, сделано много, но и проблем еще немало. Иной раз глянешь на какое-нибудь мероприятие и подумаешь: ведь просчеты очевидны, почему же их не заметили? Был я в Березовском Доме культуры на Празднике серпа и молота. В области он проводится уже более 10 лет. В его организации участвуют облсовпроф, комсомол, общество «Знание», работники учреждений культуры. На этом празднике воздается должное человеку труда, идет большой разговор о сделанном, о планах на будущее. Затем проходит и посвящение в рабочие. И вот тут пошло все вперемешку. Сначала в зал внесли знамя — символ труда, потом хлеб — олицетворение гостеприимства. Вскоре на сцене появилось молоко, и те, кого посвящали в рабочие совхоза, ели хлеб, запивая его молоком, — ну чем не подобие христианского обряда преломления хлеба и причащения «крови Христовой»?

Л. ПИНАЕВ. Я хочу добавить к этому еще одно соображение. Почему весь комплекс трудовых праздников и обрядов начинается с посвящения в профессию? Чтобы стать хлеборобом, нужно это право заработать. Пусть молодой человек вначале почувствует вкус хлеба, цену труда, пусть люди присмотрятся к нему, а уж только тогда посвятят его в профессию. Для нас обряд — не самоцель, он — средство в решении основной задачи — повышения социальной активности людей.

Ю. УШАКОВ. Кстати говоря, не очень нравится мне и посвящение в нефтепереработчики. Есть в этом празднике что-то формальное, не берет он за душу. А вот вечера трудовой славы удались, сейчас без них не мыслит своей жизни ни один клуб. Например, в Куединском районе это слет «Красных косынок». Райком партии проводит его совместно с районной организацией общества «Знание» регулярно, накануне Международного женского дня. А во Дворце культуры имени Гагарина производственного объединения «Пермьнефтеоргсинтез» — это вечера «От всей души», которые ведет заведующая отделом обрядов Людмила Васильевна Суслова.

Вы, конечно, понимаете, что значит написать сценарий такого вечера. Это огромная работа. Она трудна, когда нужно рассказать даже о ком-то одном, а тут более полусотни разных людей. Долго мы искали подходящую форму чествования и наконец нашли — красочную и краткую, она длится всего 35 минут. А о том, насколько эта форма удачна, говорит серебряная медаль ВДНХ, которой была награждена Людмила Васильевна.

В. ЛЕНОВСКИЙ. Получились, на мой взгляд, и праздники под девизом «Мой труд вливается в труд моей республики» и «Твой труд — твоя высота». Они проводятся в Свердловском и Индустриальном районах областного центра, а также в Березниках, Кунгуре, Лысьве, Соликамске, Кизеле. В разработке сценариев принимали активное участие клубные работники и члены общества «Знание».

Хорошим стимулом к высокопроизводительному труду стали торжественные церемонии вручения почетных грамот, знаков, свидетельств и премий победителям ежегодного соревнования на звание «Лучший мастер Пермской области» и «Лучший наставник Прикамья». Наконец, каждый год мы подводим итоги социалистического соревнования на слете молодых гвардейцев пятилетки.

М. СОЛОВАРОВ. Буквально на глазах родилась еще одна новая традиция — присуждение премии имени знатных династий. Всего этих премий у нас 13. Вручаются они торжественно, в канун дня рождения Ленина. Вручает премии, как правило, первый секретарь обкома партии или председатель облисполкома.

Первая в стране «Золотая книга» династий появилась у нас, на пермском

машиностроительном заводе имени Ленина, к столетию производства стали (до 1863 г. завод был медеплавильным). А вообще заводу без малого 250 лет и там есть рабочие династии, насчитывающие до 10 поколений. Династий, насчитывающих не менее трех поколений, полторы тысячи.

«Золотая книга рабочих династий» хранится в комнате-музее Дворца культуры. С волнением рассматривают посетители музея фотографии родоначальников рабочих династий революционной Мотовилихи и тех, кто пришел им на смену, кто сейчас несет трудовую вахту на заводе, — Гашковых, Крохолевых, Пирожковых, Выголовых, Петровых, Гневашевых, Проворовых, Куфониных, Сафоновых, Катаргиных...

О СОБЫТИЯХ ЛИЧНЫХ

Е. КЛИМОВ. Много времени и внимания мы уделяем семейно-бытовым праздникам и обрядам. Еще в 1946 году по инициативе пермского краеведа Колпакова была сыграна первая в области, а может быть, и во всей стране «золотая свадьба». Юбилярами были 72-летний токарь машиностроительного завода Николай Иванович Губин, его жена Антонина Федоровна. Свадьба прошла в заводском клубе, где собрались тогда 600 человек. Все было очень торжественно. В клуб юбиляров привезли на тройке. Поздравили, вручили грамоты, подарки. В их честь исполнили величальную. Во время официальной части директор завода, секретарь райкома партии и председатель райисполкома говорили, что сейчас на заводе работает седьмое поколение Губиных, что Николай Иванович трудится на заводе уже 55 лет, он орденоносец, три сына у них погибли на войне. Потом об этой свадьбе рассказал журнал «Огонек». С тех пор у нас состоялось 65 «золотых свадеб».

Ю. УШАКОВ. Насколько я помню, еще в 1948 году была торжественно отмечена «бриллиантовая свадьба» Михаила Александровича и Анны Кузьмовны Пищулевых. О ней тоже рассказали «Огонек» и наша областная газета «Звезда».

М. СОЛОВАРОВ. На мой взгляд, это было не только рождением новой семейно-бытовой обрядности, но и началом традиции чествования ветеранов труда.

Л. ПИНАЕВ. Жизнь заставила нас вплотную заняться этой проблемой. И тому была веская причина — наш город первым в стране перешел на пятидневную рабочую неделю. Свободное время заставляло задумываться над организацией быта и досуга людей. Вот тогда-то мы и стали приводить в порядок свои загсы и дворцы культуры. Наши товарищи ездили по стране, смотрели, где что делается, сравнивали. И вот сегодня обряды наречения имени новорожденным, торжественной регистрации брака, «золотые» и «серебряные свадьбы» стали в области массовыми.

Е. КЛИМОВ. Сейчас все хотят регистрироваться в торжественной обстановке, а тогда, в 1963 году, были лишь единицы.

А. ШУМИЛОВА. Сегодня уже 94 процента людей, вступающих в брак, регистрируются в торжественной обстановке. В такой же обстановке регистрируется и половина новорожденных.

Л. ПИНАЕВ. Люди соскучились по хорошему торжеству. Я не раз спрашивал их мнение об обряде бракосочетания и наречения имени и каждый раз слышал восторженные отзывы. Людям по душе уже одно то, что их семейному событию уделяется столько внимания. И тут нужно отдать должное «первопроходцам», которые, что называется, на ходу «обкатывали» обряд. А ведь мы знаем, как не прост, а порою мучительно труден такой поиск.

Ю. УШАКОВ. И все же наши обряды еще далеки от совершенства. Тот же обряд бракосочетания. Сейчас он, пожалуй, ближе других к идеалу. Однако и эта церемония могла быть много лучше. Помню, вначале был предложен жесткий сценарий. И теперь, куда бы мы ни приехали, обряд идет фактически по этому сценарию. Но загс — не театр, где персонажи спектакля одинаковы и в день премьеры, и в сотом спектакле. В брак вступают разные люди: рабочие, студенты, колхозники, ученые. Значит, и обряд должен быть гибким, вариативным. Не только текстуально, но и сценарно.

А. ШУМИЛОВА. К тому же и наши возможности не везде одинаковы. На селе одни, а в городе — иные...

Ю. УШАКОВ. Это тоже должно быть заложено в сценариях, как и ритуал вне стен загса: в одном месте цветы возлагаются к памятнику погибшим воинам, в другом — к памятнику Ленина. В Перми, например, стало традицией возлагать цветы у памятника борцам революции. Словом, все должно быть разработано с учетом того, кто регистрируется, где и в какое время.

И. ИВАКИН. Мы должны иметь также сценарий с «поправочными коэффициентами» на город или село, возраст, образование, характер деятельности, воспитание человека — короче говоря, на его индивидуальность.

В. ЛЕНОВСКИЙ. Безусловно, значимость события, которое стоит за обрядом, для каждого своя. А тут всех заставляют выслушивать один и тот же текст, одну и ту же музыку. Я понимаю, что предполагается единый конечный результат — одинаковое чувство. Но, мне кажется, такое возможно лишь при каком-нибудь массовом зрелище. А когда речь идет о событиях личных, можно сказать, интимных...

А. ВОРОШИЛОВ. Совершенно верно, и в доказательство приведу случай, о котором рассказал заведующий кафедрой культурно-просветительной работы Пермского государственного института культуры Владимир Ефимович Новаторов. Он присутствовал на свадьбе родственницы. В тот день в Доме культуры регистрировалось более 70 пар. Молодожены были поставлены буквально на конвейер. Они вошли, встали в очередь, прошли в зал, прослушали текст. Не успели толком поздравить жениха и невесту, как их потащили фотографироваться, потом в буфет, откуда торопливо выбегала предыдущая пара.

У нас все это выглядит не столь обнаженно, но в чем-то похоже. Взять, к примеру, Дворец культуры имени Свердлова. В день здесь регистрируют 30 пар: на каждую — по три с половиной минуты. Еще до того, как ведущий обряда обратится к молодым с напутственным словом, они уже слышат его во время регистрации предыдущей пары. Это, конечно, недопустимо.

Г. ТЕРПИЛОВСКИЙ. Верно, этому обряду еще не хватает интимности. Помню, я был в Варшаве на бракосочетании одного молодого человека. Уточняю, что это была гражданская регистрация брака. Никакого ощущения потока, хотя одновременно регистрировались несколько пар. Все сделано камерно, исключительно для двоих. Даже в зале тостов пары друг друга не видят.

И вообще очереди в загсах наблюдать грустно. Они и так сопровождают нас повсюду — в магазинах, в парикмахерских, на автобусных остановках. Неужели еще вставать в очередь на собственной свадьбе?

Л. ПИНАЕВ. Когда моя дочь выходила замуж, она тоже ждала почти три месяца. С одной стороны, это говорит, что торжественная регистрация молодежи нравится, с другой — что у нас нет необходимой материальной базы. Сейчас в области более 1600 дворцов, домов культуры и клубов, но нужны специальные здания. Пока же мы проводим обряды бракосочетания, наречения имени, вручения паспортов во дворцах культуры.

А. ШУМИЛОВА. А дворцы эти — заводские, ведомственные. Бывает, его руководители в чем-то нам и отказывают. Нужен Дворец обрядов!

Ю. УШАКОВ. Существует и проблема музыкального сопровождения. На человека действует не только то, что он видит, но и то, что он слышит. Музыка нужна и хорошая и разнообразная. А пока обряд бракосочетания проходит только под марш Мендельсона.

Г. ТЕРПИЛОВСКИЙ. Верно: музыка — оправа обряда. К сожалению, до таких вершин, как «Свадебный марш», мы еще не поднялись. Хотя, должен заметить, советские композиторы могут кое-чем похвастать. Правда, когда я поинтересовался, а что здесь вообще написано, то получилась любопытная картина: обрядовыми песнями стали те, которые таковыми и не задумывались. Скажем, «Песня о встречном» Шостаковича, которую сейчас частенько исполняют во время посвящения в рабочий класс. Песня Кабалевского «Первый раз в первый класс» была написана для фильма «Первоклассница». А вспомним, наконец, «День Победы» Давида Тухманова. Были, конечно, и неудачи. Наиболее характерный пример — песня Бабаджаняна «Ах, эта свадьба пела и плясала». Хотя ее до сих пор часто исполняют на свадьбах, обрядовой песней она, на мой взгляд, не стала.

В. ЛЕНОВСКИЙ. Мне тоже кажется, что проблем с этим обрядом еще много, хотя работа, безусловно, ведется. Так, по инициативе общества «Знание» и культурно-просветительных учреждений для молодых людей, вступающих в брак, создаются клубы молодой семьи, «школы молодоженов», а для молодых родителей — клубы «Топ-топ». Отдел организации лекций общества «Знание» создал совместно с загсами специальные лектории для вступающих в брак, куда включены и лекции по новым обрядам. Они успешно работают в Кунгуре, Лысьве, а также в Кировском, Индустриальном, Дзержинском и других районах Перми.

А вот сценарий самой молодежной свадьбы совершенно не разработан. Исторически свадьба была «игрищем». А

у нас нередко получается, что она превращается в ординарный вечер отдыха с танцами, где подвыпившие люди веселятся, совершенно забыв про жениха и невесту. Большой загадкой остается и комсомольская свадьба. Какой она должна быть? Тут плохо обстоит дело.

М. СОЛОВАРОВ. Проблемы есть не только со свадьбами, но и с торжественной регистрацией новорожденных. В ряде мест, правда, она проходит хорошо. Например, во Дворце культуры имени Гагарина. Успех этого торжества, да и других, проводимых здесь, во многом, думаю, предопределен тем, что, во-первых, на базе этого Дворца областная организация общества «Знание» создала методический кабинет по новым праздникам и обрядам, а во-вторых, тогдашний директор Дворца Юрий Александрович Суслов, ныне покойный, принимал самое активное участие в работе этого кабинета, вплоть до того, что дорабатывал сценарии некоторых обрядов.

Е. КЛИМОВ. Сейчас кабинетом заведует Людмила Васильевна Суслова, профессиональная актриса. Совместно с активом Индустриальной районной организации общества «Знание» она успешно продолжает работу по совершенствованию новых обрядов, сама выступает ведущей...

А. ШУМИЛОВА. Каждый раз, когда в Перми созывается ежегодный областной семинар заведующих загсами, мы обязательно ведем их во дворцы культуры Свердлова и Гагарина. Впечатление это производит большое. Что тут возразить! Конечно, возможности многих загсов ограничены.

И. ИВАКИН. А почему бы не сделать обряд наречения имени самоокупаемым, как, скажем, в Прибалтике, где с молодых родителей берут по пять рублей? Этих денег хватит даже для того, чтобы пригласить музыкантов, певцов и чтецов на торжественную регистрацию новорожденных... И вообще — мы многое теряем из-за собственной нерасторопности. Взять, к примеру, документы, которые вручают молодым родителям. Неужели наши солидные издательства не в силах красиво оформить такие бумаги? А проблема памятных медалей?

Ю. УШАКОВ. Наштамповано-то медалей много, но, на мой взгляд, ими подчас только пугать детей.

А. ШУМИЛОВА. Ну и, наконец, о контактах с другими учреждениями и организациями. У нас налажена связь с учреждениями культуры, торговли, службы быта. В Березниках — с медицинскими работниками, где торжественная регистрация новорожденных проходит прямо в роддоме.

А. ВОРОШИЛОВ. Ну, тут и сами загсы не без греха. В некоторых местах они с легкостью отдают этот обряд на откуп работникам культуры. Я сам видел: в загсе родители расписались в книге актов, а документ им вручал в клубе культпросветработник. Это, конечно, верно, что мы выносим наши обряды из тесного помещения административной комнаты в дома культуры или сельские клубы. Но вручение свидетельства о рождении это прежде всего юридический акт. И тут нужен официальный представитель Советской власти.

Ю. УШАКОВ. Многое в обрядах у нас построено на самодеятельности, многое делается приблизительно. Особенно остро стоит эта проблема в похоронном обряде. Порядок его совершенно не разработан.

Е. КЛИМОВ. Это одно из самых слабых наших мест. Единственное, что нам удалось — День памяти усопших. Особенно много сделали совместно с культурно-просветительными работниками атеисты Лысьвы и Кунгура. В Кунгуре День памяти проводится 9 мая, а День Победы, и 1 июля, в годовщину освобождения города от колчаковских банд. Сценарий разрабатывали работники местного загса, активисты общества «Знание», преподаватели музыкальной школы, сотрудники местного музея и клуба. Накануне Дня памяти появляются афиши, оповещающие о времени и месте его проведения. Управление коммунального хозяйства обязательно проводит на городском кладбище субботник.

Торжественная церемония открывается почетным караулом пионеров у памятника матери, скорбящей по не вернувшимся с войны сыновьям. Затем в сопровождении мелодии Кабалевского «Помните!» звучат имена людей, отдавших жизнь за торжество революции, не вернувшихся с Великой Отечественной войны. Думается, что День памяти серьезно подорвал мнение, будто поминовение — исключительно религиозная традиция.

ВАЖНАЯ ПРОБЛЕМА

Е. КЛИМОВ. Да, подготовка грамотных специалистов — проблема крайне важная. Ведь именно от них во многом зависит успех всей нашей работы. Организации общества «Знание» уделяют этому большое внимание. Свыше 200 представителей нашей области приняли участие во Всероссийской научно-практической конференции, которая состоялась в Перми в 1974 году. Года три назад совместно с управлением культуры облисполкома мы провели в Лысьве конференцию «Социалистические праздники и обряды и их роль в коммунистическом воспитании трудящихся», в Кудымкаре Коми-Пермяцкого национального округа — семинар работников культуры и лекторов «Роль учреждений культуры в атеистическом воспитании трудящихся».

И. ИВАКИН. Специальная секция работала на семинаре по атеизму, организованном обкомом партии с участием правления областной организации общества «Знание». Прошлой зимой состоялся областной семинар на тему «Роль социалистических праздников и обрядов в коммунистическом воспитании подрастающего поколения».

Л. ПИНАЕВ. Добавлю: специальный курс «Социалистические обряды и праздники» читается для слушателей школ атеистов, созданных при многих райкомах и горкомах партии. И на атеистических семинарах, проводимых партийными органами, обязательны выступления на эту тему.

И. ИВАКИН. Областной научно-методический центр народного творчества и культпросветработы совместно с областной организацией общества «Знание», курсами повышения квалификации управления культуры облисполкома организовал для работников учреждений культуры, работающих, как мы говорим, в «зоне действующих церквей», двухгодичную школу организаторов атеистического воспитания. Занятия в ней начались еще в 1978 году. Слушатели знакомятся не только с основами теории научного атеизма и практикой атеистической работы. В программе школы есть 50-часовой курс «Социалистические обряды и праздники», в рамках которого читаются, например, такие лекции, как «Религиозный обряд и его социальные функции», «Система обрядов и праздников в социалистическом обществе», «Драматургия и режиссура массовых праздников» и другие.

А. ВОРОШИЛОВ. И мы также ведем большую работу по повышению квалификации тех, кто приезжает на межобластные профсоюзные курсы и на курсы по повышению квалификации при областном управлении культуры, — руководителей художественных коллективов, директоров клубов, методистов, инструкторов, инспекторов. Надеемся, что и наши выпускники внесут достойную лепту в разработку и внедрение в жизнь праздников и обрядов. У института есть все возможности, чтобы готовить квалифицированных организаторов, сценаристов, режиссеров и постановщиков праздников и обрядов. Учебная программа ориентирует студентов на то, что праздники и обряды не только яркое средство пропаганды нашего образа жизни, но и важный метод коммунистического воспитания людей. На третьем курсе, во время «Практикума по клубной драматургии» студенты учатся разрабатывать сценарии праздников и обрядов, вести их. А на четвертом курсе по инициативе заведующего кафедрой Владимира Ефимовича Новаторова введен курс «Советская гражданская обрядность». Читает его один из участников нашего «круглого стола» Евгений Николаевич Климов. Мы многим обязаны ему — и с точки зрения идей, и в плане их практического осуществления.

Сейчас ребята уже сами готовят сценарии, однако об их достоинствах и недостатках трудно судить, потому что нет у нас базового клубного учреждения, где можно было бы посмотреть на практике, как выглядят эти обряды. Другой недостаток в работе — это, пожалуй, стереотип мышления. Читаю я, к примеру, сценарий обряда посвящения в профессию. И везде в качестве музыкального оформления предлагается «Марш коммунистических бригад», хотя в ряде случаев требуется совершенно иная музыка.

Кстати, культработники много говорят о профориентации, а нередко забывают о своей профессии. Однако нам в этом плане кое-что удалось сделать. Уже состоялось посвящение первых культпросветработников. Сейчас этот обряд принят областным научно-методическим центром народного творчества.

В. ЛЕНОВСКИЙ. Добавлю, что вместе с областным управлением культуры разработан сценарий Дня культработника. Кроме того, каждый год в наши общежития приходят новые ребята. Для них это, по сути, начало самостоятельной жизни. Поэтому мы при поддержке облсовпрофа заказали сценарий обряда, который должен, по нашей мысли, торжественно отметить это событие в жизни парня или девушки.

Е. КЛИМОВ. Еще несколько слов о подготовке организаторов советской обрядности. Вот уже четыре года работает в Перми народный университет клубного работника. Ректор и декан — преподаватели института культуры. Тут есть отделения руководителей клубных уч-

реждений, художественных руководителей, заведующих культурно-массовыми секторами и отделение внешкольной работы с детьми. Одна из форм занятий — посещение клубных мероприятий и их анализ. На таких занятиях присутствуют, как правило, заведующая отделом культуры облсофпрофа Валентина Алексеевна Злобина, инструкторы совета профсоюзов, работники Дома художественной самодеятельности.

Сейчас областная, Коми-Пермяцкая окружная, городские и районные организации общества «Знание» совместно с комиссиями по новым обрядам местных Советов народных депутатов, отделами загса, профсоюзами и комсомолом разработали комплекс мероприятий, которые позволят улучшить подготовку организаторов советской обрядности.

И. ИВАКИН. Члены нашей секции выступают с лекциями на семинарах культурно-просветительных работников и профсоюзного актива. Причем мы работаем в тесном контакте с научно-методическими советами по пропаганде педагогических и общественно-политических знаний: совместно рассматриваем программы семинаров, готовим к изданию методические материалы. Активное участие в этой работе принимают, в частности, доктор педагогических наук Шварц и кандидат педагогических наук Печерский.

Е. КЛИМОВ. Лекторы общества «Знание» выступают в зональной комсомольской школе, в областном управлении профтехобразования, на курсах повышения квалификации клубных работников, в институте усовершенствования учителей. После окончания семинаров мы вручаем их участникам методические разработки. Только за последние три года выпущено 12 методических разработок. Обком комсомола и общество «Знание» подготовили методическую разработку «Праздники юности».

М. СОЛОВАРОВ. К сожалению, подобных разработок у нас еще немного, хотя есть и интересные. Некоторые по просьбе москвичей мы посылали даже в столицу. И вот тут должен сказать: хороший сценарий без помощи профессионального литератора не создать. Но и самому отличному сценарию нужен профессиональный режиссер, который своим опытом, художественным чутьем определит нужную тональность проведения обряда.

Л. ПИНАЕВ. Иначе говоря, вопрос о профессиональном подходе к обряду — сегодня один из важнейших, если не самый главный. В 60-х годах мы провели областную конференцию по праздникам, потом обком собрал идеологический актив, где снова шел серьезный разговор об обрядах, затем прошла республиканская конференция на ту же тему — все это в какой-то мере оградило нас от дилетантства. Но проблема остается. Например, в ряде клубных учреждений профсоюзов организаторы обрядов — люди просто неподготовленные: 10 процентов из них не имеют даже среднего образования.

А. ВОРОШИЛОВ. В обряде все должно быть профессиональным — и сценарий и режиссура. В своих лекциях по клубоведению я часто говорю об этом студентам. Стоит лишь доверить такое дело человеку неподготовленному, как он начисто загубит любой праздник.

М. СОЛОВАРОВ. Нужно шире привлекать творческие организации, особенно поэтов и композиторов. Организаторы обрядов просто задыхаются без хороших песен и музыки.

Г. ТЕРПИЛОВСКИЙ. Видимо, это камешек в мой огород... В музыке проблема любителей и профессионалов — не однозначна. Доступ в искусство никому не закрыт. Слушателю безразлично, кто написал музыку — любитель или профессионал, лишь бы она была хорошая.

В Перми нет отделения Союза композиторов СССР, наши композиторы в основном самодеятельные. Однако коечто мы пытались сделать. Одну песню «Нас юность венчает» написал я. Она посвящена вручению паспорта и написана в форме марша. В Перми эта вещь почти не исполнялась. А вот в Эстонии, что называется, пошла. Чем объяснить это явление, не знаю. Может быть, традиционно повышенным вниманием тамошних организаций к обряду совершеннолетия?

Есть кое-что и у других наших местных композиторов. Изданы, например, листовками песни Трухина и Карусова, посвятил Прикамью величальную Векшин. Еще назову Коновалова, Чезари. Правда, до сих пор у нас не преодолены затруднения с текстом: не пишут для нас поэты-профессионалы.

Л. ПИНАЕВ. А все-таки очень важно, чтобы люди занимались делом по велению сердца. По крайней мере, мы всячески поддерживаем энтузиазм общественников, склонных к творчеству и обладающих организаторским талантом. В пример приведу небезызвестный всем нам Ножовский сельсовет Частинского района. Там раньше были очень сильны старообрядческие традиции. В 1966 году благодаря инициативе и настойчивости секретаря сельсовета Марии Нестеровны Абдаловой здесь была создана первая в районе комиссия по гражданским обрядам. Она же была одной из первых в области. Активная работа заинтересованного человека дала результаты: во время торжественных церемоний зал сельского Дома культуры всегда полон. Жаль только, что не во всех 204 комиссиях области есть такие люди.

А. ВОРОШИЛОВ. Но для того, чтобы всерьез опереться на актив энтузиастов, их нужно учить. Только тогда они станут и квалифицированными организаторами, и отличными пропагандистами обрядов.

ИТОГИ

Л. ПИНАЕВ. Ясно, что праздники и обряды нужны людям. Они несут им радость, делают лучше, воспитывают. В то же время они как бы аккумулируют в себе духовную красоту нашего образа жизни, подчеркивая единство сугубо личного с жизнью всей страны. Так что нет ничего удивительного в том, что вопросы праздников и традиций являются предметом прямой нашей заботы.

Конечно, рано еще говорить о том, что здесь все сделано. Существенным недостатком является, например, то, что лекции по советским обрядам и праздникам читают в основном атеисты и гораздо реже историки, философы, филологи, специалисты по педагогике и психологии. Думаю, что взаимодействие и координация должны быть значительно расширены.

Более того, в одном из выступлений перед идеологическим активом области первый секретарь обкома партии Борис Всеволодович Коноплев справедливо заметил, что на новых советских праздниках, ритуалах, обрядах стал появляться налет формализма. Над этим стоит как следует задуматься. Совсем не обязательно, например, чтобы к празднику или обряду были привлечены все учреждения и организации области, — их участие должно определяться содержанием праздника. А то ведь как бывает? Регистрируются, скажем, молодые. Если они комсомольцы, то комсомол предприятия их поздравит, а если молодые не комсомольцы, то членов комитета и не видать. А почему бы им не поздравить парня, который, вероятно, завтра будет комсомольцем? Да если даже и нет. Или взять вручение паспорта. Казалось бы, тут комсомолу и карты в руки. А вот Людмила Васильевна Суслова жалуется: вначале, говорит, представители райкома приходили по средам во Дворец, а потом перестали: видно, надоело.

Ю. УШАКОВ. С другой стороны, сложившиеся контакты уже узки: профсоюз, комсомол, местные органы, учреждения, институты, общество «Знание», областной научно-методический центр — и все. А где производственный коллектив? Разработан ли у нас ритуал, посвященный трудовому рекорду? Нет. Вот человек спустился в забой, поставил рекорд. Встречает его после смены руководство шахты, профсоюза, пожимают руки, вручают цветы, назавтра появится приказ — тем дело и ограничивается. А ведь это событие и для человека, и для шахты. А разве нельзя провести торжественную церемонию чествования победителя — сначала днем, затем вечером во Дворце культуры или в клубе, а уж потом в семье?

Л. ПИНАЕВ. Словом, контакты не могут быть случайными, подход должен быть в полном смысле слова комплексным. Думаю, что важным шагом на этом пути может стать создание областного общественного координационного совета по обрядам. Обряд требует больших совместных усилий всех заинтересованных учреждений и организаций. В творческом коллективе и творчества больше. Если, конечно, работать с энтузиазмом.

Задача комплексного подхода к формированию гармонично развитого человека, активного строителя коммунизма, выдвинутая на XXV съезде КПСС, требует от идеологических работников эффективного использования всех средств воспитательного воздействия.

«Идеологическая работа, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», — должна быть поднята на более высокий качественный уровень, отвечающий требованиям развитого социализма, новым задачам коммунистического строительства».

Это требование полностью относится и к внедрению в наш быт новых советских праздников и обрядов, которые призваны стать неотъемлемой частью социалистического образа жизни.

Записал В. Евсеев

ОТ РЕДАКЦИИ

Как видим, несмотря на достигнутые пермяками успехи в деле пропаганды и внедрения новой обрядности, проблем еще немало. И нам не хотелось бы ставить точку в этом разговоре. Мы приглашаем читателей, всех заинтересованных лиц высказать свои соображения по существу затронутых проблем.

Лидия ГРАФОВА

"СВЕТЯ ДРУГИМ..."

Труд души

И ВОТ я снова собираюсь рассказать про «Свечу». За несколько последних лет моей журналистской жизни она, пожалуй, — одно из самых ярких впечатлений. В недавнее время я стала замечать, что многое из того, что происходит со мной, мысленно «меряю» по «Свече»: а как отнеслись бы к тому или другому событию медицинские сестры из далекого Ангарска? Порой упрекаю себя: они успевают так много читать, узнавать, пережить, а мне все не хватает времени.

В спорах, которые мне приходилось вести, «Свеча» часто становилась убедительным аргументом. Собеседники сначала высказывали недоверие, затем начинали расспрашивать, а потом удивленно радовались: бывает же такое на свете! Оказывалось, что скромная «Свеча» не только ангарским сестрам светит.

Вероятно, именно поэтому так много заинтересованных откликов я получила после того, как рассказала о клубе ангарских медсестер в «Литературной газете» в августе 1980 года. Еще раньше о «Свече» шла речь за «круглым столом» в редакции «Науки и религии» (1980, № 2).

Авторы писем увидели в клубе «уникальный опыт коллективного самовоспитания», высказывали пожелание, чтобы медицинские сестры других больниц тоже овладевали знаниями, «пропуская их через собственное сердце». Многие читатели просили рассказать подробнее о заседаниях клуба — «Мы и у себя хотим превести такое же», просили прислать полный список вопросов, которые там обсуждают.

Эти читательские отклики вполне естественны.

Были, однако, в редакционной почте три письма, которые меня удивили. Их написали люди разных профессий, живущие в разных местах. Ходом мысли, однако, все они настолько сближались, что создавалось впечатление, будто их написал один человек. Не высказывая ни недоверия, ни удивления фактом существования «Свечи», авторы этих писем недоумевают: зачем нужен такой клуб?

«Скажите, станет ли больному легче, если медсестра в свободное от работы время станет читать Монтеня? Неужели нет более прямых путей повысить культурный и профессиональный уровень среднего медперсонала? По-моему, в наше время жесткой специализации каждый человек на своем рабочем месте должен быть прежде всего точным исполнителем. И сантименты здесь не помогут, а только повредят делу», — пишет З. Докучаев, учитель из Владивостока.

«Я думаю, нет смысла пропагандировать столь доморощенный способ «работы над собой». Мы живем в век информации и кибернетики, когда и самообразование должно быть поставлено на научную основу. Назрела необходимость в создании единой всеобщей культуры. И здесь у меня есть вполне конкретное предложение: нужно начать издание серии книг, в которых в сжатом виде излагалась бы вся сумма знаний, накопленных на сегодняшний день человечеством. Эта серия должна стать фундаментом научного мировоззрения каждого члена нашего общества, и тогда отпала бы надобность зажигать подобные «Свечи» и заниматься самодеятельностью», — А. Гагин, физик из Владимира.

«Вот вы твердите: «творчество — состояние души», доходите до того, что объявляете доброту чуть ли не предпосылкой творчества. Все это милые, но вредные глупости. Именно из-за них столько разгильдяйства вокруг. Сейчас пришло время, когда нужно не гуманность проявлять, а научить людей говорить смелое и однозначное «нет»: «Нет, не положено!» — В. Гриневский, инженер из Ленинграда.

Вот такие письма. Их авторы говорят одно и то же: чего, мол, возиться с так называемой душой? Если научить человека четко различать — это можно, а это нельзя, приучить его точно исполнять инструкции, тогда все сразу и «образуется».

Эмблема клуба ангарских медсестер. Одно из заседаний «Свечи». В центре — И. Л. Лейдерман.

Видимо, невдомек этим авторам, что личность — не машина, не автомат, что многообразие жизни не укладывается в рамки инструкции, нельзя требовать от человека творческого отношения к работе, пока не пробудится в нем творческое отношение к жизни, то есть пока не начнет он самостоятельно работать душой, откликаясь на все противоречия и сложности мира, вмещая «общее», «чужое» (и радости, и сомнения, и муки) в свое единственное и неповторимое бытие. Упрощенное представление о том, что можно заложить в человека трафарет, с помощью которого он легко и просто будет отличать хорошее от плохого, добро от зла, мало чем отличается от религиозных представлений: это, мол, от бога, а это от Сатаны...

Рассказывая заново (и на этот раз — подробнее) о жизни клуба «Свеча», я постараюсь ответить тем скептикам, которые написали в редакцию, и тем, которые, может быть, еще не написали, но тоже, наверно, думают, что человек — лишь вместилище готовых истин, что нравственность, культура отношений может насаждаться автоматически, путем дрессировки.

О «Свече» я узнала случайно — из письма. Медицинские сестры из больницы № 2 города Ангарска спрашивали, как сложилась дальнейшая судьба молодой латышской писательницы, о которой я рассказала несколько лет назад в газетном очерке. «Марина взволновала нас тем, что выбрала неблагополучие как образ жизни. Мы много спорили об этом на заседании нашей «Свечи», мнения разошлись и хотелось бы разговор продолжить».

Конечно, я заинтересовалась: что это за «Свеча», на которой идет спор о «неблагополучии как образе жизни»? Из следующего письма узнала, что «Свеча» — клуб, на заседаниях которого обсуждаются сложные нравственные проблемы. Проходили там дискуссии вот на какие темы: «Должен ли человек думать о смерти?», «Что такое успех и каково значение слова «добиться»? На нескольких занятиях обсуждали проблему добра и зла. Для этой темы использовались книги: «Повесть о разуме» М. Зощенко, «Не стреляйте в белых лебедей» Б. Васильева, даже «Опыты» Монтеня были в списке.

Посещают клуб от 30 до 100 человек. Приходят и дети сестер, санитарки и врачи, бывают и «городские» гости — журналисты, поэты, музыканты, учителя, библиотекари, инженеры... Многие из гостей — активные друзья и помощники клуба.

Своим девизом медсестры выбрали известные слова голландского врача Ван Тульпа: «Aliis inserviendo ipse consumor!» («Светя другим, сгораю сам!»). Отсюда и название — «Свеча». Оказалось, что у клуба есть свой устав, в котором, в частности, было записано, что его цель — раскрыть индивидуальность каждой медсестры, позаботиться о содержании ее духовной жизни.

Вскоре переписка наша стала регулярной. Побывала я раз и другой в Ангарске. Но странное дело: чем больше я узнавала, чем больше о «Свече» думала, тем труднее становилось рассказать обо всем этом.

Помню письмо женщины 32 лет, ленинградки. Она жаловалась, что никак не может «приобщиться к серьезной литературе», старается, но не в состоянии заставить себя прочесть хоть какой-нибудь роман Толстого или Достоевского. «Открою, смотрю в страницу, а мысли в постороннем бродят». У нее, судя по письму, было тяжелое детство — пьющий отец, больная мать, «в общем — было не до книжек». А сейчас у самой растет дочь — второклассница, умненькая, любит читать, и мать боится: «скоро дочь увидит мою духовную отсталость». Вот ходила она недавно с дочерью на Мойку, в музей-квартиру Пушкина, возвратились домой — взяла томик стихов, но «душа не отозвалась, не чувствую я стихов так, как нужно их, наверно, чувствовать».

Ну, как этой женщине помочь? Посоветовать поступить в университет культуры? Порекомендовать прочесть работу Н. А. Рубакина «О самообразовании»? Но все это будет пища для ума, а она как раз жалуется на то, что даже Пушкина «душой не видит и не слышит». Действительно, беда. Можно ли ее поправить? Не поздно ли?

Знакомство со «Свечой» вселяет надежду: никогда не поздно «разбудить» в человеке человека...

Если сравнивать Ангарск с другими новыми городами Сибири, с теми, например, что вырастают вдоль трассы БАМа, то он не такой уж молодой город. Недавно отпраздновал свое 25-летие. Четверти века хватило, чтобы Ангарск почувствовал себя вполне городом — в его чистых, прямых улицах есть что-то ленинградское. Но четверти века оказалось недостаточно, чтоб из сознания ангарчан выветрилось настроение новизны, свежести, начала. Провинцией Ангарск не назовешь. Впрочем, может быть, такое праздничное восприятие города объясняется тем, что символом Ангарска стала для меня «Свеча»?

Больница № 2 стоит почти в центре города, но окружена высокими соснами, и кажется — что в лесу. Обычное типовое здание, ничем не примечательное.

С Инной Львовной Лейдерман, председателем «Свечи», мы не

раз обсуждали, почему появился такой вот клуб? Я-то считаю (и мнение членов клуба совпадает с моим), что если бы не Инна Львовна с ее образованием, эрудицией, с желанием как можно больше отдать людям, с ее нелегкой судьбой, наконец, никакая «Свеча» в Ангарске не появилась бы. Сама Инна Львовна считает (и уверяет в этом других), что клуб возник из естественной в нем потребности:

«Подошла ко мне однажды Вера Иннокентьевна Чикалова, прижала меня к стенке (буквально — прижала, я после операции еле на ногах держалась) и стала горячо уговаривать прочесть на профучебе лекцию «Медсестра в искусстве». Обычно профучеба медсестер — мероприятие для «галочки». А они, видите, какой поворот придумали. Сами! С этого все и началось».

Инна Львовна, согласившись прочесть лекцию, поставила свое условие: пусть сестры тоже подготовятся. И дала список из 49 вопросов. Чего там только не было: Спасли бы мы сегодня Андрея Болконского от его ран? Кто из врачей-декабристов оставил след в развитии медицины нашей Иркутской области? Чей портрет висит в вашей квартире? Что из учения В. А. Сухомлинского ты берешь с собой в жизнь как медицинская сестра?

Некоторые недоумевали: станут ли сестры думать над такими «необязательными» вопросами? Дежурство в больнице, затем магазин, детсад, кухня, стирка — «дважды рабочий» день современной женщины хорошо известен. Бытовые мелочи могут вырасти в проблему, не оставляя ни сил, ни времени, ни желания заниматься «высокими материями».

Члены клуба «Свеча» вспоминают, что отнеслись к тому списку с внутренним сопротивлением. Однако Инна Львовна сумела «подогреть» интерес к этим вопросам, срок на подготовку был дан большой — целый месяц, и понемногу кто-то что-то через кого-то (через врачей, старших своих детей, через «образованных» больных) выяснял и начались в коридорах, раздевалках новые, непривычные разговоры. Некоторые нашли время, чтобы забежать в городскую библиотеку и пошли по рукам книжки — не про любовь и не фантастика...

С тех пор минуло шесть с половиной лет. Члены клуба прочли и обсудили 225 произведений различных авторов — В. Распутина, В. Тендрякова, В. Шукшина, Ю. Крелина, газетные статьи, которые давали повод для серьезного разговора; научились за эти годы свободно пользоваться энциклопедиями, справочниками, словарями. Подготовили за это время больше ста докладов и рефератов. Почти на каждом заседании звучат стихи, серьезная музыка.

Ну и что? — может возразить читатель. Чему тут особенно умиляться? Люди книжки читают — эка невидаль. Мало ли интеллектуалов, которые литературу потребляют тоннами, но от этого не становятся ни отзывчивей, ни добрее.

Старый спор о соотношении знаний и нравственности. Кстати, когда разговор об этом зашел на «Свече» и они задумались, а что же такое «культура», молоденькая медсестра Жанна Строгая сказала: «Культура... Ну, это способность такая — понимать». Но и способность понимать — это еще не определяет нравственность. Важно, что именно понимать. Как. И зачем.

Мне посчастливилось присутствовать на одном из заседаний «Свечи». Там наконец я увидела их всех вместе. Конференц-зал, напоминавший школьный класс, был заставлен плотными рядами стульев, но мест не хватило, и многие сестры, чуть опоздав, так и простояли все два часа у стен и дверей. «Времени у нас немного. В 2 часа — кормили больных обедом, а в 4 — антибиотики». Лица сестер показались мне усталыми.

В тот день на «Свече» Инна Львовна, только что возвратившаяся из Москвы, рассказывала свои впечатления от спектакля «А зори здесь тихие...» в Театре на Таганке. Одноименную повесть Бориса Васильева сестры прочитали и даже «проработали» — Рита, Женя, Соня для них не книжные героини, а близкие, дорогие люди. И еще нужно знать, что председатель клуба — Инна Львовна — в 17 лет, как и эти девушки, ушла на фронт, до последнего дня войны была связисткой.

Рассказывая о спектакле, Инна Львовна старалась не упустить даже малейшей детали. Описывала декорации, музыку, освещение так живо и горячо, что и мне, видевшей этот спектакль, открывалось много нового. Она не упоминала о своем фронтовом прошлом, но слушатели, конечно, видели в своей Инне Львовне тех погибших девушек и вместе с нею потрясенно понимали, какая это чудовищная несовместимость: война и женщина, будущая мать.

Закончив рассказ, Инна Львовна вдруг спросила: можно ли назвать старшину Васкова интеллигентным человеком?

И сразу начался спор о том, что такое интеллигентность.

Я смотрела на этих женщин в одинаковых халатах, лица их уже не казались усталыми. Белизна одежды подчеркивала их одухотворенность.

Хоть собираются они раз в месяц, но света «Свечи» хватает надолго, до следующей встречи...

«Когда шла в клуб первый раз, нервничала: целых два часа потеряю, сколько бы за это время дома успела. А возвращалась, будто новыми глазами на все смотрела, знакомую улицу не узнавала. И какая, оказывается, весна у нас красивая», — рассказывала Тамара Минаева, показавшаяся мне мягкой и доброй, а сама она вдруг о себе: «До «Свечи» я такой злючкой была!» Недавно Тамара из этой больницы уволилась, а потом вернулась, хоть и в зарплате потеряла, но вернулась: «Честное слово, из-за «Свечи!»

«Жили мы, конечно, и без «Свечи», не умирали. Но теперь, как оглянешься назад, кажется, что половинкой души жили», — рассказывала пожилая акушерка Нина Михайловна Гудыма, которая раньше в библиотеку не заглядывала, а теперь свободно и свежо, я сама слышала, анализирует книги «Белый пароход» Ч. Айтматова и «Не стреляйте в белых лебедей» Б. Васильева. Старик Момун и «бедоносец» Егор Полушкин, считает она, по сути, счастливые люди: «Ведь счастье не в том, чтобы добиться успеха, положения, достатка, а чтобы жить в согласии со своей совестью» (потом одно из заседаний «Свечи» они назовут «Суета сует»). Обоих этих героев Нина Михайловна назвала «внутренне интеллигентными». И уточнила: «Интеллигентность — это духовность, когда человек умеет сердцем думать».

Высокие мысли и переживания есть в душе каждого человека, каким бы трудом он ни занимался, какое бы образование ни получил, но беда в том, что часто сам человек не находит способа их выразить, развить. Порой достаточно чуть подтолкнуть его.

Свои первые заседания они вспоминают с улыбкой — сидели тихие, скованные и каждая про себя думала: «Ну, что такого умного я могу сказать?» А Инна Львовна «тормошила» их вопросами. Например, почему сбежал из больницы Ванька Тепляшин? Накануне все прочли этот рассказ Шукшина, конечно, знали, что сбежал Ванька из-за грубости медицинского персонала. Инна Львовна спрашивала дальше: могло ли такое случиться в нашей больнице? Этот вопрос был уже не просто для ответа, а для долгой памяти.

«У нас никто никого не регламентирует. Говори сколько хочешь и как можешь. Высказывая свои мысли прилюдно, начинаешь больше верить себе».

Они действительно открывали себя заново. Когда старшая медсестра Людмила Борисовна Тимофеева сделала очень хороший доклад о творчестве Микеланджело, когда медсестра Ольга Иващенко с удивительным пониманием рассказала о повести Мадлен Риффо «Больница как она есть», когда медста-

тистик Анна Андреевна Захарова сделала сообщение о Кристиане Барнаре и его операциях на сердце, это было личной победой каждой из них над собственной робостью, над недоверием к своим возможностям.

Особенно ценятся в клубе не сами доклады, а те летучие выступления с мест, когда человек спешит выразить мысль, только что пришедшую ему в голову, и пусть это будет спорно, даже неверно, но — искренне. От одной реплики Нины Михайловны Гудымы может вспыхнуть горячий спор, и все вместе так или иначе они доберутся до истины.

«На «Свече» мы учимся понимать каждого человека», — услышала я.

Если посмотреть со стороны, темы заседаний вроде бы случайны: то Валентина Распутина приглашают в гости; то готовят выставку цветочных композиций (там был, например, букет из пушистых одуванчиков под названием «Какой ты хрупкий, шар земной», была голая ветка с колючками в стеклянной вазе — «Суть»); то устраивают предновогодний вечер «О мудрости застолья» — приносят в больницу произведения своего кулинарного искусства; то выпускают стенгазету длиной в несколько метров «Глазами детей: что я знаю о работе своей мамы?»

Но нет — ни одно из заседаний клуба не проводится развлечения ради. Нельзя забывать, что горит эта «Свеча» в стенах, где постоянно слышны жалобы и стоны, где воздух насыщен человеческим страданием, где вопрос о смысле жизни звучит не абстрактно, а вполне конкретно: до последних сил бороться за каждую минуту жизни больного («Каждая жизнь — самоцель!» — это я на «Свече» услышала). И даже говоря «о мудрости застолья», они возвращаются к тому, что неосознанно тревожит каждого человека, а на «Свече» звучит уже седьмой год: как же достойно и радостно прожить короткую жизнь на земле? Другой жизни не будет!..

«Художника привезли в больницу с тяжелым инфарктом миокарда. Сразу после осмотра больной сказал врачу: «Мне нужно быстрее вылечиться. Я не дописал картину». Сказал и потерял сознание. Очнувшись, громко спросил: «Доктор! Вы видели мои картины?» — «Да, да», — радостно ответила доктор. Она и в самом деле недавно в заводской столовой обратила внимание на полотно с подписью — С. Гвоздев. На том полотне, изображавшем землю в проталинах, снег был легкий и живой, как дыхание весны.

Ночью больному стало лучше, он пытался подниматься с кровати, считая себя уже здоровым, а утром — сильнейший приступ. Когда врач вбежала в палату, он лежал на спине, глаза смотрели куда-то вдаль. «Скажите мне правду, — тихо попросил он, — вы действительно помните тот снежок или успокаивали меня?» Врач не успела ответить. Художник умер».

Это — из их общего дневника.

На одном из заседаний «Свечи» обсуждали повесть Ю. Крелина «Хочу, чтобы меня любили» и вдруг Инна Львовна спросила: «Подумаем — имеет ли больной право на каприз?» Все зашумели — у каждой за годы работы накопилось, конечно, немало обид на больных. А Инна Львовна тут же перевела разговор совсем в другую плоскость: «Можно ли работу медсестры считать подвигом?» Сначала сестры были смущены громким словом «подвиг», потом начали разбираться. Случаи, судьбы. И снова вопросы, вопросы: «Достаточно ли гуманно относимся мы к больным старикам?», «Как мы обращаемся с родственниками больных?»

Кончился этот трудный разговор тем, что они обнаружили: среди людей, которым они каждый день делают уколы, раздают еду и таблетки, которые порой кажутся им капризными, придирчивыми, есть подлинные герои. И сделали вывод: «Мы должны учиться мужеству у наших больных!»

В их больнице умирала врач Елена Немецкая. Несмотря на

Фото С. Соловьева, Я. Тихонова, Ф. Гринберга.

Доброта, такт, сострадание — вот те качества, без которых немыслима ежедневная работа

представителей этой самой гуманной профессии. Эти снимки рассказывают о привычных буднях медицинских учреждений: ежедневное совещание в кабинете главного врача поликлиники; участковый врач спешит на вызов к больному; медицинские сестры в детской больнице не только выполняют предписания врача, но и заботливо ухаживают за малышами.
Фотохроника ТАСС.

страдания, она спешила закончить работу о симптомах своей неизлечимой болезни, сделала доклад на конференции врачей и так, будто то, о чем она говорит, ее вовсе не касается.

Вот еще запись из дневника:

«Что такое любовь? О ней так много написано. Но зайдем в шестую палату. У окна лежит старая женщина, рядом с ее кроватью сидит старик, ее муж. Женщина всем кажется страшной — синяя, отечная, но не ему. Поднял ее тяжелые от отеков ноги на кровать (она сама не в силах) и помчался, покатился по лестнице за кислородом. Никому не доверяет уход за ней — сам кормит, поит, читает ей газеты. Расчесывает ее косы — седые, жиденькие и приговаривает: «Какие волосы! Ведь за эти черные косы я тебя полюбил!»

А еще члены клуба «Свеча» ведут дневник «Моя ошибка». Как взыскательно там себя судят! Любую мелочь замечают — «чтобы не повторилось».

Когда на «Свече» разгорелись споры по поводу повести «Расплата» В. Тендрякова, они говорили о том, что страшная эта трагедия — сын убил отца — случилась, конечно же, и потому, что отец ожесточился еще с детства, жил «сам по себе», среди людей — как в пустыне, никто его не любил, даже от родной матери не слышал он доброго слова. И вот к каким выводам пришли участники обсуждения: «Этот мальчик-убийца — упрек нам всем!» «Закрыла книжку и поняла: это и мне — расплата». «Да, да, расплата нам всем! За что? За отсутствие сочувствия, сострадзния...» И тут же проецируют прочитанное на собственную жизнь, работу: не может медсестра остаться равнодушной к страданию больного!

Они не просто делятся новыми знаниями и впечатлениями, не только учатся выражать свои мысли, которых — и мыслей и умения — еще недавно у многих не было, но еще и вместе радуются, вместе удивляются, огорчаются, вместе делают какие-то открытия...

«Каждое занятие «Свечи» для нас — труд и труд. Мы готовимся в поте лица своего. И это потому, что все мы очень хотим стать лучше!» — с гордостью говорила мне В. И. Чикалова.

Вот несколько реплик, сохранившихся в моем блокноте, когда обсуждался вопрос: «Должен ли человек думать о смерти?»

«Когда думаешь о невозвратных потерях, больше всех жаль Пушкина. Тогда не было пенициллина. Сегодня мы бы Пушкина вылечили!» (Г. Крещенко). «Жалуемся: некогда, некогда, а потом умираем. Нужно стараться «урывать» время у суеты для настоящей жизни» (Л. Чистова). «Мы привыкаем жить. А ведь нужно любить каждый обычный день заново!» (Р. Подоляк). «Любить больных сильнее, чем мы любим сейчас, жалеть их и не стесняться проявить теплоту и нежность — это как техника безопасности наша» (В. Смехнова). «Завидую Монтеню, который хотел и умирая поливать капусту, то есть сохранить полное равнодушие к смерти» (В. Жердева). «И сыну своему скажу: ты должен помнить, что когда-нибудь умрешь, спеши жить достойно!» (Л. Тимофеева). «Мы, конечно, не великие, но ведь каждый человек должен чем-то себя обессмертить» (Е. Павлова).

На примере «Свечи» видишь то, что обычно невозможно увидеть глазами — как разгорается, движется духовная работа. И с неоспоримостью понимаешь, что потребность души в высоком — такая же реальность, как потребность в куске хлеба, в крыше над головой, в одежде. И тем горше становится, что «слишком много в мире людей, которым никто не помог пробудиться» (это еще заметил Экзюпери).

Писать о «Свече» вот почему было особенно трудно: все время и в первую очередь хотелось говорить о той, которая «Свечу» зажигает. Инна Львовна относится к той редкой категории людей, которые чем больше делают, тем сильнее мучаются чувством неудовлетворенности. Это чувство заставило ее, москвичку, после окончания института бросить столицу, по которой она до сих пор сильно тоскует, и приехать в Сибирь, где врачи были нужнее, — в только что рождавшийся Ангарск. Это чувство не оставляло ее и тогда, когда стала она главным терапевтом города, председателем научного общества и заведующей терапевтическим отделением больницы. Ее отделение первым в Иркутской области получило звание отделения коммунистического труда, сама она первой в Ангарске получила высшую врачебную категорию, дважды избиралась депутатом горсовета, но Инне Львовне казалось, что сделано мало, она все силы, духовные и физические, отдавала больнице.

А потом вдруг сама оказалась пациенткой. Болезнь позвоночника, которая началась еще на фронте, на которую ни тогда, ни после некогда было обращать внимание, приковала Инну Львовну к постели, обрекла на тяжелейшие операции, отняла любимую работу. Но и в таком отчаянном положении, превозмогая постоянные боли, она продолжала, как могла, действовать — искала пути к людям, писала стихи, рассказы, а когда стало чуть-чуть легче, организовала у себя дома медицинский кружок и одновременно кружок любителей поэзии для одноклассников своей дочери. Это были своеобразные репетиции «Свечи». Сейчас, несмотря на далеко не полное выздоровление, Инна Львовна продолжает лечить больных, считая это главным делом своей жизни.

Свою уверенность в абсолютном достоинстве человеческой личности Инна Львовна вынесла из трудных, незабываемых лет войны, когда зримо проявилась и людская общность, и «неисчерпаемые запасы человечности». Можно сказать: «Свечу» эту она зажигает от тех фронтовых огарков, что светили в землянках. Привыкшая все в жизни делать «по максимуму», Инна Львовна к каждому занятию с сестрами готовится, как к защите диссертации. Перечитывает десятки книг, составляет конспекты, обсуждает с друзьями вопросы, которые могли бы «расшевелить». Бессонные ночи, бесконечные волнения... Близкие порой приходят в отчаяние: «Она сжигает себя этой «Свечой»! Сколько знаю Инну Львовну, столько слышу от нее, что пора уходить, что сестры и без нее прекрасно справятся. А потом: «Но ведь сделано из задуманного так мало! Шесть лет работаем, а самое главное еще не получилось».

Что же, собственно, произошло с этими медсестрами после 57 заседаний клуба, после 18 вечеров поэзии, после 7 праздников цветов и т. д.? Суть «Свечи» не только в просветительстве, а в большем — в строительстве духовного мира человека.

Нравственное чувство — не дар божий, оно результат воспитания и самовоспитания. Опыт «Свечи» показывает, как много тут можно сделать, в частности, для воспитания умения сострадать, сочувствовать — способности, совершенно необходимой для всех, кто лечит, кто помогает больным. Перед нами удачный опыт коллективного самовоспитания. Успех в значительной степени был обусловлен тем, что нашелся человек, в котором страсть самосовершенствования горит столь ярко, что и в других людях просыпается ответно эта естественная, неистребимая человеческая потребность — стать лучше.

Заканчивая разговор, хочу привести слова В. А. Сухомлинского, которые пересказывает в своем письме один читатель из Горьковской области: «Труд души... Какое это богатое и емкое, бесконечно сложное и неисчерпаемое дело! Когда я думаю о труде души, я представляю прежде всего созидание, устремленность к идеалу... Труд души — это значит страдать, болеть страданиями и болями человека».

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОПРАНИЕ ПРАВ ВЕРУЮЩИХ

И. БРАЖНИК,
доцент Киевского университета имени Т. Г. Шевченко

ЭКСТРЕМИЗМ — социально-психологическое явление. Возникает оно чаще всего в процессе политической и клерикальной спекуляции на разочаровании людей в традиционных ценностях буржуазного общества, в том числе и религиозных.

Современный экстремизм многолик. Крайне правые в капиталистических странах ставят своей целью подрыв и ликвидацию демократических институтов, подавление движения трудящихся за социальные права. Это, к примеру, — лига защиты евреев, куклуксклановцы в США, неофашисты в Италии; для них характерны террористические методы борьбы. Левацкие группы маоистского толка спекулятивно декларируют свою антибуржуазность демагогическими псевдореволюционными лозунгами, провоцируют молодежные мелкобуржуазные слои, деклассированные элементы на авантюристическое «бунтарство». Не удовлетворяются словом божьим, а вооружаются автоматами и взрывчаткой те, кого не устраивает демократизация в Испании, — «христово воинство», «антикоммунистический апостолический альянс». Экстремистские проявления имеют место и в некоторых развивающихся странах. К примеру, в Индии отдельные религиозные группировки неоднократно провоцировали беспорядки, прибегая к актам насилия, саботажа и террора, устраивая кампании гражданского неповиновения, — все это с тем, чтобы помешать движению народа по пути социального прогресса.

В социалистическом обществе для экстремизма вообще и религиозного в частности нет социальной почвы. Встречаются лишь отдельные экстремистски настроенные лица.

Л. И. Брежнев охарактеризовал главную тенденцию развития общественных отношений в нашей стране в 70-е годы как дальнейшее упрочение единства, сплоченности советского общества, что представляет собой уникальное достояние социализма, которого не знает капитализм[1].

Однако это не означает, что наше общество застраховано от появления отдельных лиц, чьи действия не вписываются ни в моральные, ни в юридические рамки советского общества. Причины тут могут быть разные — политические или идейные заблуждения, религиозный фанатизм, националистические вывихи, личные обиды и неудачи, воспринимаемые как недооценка обществом заслуг и возможностей данного человека, и т. д.

Западная пропаганда настойчиво пытается представить дело так, будто в СССР существует оппозиция на религиозной почве, сопротивление верующих «богоборческой политике» государства. На самом же деле откровенные противники социальных устоев, нравственных принципов и юридических норм нашего общества из религиозной среды — это отдельные отщепенцы, не имеющие в нем социальной опоры.

В статье «Неотъемлемая конституционная норма социалистического государства» председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедов отмечает, что «у нас есть еще религиозные экстремисты — церковные и околоцерковные, преследующие карьеристские, корыстные цели, нередко одержимые тщеславием. Они пытаются обойти закон, возбудить у верующих недовольство политикой Советского государства и Коммунистической партии в отношении религии и церкви»[2].

В действиях экстремистов можно выделить внутреннюю и внешнюю стороны. Задача внутренней — подогревать религиозные настроения, чтобы таким образом притормозить процесс секуляризации, кризис веры[3]. Внешняя — подыгрывание буржуазно-клерикальной реакции, силам антикоммунизма и антисоветизма.

Любые действия имеют свои побудительные причины, мотивационную основу. Каковы же они в действиях экстремистов?

В основе религиозного поведения (культового и внекультового) лежат те или иные вероучительные доктрины, догматы и каноны, нормативные установки. Однако сами по себе они, как и религиозное вероучение в целом, не порождают и не могут порождать экстремизма. Неправомерно и ошибочно считать, будто всякое вероучение «чревато» экстремизмом, или выделять какие-то отдельные конфессии в качестве более «предрасположенных» к экстремизму. В любой «устоявшейся» религии преобладают трезвожизненные, здраворассудительные начала, позволяющие обходиться без экстремистских проявлений.

Но если религиозное вероучение само по себе не порождает экстремизма, то некоторые догматические его положения, будучи истолкованы определенным образом, могут быть использованы в качестве основы для экстремистских взглядов и действий. Религиозная экстремистская активность побуждается целенаправленным тенденциозным истолкованием отдельных вероучительных положений.

Трезво оценивающие земную жизнь людей религиозные деятели и теологи не требуют буквального истолкования отдельных догм, канонов и нормативных установок религии. Более того, они модернизируют вероучение и культ, приспосабливают их к требованиям времени. Такого рода нововведения вызывают отрицательную реакцию со стороны наиболее «ортодоксальных», фанатичных религиозных активистов. Они считают эти перемены «отступничеством» и, объявляя себя истинными ревнителями веры, требуют неукоснительного, буквального исполнения вероучительных догм и канонов. Такая фанатичная консервативность может служить толчком и к экстремистской активности.

В силу ряда причин экстремистские проявления чаще встречаются в сектантской среде. Председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедов в той же статье отмечает, что с фактами экстремистской активности «мы сталкиваемся главным образом в сектантских группах иеговистов, пятидесятников, баптистов-«инициативников» и некоторых других».

И это закономерно, ибо именно таким специфическим религиозным образова-

---

[1] См.: Л. И. Брежнев. Речь на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа Москвы 22 февраля 1980 г. М., 1980, стр. 5—6.

[2] «Коммунист», 1980, № 5, стр. 53.

[3] См.: Э. Филимонов. Кризис веры и религиозный экстремизм. «Наука и религия», 1980, № 2.

ниям, какими являются секты, свойственно буквальное толкование религиозного требования негативного отношения ко всему «мирскому», что ведет к замкнутости, обособленности от общества, повышенной настороженности к инакомыслящим. В сектантской среде больше распространен фанатизм — крайняя форма религиозной одержимости. Фанатик, отмечал Г. В. Плеханов, проклинает во имя спасения, свирепствует во имя блаженства[4]. Все это — такие факторы, которые могут стать питательной почвой для экстремистских действий религиозных фанатиков.

По христианскому вероучению, содержание общественно-исторического процесса составляет извечная борьба двух начал: божественно-праведного и сатанинско-греховного. Отсюда традиционное для религиозного мироощущения деление: все хорошее в жизни — от бога, все плохое — от Сатаны. Экстремистски настроенные религиозные вожаки стремятся ярлык «дьявольского», «сатанинского» наклеивать на самые различные общественные явления. Они воспитывают у верующих враждебность к «греховно-сатанинским» ценностям общества, побуждают к неприятию его норм, законов. В частности, они нередко утверждают, что гражданство в плане государственном неприемлемо для верующих — «граждан Неба».

Толкуя таким образом вероучительные положения и тексты из священного писания, экстремистски настроенные руководители некоторых религиозных групп запрещают верующим участвовать в общественной жизни, вступать в профсоюзы, посещать театры, кино, клубы, слушать радио, смотреть телевизор, читать газеты и «мирские» книги, обращаться к врачам и т. д. Иногда они принуждают верующих отказываться от службы в армии, от участия в выборах, от получения пенсии, не посылать детей в школу. Налицо явное посягательство на важнейшие конституционные права и обязанности советских граждан, попрание прав верующих.

Это относится и к вожакам таких групп, как покутники в западных областях Украины, адвентисты-реформисты, так называемые баптисты-«инициативники» — сторонники совета церквей, отделившиеся от евангельских христиан-баптистов, и некоторые другие. При создании такого рода «новой веры» ее руководители обычно выдвигают главной причиной разрыва с той конфессией, к которой они прежде принадлежали, именно свое отрицание правомерности ряда государственных законов — в отличие от их признания прежними единоверцами.

Руководители адвентистов-реформистов — так называемой «церкви верных и свободных адвентистов седьмого дня» — определили соблюдение «закона божьего» в качестве одного из основных принципов своей деятельности, подчеркивая при этом независимость от государственных законов. В отличие от ортодоксальных адвентистов идеологи этой церкви считают себя «непоколебимо» стоящими на позициях «верности закону божьему».

Вожаки этого религиозного объединения составили своего рода устав — «Основы истины». В нем выделен особый раздел — «государственные власти». Здесь, со ссылками на Библию (всякая власть от бога, кесарю — кесарево и т. п.), говорится об обязанности «по совести отдавать должное» властям: «оказывать честь и уважение, послушание и покорность, участвовать во всяком добром деле, платить налоги, соблюдать общественный порядок...» Казалось бы, расхождения с «государственными властями» нет.

Но, оказывается, имеется существенная оговорка: государственная власть — всего лишь «система бытового, житейского упорядочения человеческого общества», ее «законные рамки прав и деятельности» — заниматься «только своим чисто государственным делом». «Истинные христиане — граждане Неба», «законы государства — от Сатаны» — такими суждениями вожаки этого течения противопоставляют свою паству обществу и государству, таким образом членам общины внушается примат тенденциозно толкуемых «законов божьих» над «человеческими установлениями» и тем самым вызывается раздвоение правосознания верующих, а также дается вероучительное «обоснование» правонарушений, снимающее с верующего ответственность за противозаконные действия.

На этом примере видно, что экстремизм может проявляться на почве любого вероучения — путем определенного его истолкования, спекулятивного использования некоторых его положений, их гиперболизации и абсолютизации антиобщественно настроенными религиозными активистами.

Но если религиозному экстремизму свойственна антиобщественная направленность, то само собой разумеется, что действия таких руководителей религиозных групп неминуемо ведут к нарушениям законов.

Экстремистские вожаки знают об этом. И именно на такой почве они провоцируют верующих на столкновения с органами власти, на несоблюдение законов государства, а пресечение противозаконной деятельности представляют как «преследование за веру».

Беседы с рядовыми верующими показывают, что многие из них не осознают противоправного характера действий, на которые толкают их вожаки-экстремисты. Правосознание верующих в нашей стране в основе своей социалистическое. Они добросовестно выполняют свои гражданские обязанности, с уважением относятся к установлениям государства, его законам. Но все же в правосознании некоторых из них подчас имеются элементы (их больше или меньше — в зависимости от характера и степени веры) неправильного истолкования государственно-правовых явлений. Имеет место своеобразная раздвоенность правосознания верующего: как гражданин он выполняет государственные установления, а как член общины — подчиняется ее требованиям (заметим, что в сектантских общинах с особой силой проявляется религиозное властвование, регулирующее не только культовое поведение верующих, но и другие стороны их жизни). А если тот или иной руководитель общины толкует религиозные требования так, что они расходятся с государственными установлениями, противоречат им, — тогда возникает мучительная для верующих борьба мотивов поведения в юридически значимых ситуациях.

Так, личностно-общинная отчужденность от «греховно-сатанинского» общества, замкнутость верующих в «святости» общины подкрепляются и усиливаются отчуждением верующего-гражданина от государства. Да и как иначе он может поступать, если ему внушают, что государство, «земная» власть — следствие «происков Сатаны», проявление его «злой силы».

Как уже говорилось выше, кредо религиозных фанатиков: «Мы — граждане Неба», только бог имеет право на человека как на «свое» творение и только богу человек должен подчиняться, проявляя независимость от «мира сего», от государства и общества. Толкуя «свободу во Христе» как духовное противопоставление верующего обществу, человека — государству, религиозные вожаки-экстремисты используют это положение в качестве психологического механизма, посредством которого с верующего якобы снимается ответственность за противозаконные действия. Свобода «от мира» и безраздельное «подчинение Христу» изображаются как освобождение от всех «земных» обязанностей, предъявляемых обществом и государством, как свобода от какой бы то ни было ответственности перед ними.

---

[4] См.: Г. В. Плеханов. О религии и церкви. М., 1957, стр. 72.

Человек, ослепленный религиозными иллюзиями, далеко не всегда способен правильно объяснить социальные явления. Искаженное видение ситуации может сделать его восприимчивым к экстремистскому истолкованию фактов. Его легче настроить негативно к действительности, побудить к актам антиобщественного поведения. К тому же экстремистски настроенные религиозные руководители, в частности вожаки баптистов-«инициативников», активно используют меры устрашения: обвиняют единоверцев в ереси, отлучают от общины, проклинают от имени бога. Эти меры вызывают у «провинившихся» острые переживания, угнетенность и страх: ведь отлучение, а тем более проклятие означает для них «вечную гибель», грозит «адскими муками» и т. п.

Имеет место и практика так называемого «освящения». Оно сопровождается истерически-экзальтированными самобичеваниями, проповедями «святости страдания», радости «мученичества за веру», «крестных мук» как смысла человеческой жизни. Религиозные вожаки умело используют страх как «товарную» эмоцию, понимая, что с ее помощью можно привлечь верующего в общину и удерживать его в своей власти, изолируя от общества с его оптимистическим мироощущением.

Религиозных экстремистов отличает также неразборчивость в средствах. К примеру, можно вспомнить «дела» о гибели И. Моисеева и В. Седлецкого[5]. Казалось бы, коль скоро появилось подозрение в убийстве, следовало бы незамедлительно обратиться в органы власти, прокуратуру. И сделать это в тех местах, где погибли люди. Но экстремистских вожаков не интересовало установление истины. Наоборот: они хотели, чтобы истина не дошла до верующих. Потому-то никто не обратился в соответствующие органы с просьбой расследовать дело. Когда хоронили В. Седлецкого, вожаки экстремистов дали команду по общинам собирать группы единоверцев к месту похорон. После «подогрева» чувств собравшихся похоронными молитвами, пользуясь горем родных и близких, траурным настроением, сектантские вожаки кощунственно пустили в ход ложь, чтобы вызвать у верующих чувства враждебности к атеистам.

Известна роль информации как фактора, оказывающего существенное влияние на формирование сознания и психологии людей. Информированность, осведомленность о событиях и явлениях дает возможность со знанием делать выводы, действовать обоснованно, более свободно принимать решения.

Правоведы отмечают, что гражданские права могут быть реализованы при условии, что члены общества в полной мере информированы в той области и в той сфере, в которой осуществляются их права. Дезинформация служит противоположным целям: лишить людей свободы выбора решений, вызвать деформацию сознания, толкнуть на неправильные поступки. Так действуют экстремистские лидеры. Дезориентируя верующих в отношении тех или иных событий и явлений, они навязывают тенденциозные мысли и чувства, оценки и выводы, вынуждают людей поступать вопреки своим правам и интересам.

Лидеры баптистов — сторонников совета церквей — в целях дезинформации искажают факты, пускают в ход разного рода домыслы, чтобы вынудить верующих пойти на противозаконные действия. Они используют, например, во зло право каждого советского гражданина обращаться с письмами и заявлениями во все инстанции, а также возведенную в закон обязанность всех организаций и учреждений по-деловому реагировать на такие обращения. Спекулируя на этой особенности советской демократии, на уважении социалистического государства к гражданским правам, баптисты — сторонники совета церквей ввели в систему многочисленные необоснованные обращения к властям. Распространяя в больших количествах копии писем, извращающих положение верующих в нашей стране, они стремятся ввести в заблуждение общественность.

Однако жизнь свое берет, она в конечном счете показывает неправоту экстремистских вожаков, которые свои личные корыстные цели ставят выше интересов верующих. В нашем обществе имеется объективная основа для преодоления каких бы то ни было экстремистских проявлений, в том числе и на религиозной почве, — это социалистические отношения. Они формируют у советских людей оптимистическое мироощущение, единство советского общества, гуманистическая сущность которого обеспечивает многообразную помощь атеистов верующим. Особенно важна такая помощь тем, кто оказался жертвой происков религиозных экстремистов.

Выступая на внеочередной сессии Верховного Совета СССР при принятии новой Конституции СССР, товарищ Л. И. Брежнев указал на то, что «помогать выработке высокой политической культуры у каждого гражданина — важная задача партийных, государственных и общественных организаций, ответственных за коммунистическое воспитание трудящихся»[6].

Важным элементом политической культуры является знание правовых норм, когда узаконенные обществом и государством правила поведения воспринимаются гражданами как собственные, становятся ориентиром и стимулом их деятельности, социального поведения. Для воспитания у верующих правильного правосознания, формирования у них политической культуры огромное значение имеет активная пропаганда конституционно-правовых принципов, в том числе и свободы совести.

Воспитание непримиримости к буржуазной идеологии, укрепление и развитие классового самосознания трудящихся — важная сторона формирования политической культуры. Практика идеологической работы показывает: в тех случаях, когда раскрывается антиобщественная направленность действий экстремистов, возбуждающих у верующих вражду и ненависть к неверующим, к социалистическому обществу, тогда успешно решаются и задачи формирования классового и правового самосознания у верующих — честных советских людей, выработки у них гражданственности, политической культуры.

Стержневым вопросом воспитания политической культуры служит формирование чувства гражданственности. Термин «гражданин» означает, как известно, принадлежность к государству, возник он в эпоху буржуазных революций как средство регулирования отношений между личностью, обществом и государством. В социалистическом обществе этот термин получил новое содержание, исходящее из социалистических общественных отношений и основанного на них единства интересов личности и общества. Такое единство, диалектическое сочетание прав, свобод и обязанностей стало главным, определяющим в содержании социалистического гражданства. Совместная работа в трудовом коллективе, проявление единства интересов общества и личности, уважение к ее достоинству — таковы существенные черты нового содержания гражданства в социалистическом обществе.

От организаторов атеистической работы требуются усилия как по активизации правового просвещения пропагандистов атеизма, так и по атеистической просвещенности юристов, административных работников. Только на этой основе можно обеспечить и широту и глубину критики религиозного экстремизма, эффективность работы по его преодолению.

г. Киев

---

[5] См. об этом: В. Пелех. Когда бушевала стихия. «Наука и религия». 1979, № 5; А. Белов, А. Шилкин. Диверсия без динамита. М., 1976, стр. 91.

[6] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 6. М., 1978, стр. 545.

ЗАБОТЫ всего человечества

И. ФРОЛОВ, член-корреспондент АН СССР

Байкал останется чистым! Здесь постоянно контролируют чистоту воды, проверяют санитарное состояние портов, судов, плавающих по озеру. Работники экспедиции по контролю поверхностных вод проводят их химический анализ.

Передвижная лаборатория «Атмосфера-2» Омского территориального управления по гидрометеорологии и контролю природной среды берет пробы воздуха в разных точках города.

Фото В. Матвиевского, А. Чепурко.

В последние годы на научных конференциях и симпозиумах все чаще звучит термин «глобальные проблемы». Эти проблемы обсуждают сегодня представители всех наук и общественных организаций. Наши корреспонденты попросили председателя Научного совета при Президиуме Академии наук СССР по философским и социальным проблемам науки и техники, члена-корреспондента АН СССР Ивана Тимофеевича Фролова рассказать читателям журнала об этих глобальных проблемах и об основных путях их решения.

Во второй половине нашего столетия мир оказался перед лицом качественно новых проблем, которые принято называть теперь глобальными, то есть общемировыми, так как их решение выходит за рамки отдельных государств и зависит от усилий всего человечества. Никогда прежде за всю историю человеческого общества не возникали в мире ситуации, чреватые опасностью для самой цивилизации. Никогда еще человек не обладал столь мощными средствами массового уничтожения и разрушения, какими он располагает сегодня, и возможностями столь сильного воздействия на окружающую среду. Никогда у людей не было таких серьезных оснований для беспокойства о том, хватит ли им или их потомкам природных ресурсов. Совершенно очевидно, что связанные со всем этим проблемы имеют глобальный характер и что от их разумного решения будет зависеть благосостояние нынешних и будущих поколений, судьба земной цивилизации.

Ученые всех стран детально обсуждают особенности и масштабы глобальных проблем и пути их решения. И хотя единого и бесспорного определения «глобальности» применительно к проблемам такого рода еще не выработано и их перечни, составляемые различными исследователями, совпадают не во всем, почти каждый перечень включает в себя такие проблемы, как предотвращение ядерной войны и создание мирной основы для развития международных отношений, перестройка экономических отношений между странами, ликвидация голода и нищеты на земном шаре, проведение активной демографической политики, охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, развитие международного сотрудничества в области науки и техники.

Советские ученые, в том числе и философы-марксисты, с самого начала приняли активное участие в обсуждении глобальных проблем, взяв на себя инициативу в постановке некоторых из них. Пристальное внимание к кардинальным, общечеловеческим проблемам и глубокое их изучение в масштабах целых исторических эпох — давняя традиция марксизма. Марксистско-ленинская философия разрабатывает методологию и мировоззренческие аспекты глобальных проблем, исследует научные и социальные пути их решения, стимулирует глубокие научные дискуссии по этой тематике, привлекает внимание представителей всех областей знания к гуманистическим аспектам глобальных проблем, включает их в концептуальную связь с общими тенденциями развития цивилизации как в материальной, так и в духовной сфере, в том числе в сфере мировоззрения, науки, культуры и морали.

Философы-марксисты видят сложность глобальных проблем, прослеживают их зависимость от большого числа разнородных факторов — социальных, экономических, политических, культурных, технических, природных, отмечают их необычайную остроту и актуальность, усугубляемые ускорением темпов общественного развития и научно-технического прогресса, их огромные масштабы, их взаимопереплетение, взаимодействие и взаимную обусловленность. Для философов-марксистов, так же как и для представителей других наук, стоящих на материалистических позициях, очевидно и бесспорно, что решение глобальных проблем может быть найдено не только при условии координированных усилий многих стран (с чем согласны все исследователи), но и при разумной организации общественной жизни и научно обоснованном управлении социально-экономическими процессами.

Лучшее этому доказательство дает нам анализ последствий и дальнейших перспектив совершающейся на наших глазах научно-технической революции, которая в значительной степени и породила глобальные проблемы. НТР и сама приняла сегодня глобальные масштабы, ибо не осталось на земле ни одного уголка, где бы в той или иной форме не ощущалось ее влияние. Но несмотря на глобальность, особенности ее проявления во многом зависят от тех общественных отношений, в рамках которых осуществляется развитие науки и техники и которыми определяется, как и с какой целью будут использованы плоды этого развития. «Мы, коммунисты, — говорил Л. И. Брежнев, — исходим из того, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество» [1].

В условиях социализма наука и техника составляют основу гармоничного развития экономики, служат повышению благосостояния людей, расцвету культуры, духовному росту человека. Те противоречия и проблемы, которые порождает НТР, подвергаются всестороннему анализу и разрешаются усилиями всего общества. Читателям «Науки и религии» хорошо известно, какие огромные масштабы приняло за последние годы в нашей стране обсуждение вопросов охраны окружающей среды. Десятки и сотни людей выступили в печати с конкретными предложениями; в специальных и популярных журналах рассказывалось об опыте передовых предприятий, перешедших на так называемую безотходную технологию. И вот теперь Третья сессия Верховного Совета СССР приняла закон «Об охране атмосферного воздуха». В этом общесоюзном законе сконцентрирован многолетний опыт борьбы за чистый воздух в нашей стране, а также критически осмыслены и использованы достижения других стран. Принципиально новое и важное в нем — это положение о предельно допустимых выбросах в атмосферу, нарушать которые не имеет больше права ни одно предприятие. Такого же рода нормативы установлены и для всех видов автомобильного транспорта.

В этой области, как, скажем, и в области здравоохранения и медицины, основное направление нашей государственной политики — профилактическое: закон требует уже на стадии проектирования нового предприятия принимать в расчет «экологическую опасность» вводимой в действие технологии не только для воды, леса и почвы (это требование уже учитывается проектировщиками), но и для воздушного бассейна. Статья 15 закона не разрешает внедрение открытий и изобретений или приобретение за рубежом технологического оборудования, «если они не удовлетворяют установленным в СССР требованиям по охране атмосферного воздуха». Соответствующие ограничения наложены и на применение средств защиты растений, минеральных удобрений и других препаратов. В законе подчеркнуто, что нормы предельно допустимых концентраций, несмотря на все разнообразие географических и климатических условий в различных районах, едины и обязательны для всех; в отдельных случаях, для отдельных регионов могут устанавливаться более строгие нормативы. Такой подход позволяет оценивать по единым критериям состояние воздушной среды над всей территорией страны и вместе с тем открывает полную возможность для дальнейших усовершенствований в этой области.

На примере этого закона мы видим, что бесконтрольное стихийное развитие техники и технологии в нашем социалистическом обществе абсолютно исключено. Государство трудящихся, проявляя всемерную заботу о научно-техническом прогрессе, в то же время ставит его в определенные рамки и дает ему то направление, которое действительно отвечает интересам человека и общества. Нужно ли доказывать, что только такое государство в состоянии внести наиболее весомый вклад в решение глобальных проблем!

Иное положение создается в капиталистическом обществе с его стихийно развивающейся экономикой. Там объективные тенденции развития НТР проявляются в чрезвычайно сложной форме, усугубляя социальные противоречия и порождая большое количество острых социально-экономических проблем, среди которых, как мы знаем, первое место занимает все растущая безработица. Общество, способное, вне всякого сомнения, добиваться первоклассных результатов в решении чисто технических задач, не в состоянии по-настоящему разрешить ни одной социально-экономической проблемы. Любая такая попытка неизбежно наталкивается на препятствия, свойственные самой природе капиталистического строя. И не случайно, что в капиталистическом сознании научно-техническая революция, наука и техника вообще часто принимают искаженный и угрожа-

[1] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 47.

ющий облик, воспринимаются как некие самодовлеющие силы, глубоко враждебные человеку, а среди идеологов капиталистического общества все чаще звучат пророчества о приближающейся гибели цивилизации — гибели, которую якобы несет «вышедший из-под контроля человека» научно-технический прогресс. Эти взгляды присущи теоретикам самых различных школ и направлений — от экзистенциалистов, противопоставляющих «техническую цивилизацию» «свободному развитию человека», до неомальтузианцев, грозящих взрывом «демографической бомбы», и различного толка теологов, предсказывающих гибель «погрязшего в грехах» человечества, если оно не «создаст новую или не изменит старую религию»[2].

Тон в заботах теологов о судьбах мира в аспекте глобальных проблем задает теперешний папа Иоанн-Павел II, который уже в первой энциклике «Редемптор гоминис» («Спаситель человека») призывает церковь сочувственно откликнуться на те гуманные идеалы, которые присутствуют в человеке и в современном мире, и сконцентрировать свое влияние на человеке «конкретном и историческом», а также на превратностях человечества. Приближаясь к концу второго тысячелетия, необходимо, считает папа, уяснить себе причины того, почему «человек все чаще пребывает в состоянии страха», подвергаясь «опасности, исходящей от плодов его собственного труда» как в плане материальном, так и духовном. Напрасно было бы ожидать, что папа Иоанн-Павел II укажет конкретные социально-политические причины этого: он лишь констатирует, что финансовые, валютные, производственные и торговые структуры и механизмы, лежащие в основе мировой экономики, оказались неспособными «сгладить проявления социальной несправедливости, унаследованные от прошлого, и дать ответы на неотложные проблемы и этические требования настоящего». Напоминая об «угрозе загрязнения естественной среды, возникающих и непрекращающихся вооруженных конфликтов, об угрозе самоистребления атомным, водородным, нейтронным и другим оружием массового уничтожения», Иоанн-Павел II призывает покончить с этой трагедией, порождающей такие явления, как инфляция, безработица, падение нравов. Как этого достичь в будущем? Папа дает весьма расплывчатый ответ на этот вопрос, выдвигая «принципы солидарности» в качестве источника вдохновения для изыскания «наиболее целесообразных институтов и механизмов», «рационального и справедливого планирования», «преобразования основ экономической жизни», ведущего к «преобразованию разума и души».

Такого рода рекомендации, равно как и фетишизация любых глобальных проблем — будь то проблема демографическая или энергетическая, — глубоко чужды как философам-марксистам, так и вообще советским ученым. Как показывает анализ современного исторического развития, возникновение и развитие этих проблем в первую очередь обусловлены социальными процессами и отражают присущие этим процессам диалектические противоречия. В связи с этим мы весьма далеки от того, чтобы равномерно «распределять» ответственность за обострение глобальных проблем между всеми государствами мира. Энергетический, продовольственный, демографический и другие кризисы — разве это не результат бездумного, хищнического отношения к природе, к ее ресурсам, свойственного как домонополистическому капитализму, так и современным межнациональным корпорациям? Разве это не результат беспощадной эксплуатации колоний в прошлом и развивающихся стран в настоящее время, безоглядного разрушения в этих регионах сложившихся веками общественных структур и полного пренебрежения экономическим, социальным и культурным развитием эксплуатируемых народов?

Именно по этим причинам обострение глобальных проблем стало одним из новых и важных факторов роста национально-освободительных движений, укрепления национального самосознания в развивающихся странах, стимулом их борьбы за подлинную экономическую независимость. Столь же естественно, что глобальные проблемы становятся сегодня существенной частью политических программ пролетариата в развитых капиталистических странах и привлекают там внимание широких кругов прогрессивной научной общественности.

На Западе и в среде советских исследователей широко известны, например, работы, выполненные по заказам «Римского клуба» — неправительственной организации, которая объединяет около ста ученых, промышленников и менеджеров, озабоченных судьбами человечества. «Римский клуб» занят серьезным изучением глобальных проблем, но выводы, к которым приходят его представители, нередко диаметрально противоположны нашей позиции. Председатель клуба А. Печчеи в своей последней книге «Человеческие качества» рассказывает о нехватке сырьевых ресурсов, о загрязнении среды и призывает к коренному пересмотру целей и критериев мирового развития. Он пишет: «Истинная проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам же внес в этот мир. Поскольку проблема, возникшая на этой критической стадии его развития, находится внутри, а не вне человеческого существа, как на индивидуальном, так и коллективном уровне, то ее решение должно исходить прежде всего и главным образом изнутри этого существа. Иными словами, проблема сводится к человеческим качествам, к тому, как их можно улучшить. Трансформация нашей материальной цивилизации и разумное использование ее огромного потенциала возможны лишь за счет соответствующего развития во всем мире человеческих качеств и способностей».

Мы считаем, что точка зрения А. Печчеи не выдерживает критики. Важны ли изменения в человеческом сознании для решения глобальных проблем? Безусловно! Каждая из этих проблем требует от всех нас, так или иначе участвующих в развитии общественной жизни, четкого понимания их актуальности и остроты, осознания своей ответственности за жизнь и здоровье будущих поколений, определенной нравственной позиции. Но можно ли считать это главной движущей силой, способной избавить человечество от противоречий глобальной проблематики, столь тесно связанной со всем комплексом социально-экономических и политических проблем? Конечно, нет.

Решающая роль в решении глобальных проблем и в той «человеческой революции», о которой мечтают А. Печчеи и его сторонники, принадлежит социальным преобразованиям. Об этом наглядно свидетельствует опыт нашей страны, где уже в первые десятилетия после Октябрьской революции была создана широкая сеть образования и здравоохранения, выросла мощная научно-техническая база, а сельское хозяйство переведено на механизированную основу.

С самого начала отличительной чертой социально-экономической политики в нашей стране было стремление к рациональному, комплексному использованию природных ресурсов. Особое внимание было обращено на развитие некогда отсталых районов, где объем промышленной и сельскохозяйственной продукции увеличивался в 1,5—3 раза быстрее, чем по стране в целом, и где были заложены прочные основы для культурного и духовного роста людей. Из практики социалистического строительства видно, что преобразование общественных отношений неизбежно ведет к преобразованиям в общественном и индивидуальном сознании, к установлению прочных моральных и этических норм, к повышению чувства ответственности, что всякой «человеческой революции» предшествует революция социальная.

Но не от одних социальных преобразований зависит сейчас решение глобальных проблем, а от общего политического климата на нашей планете, от степени взаимопонимания между странами, от их готовности идти на коллективные действия в общих интересах. Это обстоятельство и придает глобальным проблемам политический характер и ставит их решение в зависимость от разрядки международной напряженности, обеспечивающей возможности для широкого научно-технического и экономического сотрудничества.

Каждому человеку известно, что, когда сталкиваешься со сложной и трудной задачей, важно нащупать главное звено в цепи загадок, которые лежат перед тобой, и ухватиться именно за это звено. Главное звено сегодня — предотвращение термоядерной войны и борьба за мир, разоружение, с конструктивными программами которого последовательно и неуклонно выступает Советский Союз. Без эффективного разоружения потери всех ресурсов будут безудержно расти и решение любых глобальных проблем станет еще более трудным, а то и вовсе невозможным.

По подсчетам швейцарского ученого Ж. Бабеля, за время существования нашей цивилизации, то есть примерно

---

[2] Подробнее см., например: Е. Бродская. Спасение мира по профессору Уайту. «Наука и религия», 1980, № 8, стр. 36. Прим. ред.

за пять с половиной тысяч лет, произошло 14 513 войн, в которых погибло более трех с половиной миллиардов человек. Только во время второй мировой войны, когда военные действия велись на территории 40 государств, ее жертвами стали 50—55 миллионов человек. Число раненых достигло 34—35 миллионов, 20—25 миллионов остались инвалидами. Сегодня же, в эпоху ракетно-ядерной техники, война стала абсолютно недопустимой, так как она может привести к уничтожению всего живого и превратить нашу неповторимую планету в безжизненное космическое тело, зараженное радиоактивными веществами.

Еще в 1918 году В. И. Ленин говорил, что современная техника сейчас все более и более помогает разрушительному характеру войны. Но будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что вообще станет невозможной. Сегодня человечество подошло к такому историческому рубежу, когда у него не остается иного выбора, кроме вечного мира, о котором веками мечтали все народы.

Разоружение, и только оно даст в руки людям те огромные средства, которые нужны для решения всех глобальных проблем. По данным ООН, ежегодные военные расходы в мире превышают 400 миллиардов долларов; это в 2,5 раза больше, чем тратится на здравоохранение, и в 1,5 раза больше, чем на образование. Чтобы покончить с голодом, болезнями и неграмотностью, достаточно суммы, равной 8—10 процентам мировых военных расходов.

Программа экономической и технической помощи развивающимся странам, ставящая своей целью увеличение производства продовольствия в этих регионах, оценивается всего в три миллиарда долларов — это меньше одного процента расходов на вооружение, а продовольственная помощь, необходимая для того, чтобы уже сегодня обеспечить нормальным питанием детей Африки, Азии и Латинской Америки, стоит еще меньше. Именно в борьбе за мир и всеобщее разоружение, в авангарде которой были и остаются страны социалистического содружества, и начинается, на наш взгляд, истинная «человеческая революция», открывающая реальные перспективы глобальных проблем.

Решение проблемы мира дало бы обеим сторонам «возможность сэкономить значительные средства, использовать их для производительных целей, для улучшения жизни людей»[3], — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС.

Любая из глобальных проблем, встающих перед человечеством, связана сегодня с ключевой проблемой предотвращения мировой войны и разоружением, с необходимостью серьезных социально-экономических преобразований в странах мира и с перестройкой отношений между ними. Рассмотрим в заключение такую, например, проблему, как возможное изменение климата на Земле. На первый взгляд она кажется далекой от острых политических и социальных задач современности, но это лишь на первый взгляд.

Климат планеты менялся на протяжении тысячелетий, и такой естественный процесс природы будет происходить и дальше. Но сегодня к таким факторам изменения климата прибавилось и влияние хозяйственной деятельности человека. Размеры искусственных сооружений, доля преобразуемой земной поверхности, количество извлекаемых из недр полезных ископаемых уже стали такими, что мы не можем считать окружающую природную среду безграничной, а ее элементы — неисчерпаемыми. Климат в этом отношении играет особую роль, так как все отрасли экономики развиваются с учетом его особенностей, а подавляющее большинство форм человеческой деятельности оказывает на него то или иное воздействие.

Один из наших крупнейших метеорологов академик Е. Федоров считает, что в ближайшие десятилетия можно ожидать небольших изменений климата, подобных тем, что были за последние 100—200 лет, и начнутся они скорее всего с незначительного потепления в Северном полушарии. Член-корреспондент АН СССР М. Будыко полагает, что потепление может оказаться значительным: накопление в атмосфере углекислого газа, которое приведет к этому потеплению, идет слишком быстрыми темпами. Что же произойдет тогда?

«Допустим, — пишет М. Будыко, — что в результате потепления начнется медленное отступление полярных льдов и увеличится пространство чистой воды в северных морях. Вода будет аккумулировать солнечное тепло, которое раньше отражалось от поверхности полярных льдов. Уменьшится толщина льда, нарастающего за зиму, а следовательно, на следующий год площадь чистой воды станет еще больше. За короткий срок может сократиться площадь ледяной шапки, окружающей Северный полюс, нарушится сложившийся характер перемещения холодных арктических потоков в низкие широты. Это обстоятельство в свою очередь скажется на распределении осадков на территории целых континентов. Пустыни начнут наступать на важные районы земледелия. Это — негативная сторона процесса. С другой стороны, при потеплении улучшатся условия полярной навигации и значительно облегчится освоение северных районов. Повысится и продуктивность сельскохозяйственных культур в районах со сравнительно холодным и влажным климатом.

Оценивая последствия быстрого потепления климата, надо подчеркнуть, что человечество столкнулось с совершенно новой проблемой, требующей изучения. Сложившаяся экологическая ситуация уже оказывает значительное влияние на хозяйственную деятельность в ряде стран, а дальнейшее усиление такого влияния может иметь крупные последствия, которые не имеют аналогии в истории».

Два крупнейших специалиста в области климата сходятся на том, что обусловленные деятельностью человека климатические изменения становятся реальностью, ученые лишь расходятся в оценке их темпов и масштабов. На Всемирной конференции по климату, проходившей в 1979 году в Женеве, высказывались и другие точки зрения на характер изменения климата, но все они отражают тревогу по поводу того, что продолжающееся расширение хозяйственной деятельности человека может привести сначала к региональным, а затем и к глобальным переменам в климатических условиях.

По мнению большинства ученых, изменения регионального и глобального масштабов можно будет обнаружить до конца этого столетия, а до середины следующего они станут значительными. «Этот временной масштаб, — говорится в Декларации Всемирной конференции по климату, — аналогичен временному масштабу, необходимому для того, чтобы переориентировать, в случае необходимости, работу многих отраслей мировой экономики, включая сельское хозяйство и производство энергии. Поскольку изменения климата могут оказаться благоприятными в некоторых частях мира и неблагоприятными в других, может потребоваться значительная социальная и технологическая перестройка».

Как видим, сами климатологи приходят к выводу о связи климатической проблемы с социальными перестройками и о их неизбежности. Совершенно очевидно, что при всех попытках представить себе климат будущего мы должны знать, какими путями будет развиваться экономика, каковы планы долгосрочного развития отдельных стран, регионов, мира в целом. Если же в повестку дня встанут задачи направленного воздействия на климат, для того, например, чтобы сохранить нынешний, то сразу возникнет и множество политических вопросов. Ведь воздействие на климат затрагивает интересы всех стран и народов и оно немыслимо без соответствующих международных договоров. Надо ли лишний раз повторять, что их соблюдение возможно лишь в обстановке прочного и длительного мира — первого условия плодотворного сотрудничества между государствами с различными социальными системами. А коль скоро дело пойдет о сотрудничестве в осуществлении такого глобального проекта, как климатический, который потребует огромных расходов, государствам, участвующим в нем, не останется ничего иного, как энергичнее взяться за разоружение.

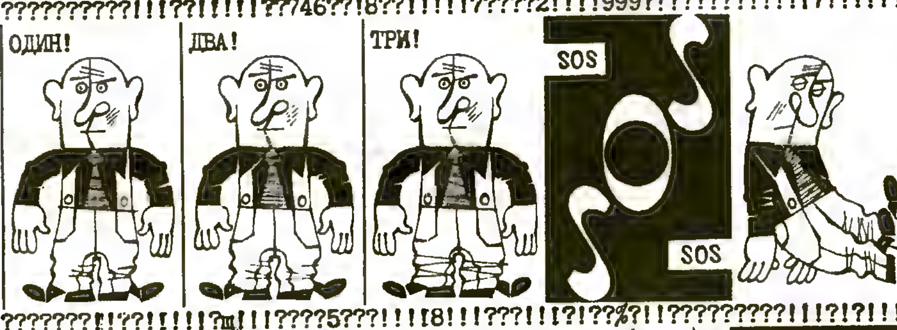
Приспособление экономики мира к возможным изменениям климата — одна из глобальных проблем, встающих сегодня перед человечеством. Современный уровень науки и техники уже позволяет наметить конкретные пути к ее решению. То же относится и к другим глобальным проблемам. Каждая из них будет решаться различными научно-техническими и организационными методами, но все эти методы могут быть по-настоящему реализованы только в условиях прочного мира, необратимого разоружения, тесного международного сотрудничества и той разумной организации общественной и экономической жизни, лучшие образцы которой, как показывает опыт десятилетий, выработаны в странах социализма.

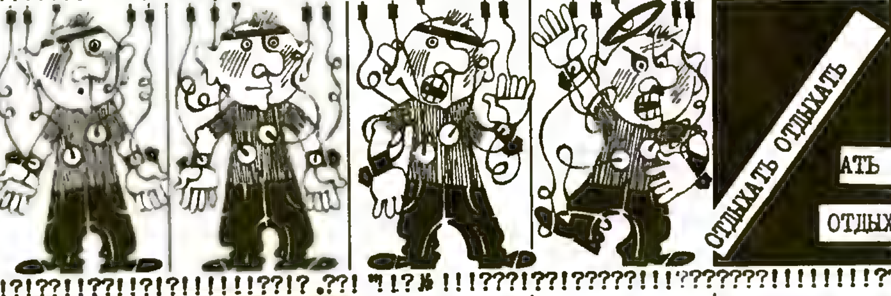
Записали А. ЛЕПИХОВ и Б. СМАГИН

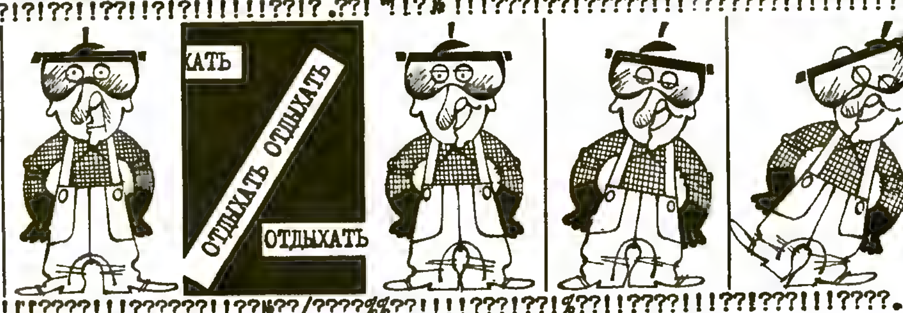

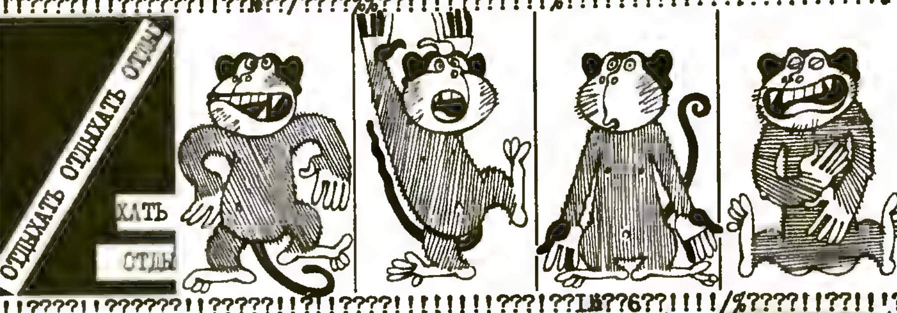
[3] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 23.

Машина приказывает отдыхать

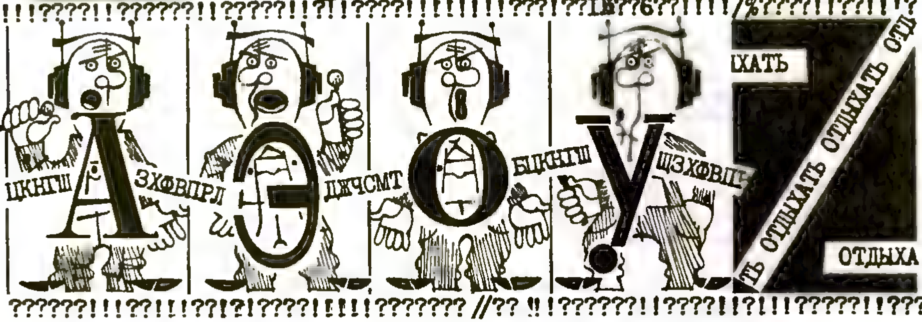

Рисунок Е. Катышева.

ЧЕЛОВЕКУ О ЧЕЛОВЕКЕ

С. ИВАНОВ

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ТРИУМФ

— А теперь, — говорит режиссер, — сыграем такой этюд. Вы пилот, вас посылали на ответственное и трудное задание. Вы его выполнили и возвращаетесь домой. На аэродроме готовится торжественная встреча — благодарность перед строем, может, даже представление к награде, дружеские объятия, цветы... Вы докладываете по радио, что все в порядке и вы на подходе, и вдруг слышите, что аэродром машину принять не может, садиться надо в другом месте. Торжества отменяются. Вы меняете курс и внезапно обнаруживаете, что вышел из строя навигационный прибор. Затем... Нет, пока достаточно. Начали!

Актер, сидя за воображаемым штурвалом, всматривается в воображаемую даль. В его глазах предвкушение триумфа, на губах победоносная улыбка. Короткий разговор с диспетчером, и от упоения нет и следа. Разочарование, досада, тревога, сосредоточенность — целый спектр чувств отражается на его лице, в его интонациях, когда он переговаривается с аэродромами. Но подлинные ли эти чувства, размышляет режиссер, глубоко ли он вжился в роль? Как-никак школа Станиславского. Впрочем, приборы покажут...

Нет, это не актерский экзамен, не проба на роль, и дело происходит не в студии, а в физиологической лаборатории. Только актеры настоящие — из МХАТа, из «Современника», из театра имени Маяковского, из Детского. Но экзаменуются не они — экзаменуется научная идея, не имеющая к театру никакого отношения.

Все мы, хотя бы в общих чертах, представляем себе, как выглядит пост управления автоматизированным производством, например энергосистемой. Большой светлый зал. Во всю стену — щит с приборами, лампочками, мнемосхемами. За пультом сидит оператор и, глядя на стрелки приборов и на мигающие лампочки, время от времени поворачивает переключатели или нажимает на кнопки. Всеми технологическими агрегатами — турбинами, генераторами, котлами — управляет автоматика, а оператор лишь следит за ее работой и ждет аварийного сигнала, когда автоматика позовет его на помощь.

Человеку несведущему такая работа может показаться до неприличия легкой. Но легкость эта обманчива. Нет ничего тягостнее бездеятельного ожидания. Прождав несколько часов, человек может дойти до такой степени напряжения, что аварийный сигнал начнет ему мерещиться в солнечных бликах и в погашенных лампочках.

Но вот сигнал прозвучал — оператор должен вмешаться. Иногда вмешательство настолько стремительно, что трехминутное дело выматывает человека не меньше, чем месяц изнурительной работы. В одной из наших энергосистем вдруг сразу отключилось несколько генераторов. Оставшиеся генераторы, на которые мгновенно пала огромная нагрузка, через несколько минут тоже вышли бы из строя. Со сверхчеловеческой быстротой дежурный диспетчер восстановил разладившийся режим, а на

другой день был отправлен в санаторий — приводить в порядок нервную систему, претерпевшую перегрузку.

Из жерла электропечи один за другим выскакивают раскаленные прутья, мчатся по желобу и, наматываясь на крутящийся вал, свиваются в пружину (пружину эту, именуемую передней подвеской, на сборочном конвейере прикрепляют к кузову автомобиля). Электропечью управляет автоматика. Но у желоба все равно сидит оператор: автоматика может отказать. Тогда он должен мгновенно сообразить, что следует предпринять. Но легко ли сообразить, когда ты уже одурел от мелькания красных полос и не знаешь, спишь ты или бодрствуешь. Кто соображает, а кто и теряется. Многие энергетики помнят, как диспетчер одной энергосистемы, человек опытный и дисциплинированный, услышал после долгого молчания приборов аварийную сирену и, вместо того чтобы повернуть один-единственный рычажок, о существовании которого он прекрасно знал, взял да и покинул свой пост, медленно побрел по коридору, обводя встречных отсутствующим взглядом. Слишком резок был сигнал, чересчур ранимой оказалась нервная система, и вот вместо «рабочей» реакции — реакция защитная, психическая заторможенность, транс.

ПРОФЕССИЯ ВЕКА

Ни энергосистемой, ни химическим цехом, ни прокатным станом, ни ядерным реактором управлять без автоматики немыслимо: многие технологические процессы совершаются с огромной скоростью, контролировать их надо в сотнях точек, воздействие на них должно быть очень точным и быстрым, непосредственный контакт с ними для человека невозможен и часто опасен. Поручить же все автоматике и уйти — нельзя: никакая автоматика не справится с ситуацией, не предусмотренной в программе. А такие ситуации в больших системах управления не редкость.

Одни операторы сидят и ждут, лишь изредка вмешиваясь в процесс. Других захлестывает поток сигналов, на которые нужно реагировать немедленно. Авиадиспетчер, например, «сидит и ждет», только когда аэропорт закрыт. В обычные же дни на него обрушивается лавина информации. Сигналы поступают от пятнадцати источников сразу — от взлетающих и идущих на посадку самолетов, от взлетно-посадочных полос, от соседних аэропортов, от метеослужбы. Из комбинации «эхо-сигналов» — светлых пятнышек на экране локатора — диспетчер должен составить себе ясное представление об обстановке в воздухе и ни на секунду не упускать из виду эту беспрерывно меняющуюся комбинацию. «Только не потерять картинку. Не потерять картинку», — приказывает он себе, впиваясь глазами в экран, напрягая всю свою волю и отгоняя посторонние мысли. Пилотам, которыми он сейчас управляет, тоже нелегко: они слушают команды и следят за приборами. Бывают обстоятельства, при которых пилоту приходится переводить взгляд с прибора на прибор более ста раз в минуту.

Авиадиспетчер и пилот, диспетчер энергосистемы и оператор электропечи — все они, независимо от степени своего участия в процессе управления, делают одно и то же: перерабатывают оперативную информацию и принимают на ее основе решения, от которых зависит судьба людей и сложной техники. Тем же, по сути, заняты рулевые на кораблях и космонавты, операторы металлургических агрегатов и диспетчеры химических цехов, железнодорожные машинисты и дежурные по станциям. Всех их объединяют сегодня одним понятием — операторы. Оператор — главная фигура современного производства, любой автоматизированной системы управления. Это профессия века.

Скажем прямо, сложная профессия. Сегодняшняя техника освобождает человека от тяжелых физических нагрузок, но им на смену приходят нагрузки психические. И дело не только в объеме информации, который нередко превышает психофизиологические возможности человека. Дело еще в огромной ответственности. Если ошибется рабочий-станочник, из-под резца выйдет одна испорченная деталь, если ошибется оператор автоматической линии, в брак пойдут сотни деталей. Вот один из парадоксов НТР: с развитием техники роль «человеческого фактора» не уменьшается, а растет и порой чуть ли не в геометрической прогрессии.

МОЖЕТ БЫТЬ, БИОТОКИ?

Чувство ответственности не покидает оператора никогда, а с ним и постоянное нервное напряжение. Вот почему во многих отраслях промышленности, транспорта и связи операторы проходят профессиональный отбор и целую систему тренировок, напоминающих иногда тренировки летчиков и космонавтов. В операторы берут тех, у кого быстрая реакция, прочная и гибкая память, устойчивое внимание, кто решителен, вынослив и невозмутим. Часто им создают особые условия для работы. У одних укороченный рабочий день. Другие перед выходом на дежурство проводят сутки в профилактории, в полном покое и под наблюдением врачей. Каждого из них готов подменить товарищ, к каждому в случае необходимости спешит на помощь опытный руководитель. Но все это не застраховывает оператора от перенапряжения, от преждевременной усталости и от ошибок.

Он — человек, а не машина. Он может разволноваться накануне, провести беспокойную ночь, и вот он уже засыпает под гудение двигателей, под стук колес, даже в разноголосице радарной, где авиадиспетчеры следят за игрой «эхо-сигналов». У него могут быть душевные неурядицы, внезапное физическое недомогание — внимание его рассеивается, и он совершает непоправимую ошибку. И вся беда в том, что оператор часто и не подозревает о снижении своей работоспособности. Он обнаруживает это, когда одна оплошность накладывается на другую. Он уверяет, что чувствует себя великолепно, он энергичен и деловит, но наметанный глаз приметит в этой деловитости беспокойную суетливость, а опытное ухо уловит в бодрых его интонациях опасное перевозбуждение. Еще минута, и возможен нервный срыв, человек начнет делать все как попало. А этот? Только что он был сама невозмутимость и сосредоточенность, и никто не заметил некоторый излишек этой невозмутимости. И теперь он спит непробудным сном. Монотонность и нехватка бодрящей мускульной работы сделали свое дело.

Что ж, если оператор не может сам судить о своем состоянии, пусть об этом судят приборы. Он и не думает клевать носом, а на его электроэнцефалограмме уже преобладает альфа-ритм — вестник даже еще не дремоты, а пока только эмоциональной расслабленности и неуместного безразличия. Он перевозбужден, и по электроэнцефалограмме бегут соответствующие ритмы, а датчики отмечают учащение пульса, повышение давления, изменения в электрической проводимости кожи. Все эти сведения поступают в ЭВМ, та сравнивает их с хранящимся у нее в памяти эталоном нормального состояния человека и, если отклонения от нормы увеличиваются, сигнализирует главному диспетчеру: такого-то оператора нужно сменить, он ненадежен, ему пора отдохнуть.

Идея такого контроля казалась заманчивой и обещала чуть ли не решение всех проблем оптимизации операторского труда. Но попытки реализовать ее принесли разочарование. Во-первых, приборы оказались чувствительны к внешним помехам, они вводили машину в заблуждение, а во-вторых, операторам определенно мешали работать налепленные электроды и датчики, мешали даже психологически: они чувствовали себя какими-то подопытными кроликами и требовали избавить их от электродов.

Оператор не должен замечать контроля — вот в чем суть! Он должен забыть о нем. Поиски средств «незаметного» контроля за утомлением работающего человека — вот на что были направлены усилия группы ученых из Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР.

ИНФРАКРАСНЫЕ ОЧКИ

— Первый вопрос, который мы задали себе, был такой: какую реакцию контролировать? — рассказывает заведующий лабораторией прикладной физиологии высшей нервной деятельности человека Михаил Васильевич Фролов. — Решили — векодвигательную: это очень точный показатель степени утомления. Когда человек бодр и работоспособен, глаза закрываются у него лишь на миг, когда он утомлен — миги растягиваются в секунды. Уловить зарождение этого процесса, человеку еще неведомого, — и задача решена. Как это сделать, не касаясь век, без всяких электродов? Инфракрасными лучами! К оправе очков прикрепляем излучатели и приемники этих лучей. Оператор лучей не ощущает, а значит, и не думает о них. Во время нормального мигания в приемник поступают одни порции отраженных от сетчатки инфракрасных лучей, отяжелели веки — уже другие. Порции замеряются прикрепленными к очкам датчиками. Критический уровень достигнут, и автоматика подает сигнал «заменить оператора» или останавливает объект.

Очки — не электроэнцефалограф, рассуждали Фролов и его коллеги, принимаясь за дело. К очкам все быстро привыкают, приспособление это не лабораторное, а обиходное. Провода от датчиков мешать не будут, можно даже обойтись без проводов — крошечный радиопередатчик не намного утяжелит очки. Но как эти очки пригодятся операторам, особенно шоферам в дальних ночных рейсах и машинистам! Днем и ночью, на перегоне и при проходе через станцию, машинист через определенные промежутки времени нажимает

на специальную кнопку, сообщая автоматике, что он бодрствует. Не нажал — включаются тормоза. Можно представить себе, как утомляет человека этот непрерывный самоконтроль и как от частых торможений и остановок страдает график движения поездов. Да и не всегда тормоза поспевают за событиями, они ведь включаются, когда человек уже заснул. То ли дело — очки.

— Очки были сделаны и испытаны, — продолжает свой рассказ Фролов. — Машинисты к ним привыкали быстро, сигнализация срабатывала безотказно. Но, к сожалению, не всегда кстати. Подобно электроэнцефалографу, очки оказались чувствительны к помехам. Они реагировали не только на собственное излучение, но и на тепло, идущее, скажем, от печки в кабине тепловоза. Переделывать кабину? Это целая история... Но даже уговори мы инженеров на переделку, все равно очки не решали проблемы. Оказалось, что они не годятся для высокомотивированных, как у нас говорят, операторов. Чувство ответственности берет у них верх над обычным утомлением. Эти люди умеют держать себя в состоянии повышенной сосредоточенности и обостренного внимания очень долго, глаза у них никогда не слипаются, а утомление выражается только в перенапряжении. Тут проку от очков немного...

Снова начались поиски — поиски более надежного и универсального устройства, которое не повлекло бы за собой никаких переделок в управляемой системе, распознавало бы все оттенки утомления человека и, разумеется, ничем бы не отвлекало его от работы.

Какую же реакцию контролировать теперь? После долгих размышлений ответ пришел: контролировать надо эмоции и по ним судить о состоянии человека. Но какова связь между эмоциями и утомлением и как судить о самих эмоциях?

РАЗВЕДЧИКИ РАССУДКА

Многие философы старинных времен описывали и классифицировали эмоции, страсти, аффекты, деля их на роды и виды, пытаясь понять их природу и назначение. Английский философ Д. Юм посвятил их описанию страниц двести своего трактата «О человеческой природе». Подобно многим своим предшественникам и современникам, Юм был склонен не слишком доверять эмоциям. В конце концов он решил, что «последняя причина тех впечатлений, источником которых являются чувства... совершенно необъяснима для человеческого разума». «Я предпочел бы лучше перечитывать описания скал в Нью-Гэмпшире, чем подобные сочинения, — заметил по этому поводу психолог У. Джемс, — в них нет руководящей идеи». Джемс ошибался: руководящая идея была. Это была идея непознаваемости «последних причин», к которой субъективный идеализм питал сильнейшую привязанность и которая не давала ему никогда вырваться за пределы бесплодных классификаций.

Начало изучению эмоций положил великий материалист и естествоиспытатель Дарвин. Корни эмоций простираются далеко, к эпохам власти животных инстинктов, писал он. Некоторые из выразительных действий человека — это остатки тех действий, которые когда-то были необходимостью. Нас охватил гнев, мы сжимаем кулаки, стискиваем зубы, тяжело дышим, у нас раздуваются ноздри. Зачем все это? Сейчас разве что для разрядки, а когда-то гнев предшествовал борьбе, был подготовкой к ней, боролись же и кулаками, и зубы пускали в ход. Отчего при изумлении у нас поднимаются брови? Чтобы шире раскрылись глаза и побыстрее разглядели, не опасность ли таится в неведомом.

Дарвин понимал, что это объяснение охватывает лишь самые простые эмоции, не эмоции даже, а аффекты, то есть острые и грубые переживания. Но рациональное зерно было найдено. Эмоции бессознательны: возникают они прежде, чем рассудок успевает осмыслить вызвавшее их событие. Да он, бывает, и вовсе не способен пуститься за ними вдогонку: сердцу не прикажешь. Конечно, многие из эмоций — остатки инстинктивных действий, многие, но далеко не все. Ведь человек — «животное социальное», да еще единственное, владеющее речью. Весьма вероятно, что движения, служившие когда-то для выражения наших эмоций, и способствовали развитию речи. Но они не утратили своей целесообразности, они развивались вместе с речью, приобретали новые оттенки, делая наш духовный мир богаче и тоньше. Они стали таким же средством общения, как и слова: нахмуренные брови, саркастическая улыбка, блеск глаз красноречивее целого монолога.

Обсуждение всех теорий эмоций, выдвинутых после Дарвина, увело бы нас слишком далеко от темы. Скажем только, что ученым, которые не сомневались в познаваемости «последних причин», удалось узнать об эмоциях немало интересного и важного. Были обнаружены тонкие связи между эмоциями и вегетативной нервной системой, между эмоциями и памятью, эмоциями и свойствами личности. А нейрофизиологи даже открыли в мозгу «центры эмоций» — структуры, связанные с эмоциональным состоянием непосредственно. Изучение эмоций продолжается, но что́ они такое, уже ясно. Эмоция — это первая, еще бессознательная оценка факта, побуждающая нас к деятельности прежде, чем рассудок соберет информацию для анализа.

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ СТЕПЕНЕЙ СВОБОДЫ

Эмоциями сопровождается всякая деятельность, а деятельность оператора, который то и дело вынужден искать выходы из ситуаций, никакими инструкциями не предусмотренных, пропитана ими насквозь. И по ним можно безошибочно распознавать признаки надвигающейся сонливости или перевозбуждения, в равной степени свидетельствующие о том, что оператор вот-вот начнет ошибаться и ему необходим отдых. И в этом, и в другом случае наступает отклонение от оптимального уровня эмоций, присущего в норме каждому виду деятельности. В картине общего состояния человека начинают преобладать отрицательные эмоции, которые, согласно концепции профессора П. Симонова, заведующего лабораторией физиологии эмоций в том же институте, возникают обычно при недостатке сведений и средств, необходимых для достижения цели. Сами по себе отрицательные эмоции существуют не напрасно, в них заложен глубокий приспособительный смысл. Они-то и побуждают организм искать нужные ему сведения и средства. Но если организм устал, а информация, поступающая извне, требует быстрых и точных реакций, лучше не разрешать эмоциям чересчур отклоняться от оптимума: организму нужно дать отдохнуть.

Эмоции, как было уже сказано, теснейшим образом связаны с речью. По речи-то и лучше всего судить о них. Речевой сигнал несет уйму информации. Кроме непосредственного содержания, речь обладает интонацией, по которой можно распознать отношение человека к тому, о чем он говорит и что с ним происходит. Ученые находят у речи двадцать тысяч степеней свободы, а у биотоков мозга, динамику которых регистрирует электроэнцефалограмма, — всего двести. Иными словами, речь в сто раз информативнее биотоков, ничто не сравнится с ней в передаче всех оттенков душевного состояния. Когда надвигается вялость и сонливость, речь замедляется, становится сбивчивой, в ней появляются паузы, ее тональность понижается. Когда же человек чересчур возбужден, речь его тороплива, по-своему тоже сбивчива, тональность ее повышена, паузы заполняются словами-паразитами, вроде «так сказать», «это».

Все это так, но какие речи будет слушать контролирующее устройство? Не заставлять же оператора наговаривать в микрофон специальный «тест»! Где же тогда «незаметность»? Как раз здесь нет никакой проблемы. Всякий оператор постоянно держит связь со своими руководителями, сообщая им, как он понял команду, какова обстановка, и все операторы, выполняющие общую задачу, переговариваются друг с другом. Даже машинист, ведя состав через станцию, успевает поговорить с железнодорожным диспетчером. Вот к этим, обычным каналам связи и будет подключено устройство контроля во главе с цифровой вычислительной машиной.

ОДНИ ТОЛЬКО ГЛАСНЫЕ

— Прежде чем научить машину распознавать эмоциональное состояние человека, — рассказывает Фролов, — мы долго учились этому сами. На тренажере, где проходят подготовку будущие пилоты, проигрывались сотни критических ситуаций. Пилот сидел в кабине, глядел на приборы и на экран, где перед ним то убегала вниз, то вырастала взлетная полоса, и отрабатывал взлет и посадку. И, как полагается, у него то отказывали двигатели при взлете, то что-то путалось в показаниях о режиме полета. Все это было поводом для переговоров по радио с руководителями полетов, а фоном для этих переговоров служили эмоции, возникавшие непроизвольно, все эмоции, какие только существуют, — от страха до ликования, от растерянности до решимости. Вместе с нашими коллегами из лаборатории профессора Симонова мы слушали и анализировали эти переговоры, прокручивая их записи сотни раз. Мы сопоставляли эмоции с физическими характеристиками основного тона речи — частотой, длительностью, мелодией и с характеристиками резонатора глотки. Мы смотрели, как меняются эти параметры в зависимости от эмоционального состояния: именно по ним машине и предстояло это состояние определять.

Мы слушали и записывали тех, кто занимался на тренажере, и авиадиспетчеров, работающих в реальной обстановке, слушали пилотов и космонавтов, машинистов метрополитена. Затем мы решили проверить результаты и уточнить их, создав актерскую модель эмоциональных состояний. Были написаны соответствующие сценарии, и по нашей просьбе актеры московских театров и студенты театральных училищ разыгрывали по этим сценариям сложные этюды — варианты критических ситуаций, в которые попадают операторы. Конечно, актер есть актер, как бы он ни вживался в образ, он прежде всего играет, но мы искали и находили тех актеров, которые могли переживать любую ситуацию по-настоящему. Это было видно по их электрокардиограммам: предварительно мы нашли взаимосвязь между уровнем эмоций, частотой кардиограммы и конфигурацией ее некоторых зубцов. Наконец точная речевая модель всех нужных нам состояний была получена и отработана, вся речь по ее физическим характеристикам подвергнута так называемому аудиторскому анализу, а данные анализа обработаны на вычислительной машине. После этого был построен и отработан алгоритм — та последовательность логических операций, следуя которой машине предстояло анализировать сигналы.

Помехи? Да, операторы переговариваются на фоне помех, иногда очень сильных. Каждый это видит и слышит по телевизору, когда показывают переговоры с космонавтами... Система контроля будет воспринимать и гул моторов, и треск разрядов. Если мы не разбираем, что нам говорят, мы переспрашиваем, просим повторить снова. Система же переспрашивать не может. Но ей это и не нужно! Мы не в состоянии восстановить фразу, если услышанные нами ее фрагменты будут слишком оторваны друг от друга, а по отдельным звукам и вовсе ничего не разберем. Наша система, наоборот, интересуется лишь отдельными звуками. Ее не занимает содержание сказанного — только звуки и притом только гласные. А гласные лучше всего выделяются на фоне шума. Несколько гласных, и она уже представляет себе, отклонился от нормы уровень эмоций, устал или не устал человек...

Способ оказался универсальным и точным: машина угадывала эмоциональное состояние человека в 98 случаях из 100. Это было блестящим подтверждением правильности не только чисто прикладной идеи, но и глубоко материалистической теории эмоций, разработанной в институте. Первый образец системы речевого контроля делался по заказу Аэрофлота, в его создании участвовали специалисты по радиотехнике, электронике, акустике, кибернетике. Скоро такая система будет контролировать состояние операторов в одном из крупнейших аэропортов. Потом — в московском метро. Придет день, и она станет такой же неотъемлемой частью операторского поста, как пульт управления. Порожденная нуждами НТР и созданная благодаря ее же возможностям, она сделает человеческое звено систем управления гораздо надежнее. Она будет верой и правдой служить всем операторам, предохраняя их от любой беды, вызванной утомлением, сберегая им здоровье и работоспособность.

КОНГРЕСС ИСТОРИКОВ

На вопросы корреспондента «Науки и религии» отвечает член-корреспондент АН СССР И. Р. Григулевич

— Вы были участником XV Международного конгресса исторических наук в Бухаресте в августе 1980 года. Что стояло в центре внимания этого всемирного форума ученых?

— Международные исторические конгрессы после второй мировой войны объединяют специалистов из многих стран мира, в них участвуют тысячи историков. Самым многочисленным был XIII Международный конгресс исторических наук в Москве (1970 г.). В нем участвовало около пяти тысяч специалистов, в то время как в нынешнем — более двух тысяч, что, впрочем, тоже немало. Они съехались из 70 государств всех континентов. Среди участников видное место занимали делегации из социалистических стран, в том числе из Вьетнама и Кубы. Такое большое число участников вынуждает Международный комитет исторических наук (МКИН) планировать работу конгрессов вокруг так называемых «больших тем», представляющих интерес для многих специалистов. На сей раз это были: «Восточная Европа — зона встреч цивилизаций», «Форум проблем мира в истории», «Место и роль преподавания истории, преимущественно в средней школе, в формировании личности молодого человека XX века», «Отношения между Востоком и Западом», «Федеративные и плюралистические государства» и т. д. В качестве докладчиков и содокладчиков по этим темам выступали и историки социалистических стран, в том числе советские. Дискуссии протекали оживленно, желающих участвовать в прениях было очень много: достаточно сказать, что только советские делегаты брали слово свыше ста раз. Выступления наших историков привлекли всеобщее внимание, хотя, естественно, их взгляды не всегда и не во всем разделялись западными учеными, как, впрочем, и нами — их концепции.

— Затрагивались ли на конгрессе темы, связанные с религиоведением, историей вероучений?

— Такие вопросы рассматривались как на заседаниях Международной комиссии по сравнительной истории церкви (МКСИЦ), которая работала два дня, так и на различных секциях конгресса. МКСИЦ до сих пор выступала как один из филиалов МКИН, а на конгрессе в Бухаресте она стала

его секцией, что будет способствовать расширению на будущих конгрессах тематики, связанной с различными проблемами религиоведения.

— Какие доклады были представлены по этой тематике?

— На заседаниях МКСИЦ их обсуждалось четыре: профессоров У. Фрэнда (Великобритания) «Христианские миссии в античности и в средние века на Востоке», М. Пако (Франция) «Изменения в церкви в XI—XII веках», Е. Клочовского (Польша) «Восточная Европа — место встречи религиозных цивилизаций», А. Тиона (Бельгия) «Светские движения в церквах в XIX—XX веках». Кроме того, доклады и сообщения на аналогичную тему обсуждались и в секциях. Так, западногерманский историк К.-О. фон Аретин говорил о проблемах религиозного мира в европейской политике, Р. Фарина (Ватикан) — о религии и политике в середине IV века в восточных областях Римской империи, София Бём-Гаджано (Италия) — об агиографической литературе как источнике этнической, социальной и экономической истории европейского Запада на рубеже античности и средневековья, Костас П. Киприс (Кипр) — о Кипре как связующем звене между Востоком и Западом в период ранних крестовых походов (1099—1291 гг.), Б. Энглезакис (Кипр) — о Кипре как трамплине для крестовых походов, Ш. Иманата (Япония) — о мусульманах в период Цинской династии в Китае, Г. Гёкбилгин (Турция) — о вакуфах как общественном и гуманитарном институте Оттоманской империи, Дж. Краджкар (Ватикан) — о дипломатических отношениях между Ватиканом и Восточной Европой в 1918—1939 годах и т. д.

Как видите, в основном проблематика докладов касалась средних веков и не выходила за пределы Европы и Ближнего Востока.

— Как проходило обсуждение этих докладов?

— Как и другие доклады и сообщения, они вызвали оживленный обмен мнениями. Участвовали в нем и советские историки. Так, на заседаниях МКСИЦ выступил профессор Я. И. Щапов, на других секциях — члены-корреспонденты АН СССР В. И. Рутенбург, З. В. Удальцова и я, доктора исторических наук В. И. Кузищев, Е. С. Голубцова, Ю. К. Колосовская и другие. Разумеется, мы строили аргументацию с позиций марксистско-ленинской методологии. С таких же позиций выступали и ученые других стран социалистического содружества. В частности, был подвергнут критике доклад представителя Ватикана Дж. Краджкара, в котором ответственность за конфликты между церковью и государством в 1918—1939 годах возлагалась на демократические круги. Выступавшие в прениях чехословацкие ученые справедливо указывали, что такие конфликты возникали во все исторические периоды и во всех странах без исключения, а не только между двумя мировыми войнами в Восточной Европе и были обусловлены нежеланием духовенства признать принцип отделения церкви от государства, стремлением сохранить особые права и привилегии, оказывать реакционное влияние на светскую власть. Что касается самой Чехословакии, то Ватикан поддерживал здесь различного рода ультраправые и профашистские организации типа словацкой клерикальной партии прелата Тисо, сотрудничавшей с гитлеровцами. Не возражал «святой престол» и против Мюнхенского сговора и оккупации Чехословакии нацистами.

Таковы факты, которым ватиканский историк ничего не смог противопоставить.

— Состоялись ли выборы в МКИН и другие организации историков? Вошли ли туда советские ученые, историки социалистических стран?

— Да, в новый состав этих органов избрано 10 советских ученых, а также ряд наших коллег из братских стран. В частности, советниками бюро Международной комиссии по сравнительной истории церкви избраны Ион Станчу (Румыния) и я, а вице-президентом профессор Е. Клочовский (Польша). Президентом этого бюро избран Уильям Фрэнд (Великобритания), секретарем — Б. Фоглер (Франция), казначеем П. Мэйжэс (Бельгия). Каждые три года бюро МКСИЦ созывает свои симпозиумы. Последний состоялся в Варшаве в 1978 году. Новым президентом МКИН избран известный польский ученый Александр Гейштер. Следующий XVI Международный конгресс исторических наук состоится в ФРГ в 1985 году.

— Будет ли опубликован подробный отчет о работе конгресса? Как вы оцениваете его итоги?

— Более подробно о конгрессе можно прочесть в наших исторических журналах, что же касается вопросов истории религии и церкви, обсужденных на нем, то они будут освещены во 2-м выпуске ежегодника «Религии мира», который выйдет в начале 1982 года. В целом, на мой взгляд, XV Международный конгресс исторических наук прошел успешно, он показал, что историки-марксисты пользуются растущим авторитетом у специалистов в этой области. Как отметил в своем выступлении бывший президент МКИН западногерманский ученый К.-Д. Эрдманн, современная историческая наука немыслима без вклада историков-марксистов. Нам, советским ученым, участие в конгрессе позволило ознакомиться с точкой зрения наших зарубежных коллег на многие кардинальные вопросы исторического развития, обменяться с ними мнениями, обсудить чисто профессиональные проблемы. Такие контакты всегда плодотворны и полезны. Выступления и беседы на конгрессе еще раз подтвердили, что подавляющее большинство историков выступают за международное сотрудничество, за разрядку. Итоги XV Международного конгресса исторических наук будут способствовать именно такого рода курсу в международных делах.

— Намечается ли уделить больше внимания изучению сравнительной истории церкви?

— Да, этому будет способствовать создание при Советском национальном комитете исторических наук секции по сравнительной истории церкви. В нее войдут 12 ученых, представляющих Академию наук СССР, вузы и республиканские научные учреждения. Адрес секции — 117 036, Москва, улица Дмитрия Ульянова, 19.

Александру Ильичу Клибанову исполнилось 70 лет. «Классовое лицо современного сектантства» — так называлась вышедшая в 1928 году первая книжка 17-летнего школьника Александра Клибанова. Сейчас доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР Александр Ильич Клибанов работает над монографией «Общественная мысль феодальной России (XIV — XVII вв.)», где, безусловно, будет отведено немалое место теме свободомыслия. Всего А. И. Клибанов опубликовал более 150 книг, брошюр и статей. А. И. Клибанов никогда не был чисто кабинетным исследователем. Свои работы о современном религиозном сектантстве он строил на анализе личных наблюдений, многочисленных встреч и бесед с представителями различных сектантских течений. Такие книги Клибанова, как «История религиозного сектантства в России» (1965), «Религиозное сектантство и современность» (1969), «Религиозное сектантство в прошлом и настоящем» (1973), «Из мира религиозного сектантства» (1974), стали настольными для тех, кто ведет работу с верующими. За книги «Народная социальная утопия в России. Период феодализма» (1977) и «Народная социальная утопия в России. XIX век» (1978) А. И. Клибанов получил премию АН СССР имени академика Б. Д. Грекова, присуждаемую за лучшие работы по отечественной истории. Начав свой путь в науку с журналистской деятельности в газете «Безбожник», А. И. Клибанов после окончания отделения истории религии исторического факультета ЛГУ пришел на работу в Ленинградский Государственный антирелигиозный музей. Сотрудничал молодой историк и в Музее истории религии Академии наук. С 1932 года Клибанов возглавил в Ленинградском областном совете Союза воинствующих безбожников отдел агитации и пропаганды. После Великой Отечественной войны он несколько лет был заместителем директора по научной части Музея истории религии АН СССР. С 1950 года А. И. Клибанов — автор нашего журнала. Его публикации отличаются глубиной исследования проблем, ясностью и образностью языка, популярностью изложения. Поздравляя Александра Ильича Клибанова с 70-летием, редколлегия и коллектив журнала желают ему здоровья и дальнейших творческих успехов.

А. КЛИБАНОВ, доктор исторических наук

ПРОПОВЕДЬ КЛАССОВОГО ПРИМИРЕНИЯ

Толстовцы в общественно-политической борьбе конца XIX — начала XX века

Я все еще продолжаю получать отзывы читателей на мою книгу «Из мира религиозного сектантства», опубликованную в 1974 году. Пишут и верующие, в том числе и толстовцы. Я ответил каждому из написавших мне, не исключая и тех немногих, кто в полемике не удержался от «озлобления спора», против чего в свое время предупреждал Л. Н. Толстой. Но в названной выше книге я ничего не писал о толстовстве дореволюционном, а в ответах читателям также придерживался хронологических рамок, которыми очерчены мои личные встречи, беседы, наблюдения в мире религиозного сектантства.

Между тем, судя по вопросам, которые задают в письмах сторонники религиозно-этического учения Л. Н. Толстого (да и не они одни), а также принимая во внимание, что в исторической литературе роль толстовства в классово-политической борьбе конца XIX — начала XX века освещена мало, считаю нужным сказать вот что.

Чтобы меня правильно поняли читатели, как неверующие, так и верующие, я хочу сделать некоторые разъяснения. Свет идей Л. Н. Толстого, как ни противоречивы они, отчасти падает и на литературно-публицистическую деятельность их продолжателей, но тень идей, которыми руководствовались «продолжатели» толстовстве и во имя которых действовали, пренебрегая ходом исторических событий, не падает на Л. Н. Толстого. Наше отношение к великому художнику, мыслителю, публицисту (даже масштаб его противоречий соотносим с масштабом его личности) неотождествимо с отношением к продолжателям его учения. «Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — писал В. И. Ленин, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения»[1]. Об этом следует сказать со всей ясностью, так как некоторые зарубежные «литераторы» на том основании, что проповедь и практика «продолжателей» нами отвергаются и критикуются, делают противоречащий истине вывод, будто таково же и наше отношение к великому художнику и мыслителю.

О «продолжателях» следует сказать особо. Еще с 80-х годов XIX века их возглавляли лица из непосредственного окружения Л. Н. Толстого — В. Г. и А. К. Чертковы, П. И. Бирюков, И. М. Трегубов, чьи заслуги перед памятью Л. Н. Толстого (хотя и в разной мере) неоспоримы.

Но «толстовцы» — это не только лица из прямого окружения писателя. Среди них были и крестьяне, и пришлые из деревень полупролетаризировавшиеся элементы, и мелкие служащие. Эти люди искренне разделяли взгляды Толстого на современное им общество, на его пороки, противоречия. Они порывали с господствующей церковью и моралью привилегированных классов, протестовали против царской военщины. Это их исполнители воли царизма и церкви ссылали в разные «медвежьи углы», заточали в тюрьмы, засекали, бывало, насмерть в штрафных батальонах. Их горькие судьбы вызывали решительные протесты передовых кругов общества, принципиальные и неизменные

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 210.

протесты революционной социал-демократии. Численно они никогда не составляли большую группу единомышленников.

Но потенциальные сторонники толстовства из патриархальных и полупатриархальных элементов исчислялись в дореволюционной России миллионами. И после победы Октябрьской революции, как известно, еще сохранялся в течение некоторого времени патриархальный уклад в социально-экономической структуре общества, сохранялся, следовательно, и слой потенциальных сторонников религиозно-этического учения Толстого.

Социальное значение толстовства менялось в ходе исторического процесса. На отрезке 80-х годов XIX века толстовская критика самодержавия и его институтов была полезна некоторым слоям населения. В последнем десятилетии XIX века объективная роль толстовских идей, независимо от благих намерений и стремлений их проповедников, была реакционной и утопической. После первой русской революции проповедь толстовства приносила «самый непосредственный и самый глубокий вред»[2].

Перейдем к историческим свидетельствам.

6 марта 1897 года один из идеологов толстовства Трегубов обратился с письмом к обер-прокурору святейшего синода Победоносцеву:

«Вы хотите погубить и так называемых толстовцев, а между тем не только Вы... но и те, о спасении которых Вы хлопочете, обязаны своим благополучием не православию, а тому именно христианству, которое неверующие люди назвали толстовством, которое Вы так не любите и преследуете... «Толстовство» парализовало революционное брожение в России и, может быть, благодаря именно ему, а не Вашей жалкой церковно-полицейской системе преследования, возможность повторения у нас 1-го марта становится все меньше и меньше... Если кто спас и спасает Россию от анархии, революции и разоблачения, то не гнилое и полное разрушительных начал православие, а именно толстовство, полное животворных и приводящих все к гармонии начал мира и благоволения ко всем людям... Спасти Россию от революции и погибели может не православие, которое само разрешает и благословляет убийство людей молитвами о покорении врагов под нози... но такое учение (которое) проповедует полную любовь ко всем людям и абсолютно запрещает всякое убийство и насилие над человеком, как величайший грех. А таково именно и есть то истинное христианство любви без насилия, которое Вы называете толстовством и которое Вы хотите уничтожить»[3].

Нас интересует оценка Трегубовым толстовства как средства «спасти Россию от революции». Толстовский идеолог, хотел он этого или не хотел, по достоинству оценил расслабляющее значение идеологии патриархального крестьянства, действительно сыгравшей роковую роль в событиях первой русской революции.

Попытки толстовцев проповедовать свои идеи в широких народных массах, их прямая борьба с революционной социал-демократией до сих пор не изучены. К исследованию вопроса целесообразно привлечь периодическую литературу, выпускавшуюся толстовцами за рубежом в конце 90-х годов. Это издававшийся П. И. Бирюковым в Швейцарии ежемесячный журнал «Свободная мысль», а также выпуски «Свободного слова» и «Листков свободного слова», организованные В. Г. Чертковым в Англии.

Эти издания уделяли немало места материалам о рабочем движении в России. Так, в «Свободной мысли» в октябре 1899 года появилась статья «Рабочее движение». Ее автор проповедовал идеи классового примирения:

«Не разделяя социал-демократического принципа классовой борьбы, мы в своих статьях и рассуждениях обращаемся ко всем, и к насилующим и к насилуемым, что и тем и другим нужны одни и те же разумные основы жизни и взаимное понимание».

В редакционной статье «По поводу рабочего вопроса», опубликованной в апреле 1900 года «Свободной мыслью», читаем: «Рабочий вопрос важен, но важно также избрать правильную точку зрения на это. Огулом винить в этом только капиталистический строй нельзя. Капитал тут играет роль тельца из золота, которому творят поклонение. Капиталист — это жрец, рабочий — прихожанин и оба связаны невежеством и суеверием... Правда их должна сойтись у одного на довольстве в удовлетворении природных и необходимейших потребностей, а у другого в **сознательной** (подчеркнуто мною. — **А. К.**) бедности по духу, как естественном условии жизни, не позволяющем пользоваться ею выше крайней потребности. Почва их примирения на этом, а для обоих это путь к свету. Никакими внешними распределениями богатств достичь этого нельзя».

Так «найдена» была почва для проповедуемого толстовцами классового мира между эксплуататорами и эксплуатируемыми: капитал остается у капиталиста, но капиталист в своем сознании должен почувствовать себя таким же нищим, каким рабочий является по своему фактическому положению. Такова была «политическая экономия» толстовства.

Издававшиеся параллельно со «Свободным словом» и редактируемые Чертковым «Листки свободного слова» также отводили свои страницы и обзорам рабочего и крестьянского движения в России. Этим обзорам Чертков предпослал в № 13 за 1900 год вступление, где изложил цели таких публикаций и сформулировал основную позицию толстовцев в вопросах общественного движения в России: «Предстоящий нам соблазн мы предусматриваем в естественной склонности, — узнавая и повествуя о возмутительных преступлениях, на каждом шагу совершаемых в России представителями власти, — заражаться чувством озлобления против тех людей, через которых совершается это зло...»

Казалось бы, зло не называется добром, преступление не квалифицируется как благодеяние и не оправдывается — оно осуждается. Однако стремление эксплуатируемых ответить борьбой на «возмутительные преступления» в свою очередь осуждалось как преступление. Чертков развивал взгляд на систему самодержавия как ослепляющую самих ее представителей. «...Сами принадлежа по рождению, воспитанию и прежней деятельности к той именно среде, из которой вербуются представители правительственного произвола (это Чертков говорил о самом себе.— **А. К.**), — мы хорошо знаем, какими роковыми путями люди доходят до исполнения этой ужасной роли и насколько в сущности невменяемы эти несчастные жертвы развращающего влияния государственной системы», — убеждал он читателей.

Со всех прислужников царизма, какой бы слой общества они ни представляли, Чертков снимал ответственность за преступления против трудящихся. «Мы знаем, — писал он в «Листках свободного слова» № 8 за 1899 год, — что большинство правительственных служащих действительно отличается недобросовестностью, корыстолюбием и жестокостью; но мы знаем и то, что оно дошло до этого состояния не по своей воле, но было доведено незаметно и неизбежно всею той ложью, с которой оно было воспитано».

Когда Чертков доходит до высшего слоя носителей государственной власти, правительственной элиты, на вершине которой «тот верховный представитель государства, от имени которого совершаются все ужасы и безобразия», то царь, его двор, его министры преподносятся читателям достойными сожаления и сочувствия жертвами некоего безликого, бесплотного фантома в виде государственной машины, распоряжающейся их волей. «Люди эти поистине жалки в своем заблуждении, одиночестве и бессилии,— рассуждает он. — Лишенные возможности всякого непосредственного соприкосновения с жизнью и вынужденные все рассматривать сквозь призму подтасованных и ложных донесений, вечно обманываемые и ослепленные самыми неимоверными иллюзиями,— они, по условиям своего положения, служат только бессознательными ширмами, прикрывающими совершаемое вокруг них зло, исправить которое, по собственной инициативе, они не имеют никакой возможности».

Начало 900-х годов ознаменовалось подъемом революционного движения. Во всех промышленных центрах страны происходили забастовки, демонстрации, носившие политический характер. В мае 1901 года произошли открытые столкновения петербургских рабочих с полицией и войсками — знаменитая «Обуховская оборона». Росло влияние революционной социал-демократии на ход пролетарской борьбы. С декабря 1900 года начала выходить общерусская политическая газета «Искра», решительно выступившая против буржуазного либерализма и всех видов оппортунизма в рабочем движении.

Во 2-м номере журнала «Свободное слово» за 1902 год появилась знаменательная статья В. Г. Черткова «Мысли о революции». Общественная действительность настоятельно требовала задуматься над тем, что предвещали мощные выступления рабочего класса, подъ-

---

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 104.

[3] Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (РОВИЛ), ф. № 369, картон 352, ед. хр. 32, л. 1—1 об.

ем крестьянского движения, студенческие волнения. Чертков в своей статье представляет грядущую революцию таким же злом, как и политику кровавой расправы самодержания с борцами за свободу от помещичьей и капиталистической эксплуатации: «...Происходит то поразительное сходство между правительственною и революционною деятельностями... Обе деятельности являются как бы двумя видами одной и той же ошибки, направленными во взаимно противоположные стороны, причем правительственное начало служит молотом, а революционное — наковальнею, и куют они вместе озлобление и зло».

Хотя всех толстовцев объединяло враждебное отношение к любым формам революционной борьбы, хотя все они стояли на почве учения о непротивлении, но при определении того, каким должен быть особый толстовский путь «освобождения», выявилось несколько точек зрения. Одни сводили его к внутреннему, то есть индивидуальному «освобождению»: человеку просто предлагалось стать «выше» окружающей его действительности и таким образом чувствовать себя «свободным». Другие, считаясь с фактической обстановкой нарастания революционного подъема 90-х — начала 900-х годов, понимали, что время проповеди «внутреннего освобождения» миновало. Так у некоторых толстовских идеологов возник план, который должен был сочетать учение о непротивлении с массовой общественной акцией, с такими формами борьбы, которые были рождены самой практикой рабочего движения и оказались действенными.

Впервые такие идеи были обнародованы в «Свободной мысли» № 11 за 1900 год в так называемом «Воззвании к братьям — рабочим всего мира». Автором его был Трегубов, тот самый, что так недвусмысленно за три года до этого писал Победоносцеву о толстовстве как спасителе России от революции. В своем воззвании Трегубов предлагал отметить 1900-летие рождения Христа «единодушной и всеобщей стачкой» во имя торжества «великой идеи любви и мира». Трегубов придавал своему плану глобальный характер и просил «напечатать это «Воззвание» во всех сочувствующих нам периодических изданиях старого и нового света...».

Вряд ли воззвание Трегубова повлияло сколько-нибудь на практику освободительного движения, оно важно в том отношении, что в нем **впервые** была сформулирована и **впервые** пропагандировалась идея осененного религиозными лозунгами мирного выступления рабочих. Это была идея, отвечавшая настроениям наименее сознательной массы рабочих, патриархальным предрассудкам полупролетариата и крестьянства.

«Так как это дело — очень великое и важное, — писал Трегубов, — то воспользуемся остающимся до 25 декабря временем для всестороннего обсуждения и организации этой великой стачки. Так, например, надо заблаговременно предложить фабрикантам, изготовляющим военные орудия (Круппу и другим), заменить производство этих орудий выработкой других мирного характера предметов. Если эти фабриканты не согласятся на это, то их рабочие должны перейти к рабочим, изготовляющим предметы мирного характера, а эти рабочие должны дать им у себя место, отказываясь в их пользу от части своего труда и заработка. С военнослужащими... которым предстоит вследствие этого лишиться своих мест, дававших им средства к жизни, мы должны поступать в духе той же идеи любви... мы должны содержать их на свой счет, пока они не приспособятся к новым условиям жизни и не станут на свои ноги и ни над кем из них мы не должны совершать насилия. Уничтожая насилие, мы и сами должны быть свободны от него... Только через идею **любви без насилия** мы достигнем и тех трех идей — свободы, братства и равенства, которые до сих пор не были достигнуты, потому что люди шли к ним путем насилия, а не любви».

В 1903 году Трегубов вернулся к своему плану. Революционный подъем в стране ставил под угрозу весь старый строй жизни.

В предвидении «громадного переворота» в России Трегубов изложил новый план «всеобщей мирной стачки» в отдельной брошюре, разослал ее как некую политическую платформу своим единомышленникам в России и за границей и опубликовал призыв «О всеобщей мирной стачке» в 7-м номере журнала «Свободное слово» за 1903 год. Вот основные положения трегубовского призыва:

«...Чтобы эта борьба с православно-самодержавным деспотизмом была успешна, надо действовать не только одному отдельно, но также и всем вместе, дружно, согласно и одновременно, т. е. надо употреблять в дело уже испытанное средство борьбы рабочих со своими притеснителями, имя которому **стачка.**

Так как опыт рабочих стачек, особенно западноевропейских и американских, показал, что самые успешные и плодотворные стачки бывают лишь когда они **всеобщи и мирны**... то и мы должны устроить всеобщую мирную стачку против православия и самодержавия...

Конец этому деспотизму наступил бы и сейчас, если бы все те миллионы русских людей, которые не верят уже в православие, и все те, которые считают военную службу грехом или просто дурным делом, решились бы сейчас открыто, дружно и одновременно отказаться от православия и военной службы.

Для этого не надо даже выходить на улицы, совершать демонстрации, строить баррикады и производить насилие над представителями православия и самодержавия, а нужно только одно: всем спокойно, но твердо, решительно и одновременно отказаться от повиновения им... Не порохом, динамитом и вооруженным восстанием надо его (самодержавно-православный деспотизм. — **А. К.**) взрывать, а просто подорвать под ним яму, т. е. — перестать поддерживать его собою, и он сам свалится в нее, и мы будем свободны».

В литературе, посвященной «кровавому воскресенью» 9 января, не выявлено отношение идеи мирной манифестации, связанной с именем Гапона, к толстовству, хотя эта идея — характерно толстовская.

По свидетельству Гапона, наиболее решительное влияние на его идейное формирование оказали толстовцы. «Когда мне было 15 лет, — рассказывает Гапон, — и я был в последнем классе училища, один из учителей, **Трегубов**, дал мне прочесть некоторые сочинения Толстого, которые оказали громадное влияние на мое мышление. В первый раз мне стало ясно, что суть религии не во внешних формах, а в духе, не в обрядности, а в любви к ближнему. **Я пользовался каждым случаем, чтобы высказывать эти новые для меня идеи** (подчеркнуто мною. — **А. К.**), в особенности у себя в деревне во время праздничных вакаций».

«История моей жизни», рассказанная Гапоном уже после его бегства из России, изобилует толстовскими мотивами. Гапон говорит о своей священнической деятельности: «Я проповедовал откровенно, что не обрядности и не приношения, а добрая жизнь и любовь к ближнему существенны для человека» [4].

В статье «Георгий Гапон и всеобщая стачка», опубликованной в журнале «Освобождение» (№ 66, февраль 1905 г.), Трегубов (уже после «кровавого воскресенья»!) называл Гапона своим духовным детищем: «По окончании местного сельского училища Георгий Гапон прошел высшие классы полтавского духовного училища, и, когда я его знал, ему было лет 15—17. Это был юноша умный, серьезный, вдумчивый... Я давал ему разные книги, кроме тех, которые имелись в училищной библиотеке, и между прочим запрещенные сочинения Льва Толстого, ходившие в рукописях, которые я усердно распространял, несмотря на запрещение, среди моих учеников и семинаристов, посещавших меня, и которые производили как на меня, так и на них сильное впечатление. После того как я ушел из училища, я не вполне потерял Гапона из вида и всегда интересовался им. Знаю, что он... поддерживал в Полтаве отношения с толстовцами».

Личные связи Трегубова с Гапоном после Полтавы, по-видимому, не возобновлялись, но в событиях первой декады января 1905 года Трегубов увидел осуществление своего плана всеобщей мирной стачки и приветствовал Гапона как выразителя толстовских идей: «За последнее время я не имел о нем сведений, но организованная им на религиозной почве мирная, безоружная стачка петербургских рабочих показала мне, что он остался верен тем идеям, которые **сроднили нас 15 лет тому назад** (подчеркнуто мною. — **А. К.**)».

И словно для того, чтобы никто не заподозрил, что царский расстрел его чему-нибудь научил, Трегубов комментирует приведенные выше строки: «Автор считает нужным оговорить, что, будучи горячим сторонником идеи всеобщей стачки, он считает такую стачку осуществимой и целесообразной лишь в форме совершенно мирной».

Таковы факты. Они говорят о том, что самый принцип, положенный Трегубовым в основу его обращений, есть

[4] Г. Гапон. История моей жизни. Л., 1925, стр. 16, 17, 20.

не что иное, как толстовское учение о непротивлении, что обращения Трегубова сливаются со всей идейной атмосферой толстовского движения конца 90-х — начала 900-х годов. Что же касается толстовцев, группировавшихся вокруг «Свободного слова», то в № 15 своего журнала (январь—февраль 1905 г.) они откликнулись на события 9 января передовицей «Тяжелые дни» (небезынтересно заметить, что в своем дневнике Николай II также назвал 9 января «тяжелым днем»). Смысл передовицы «Свободного слова» сводится к тому, что, мол, 9 января не самодержавие расстреливало демонстрантов, а русские крестьяне, которых заставили стать солдатами, стреляли в русских крестьян, которых нужда заставила стать рабочими.

В другой статье этого же номера утверждалось (как это сделал Чертков еще в 1899 г.), что император — «человек, который с малых лет воспитывался в таком замкнутом кружке придворных, что не имеет никакого понятия о действительной жизни людей и о их потребностях».

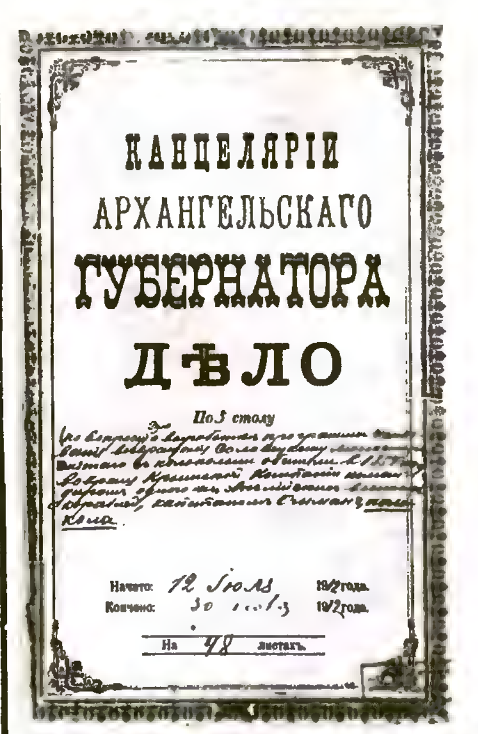
В № 16, вышедшем в марте—апреле 1905 года, толстовцы выражали сожаление царю-палачу: «...Царь окончательно отделен от народа своими министрами, придворными и другими чиновниками. Русский царь Николай II принес много зла русскому народу, но даже естественное чувство негодования как-то слабеет при виде этого беспомощного человека, слепой и жалкой жертвы своего положения». Палач именуется жертвой!

Я ограничусь этим беглым историческим экскурсом. Углубление в тему выявит множество новых красноречивых фактов, свидетельствующих о том, в какие безнадежные идейные тупики заводило следование отвлеченным догмам и какими зачастую трагическими ситуациями оборачивалось для простых людей, для «малых сих» следование за пастырями, ничего не смыслящими в классовой борьбе. Как было показано, идеологов толстовства ничему не научил опыт первой русской революции. Их ничему не научил и опыт Февральской и Октябрьской революций. На их моральной ответственности судьбы многих людей из народа, возлагавших надежды на то, что толстовские идеи непротивления, всепрощения и любви к врагам приведут когда-либо к обществу социальной справедливости и гармонии.

О толстовстве в 1917 году я здесь скажу только то, что оно продолжало традиции, сложившиеся на рубеже XIX—XX веков.

Конкретно-историческая характеристика толстовства в период Февральской и Октябрьской революций развернуто представлена в моей книге «Религиозное сектантство и современность» (1969 г.). Пусть все сказанное послужит введением к этой книге. В свое время я не дал таких разъяснений, а необходимость их показали письма моих читателей. Буду рад, если этот сжатый очерк хотя бы отчасти удовлетворит их любознательность и ответит на их вопросы.

■ **Война 1853—1856 годов получила название Крымской, однако военные действия Англии и Франции против России велись не только на Черном море, но и в Тихоокеанском бассейне, а также в районах Белого и Баренцева морей. Непрошенные гости получили и на Севере должный отпор. К. Маркс и Ф. Энгельс в статье «Англо-французская война против России» писали в 1855 году: «О Белом море англо-французы вообще благоразумно умалчивают. Здесь союзники могут преследовать лишь две военные цели: помешать каботажному и прочему торговому судоходству русских в этих водах и при благоприятном случае взять Архангельск. Первую задачу они попытались осуществить, но лишь частично. Соединенные эскадры как в прошлом, так и в этом году явились слишком поздно и отплыли обратно слишком рано. Осуществить вторую задачу — взять Архангельск — они даже не пытались»[1]. Однако летом 1854 и 1855 годов англичане варварски бомбардировали Соловецкий монастырь, разрушили и сожгли Колу, разграбили Крестный монастырь на Кий-острове, прибрежные селения Пушлахту, Ковду, Кандалакшу, Кереть и другие. Профессор Г. Г. Фруменков, автор монографии «Соловецкий монастырь и оборона Беломорья» (Архангельск, 1975), писал: «Славная защита Соловецкого монастыря в июльские дни 1854 года — яркая страница в летописи ратных подвигов северян».**

КАНЦЕЛЯРІИ
АРХАНГЕЛЬСКАГО
ГУБЕРНАТОРА
ДѢЛО

По 3 столу

[illegible]

Начато: 12 Іюля 1912 года.
Кончено: 30 [illegible] 1912 года.

На 48 листахъ.

В Архангельской губернии и на побережье Белого и Баренцева морей было объявлено военное положение, однако в воззвании военного губернатора к жителям ни о каких оборонных мерах не говорилось: он полагался на то, что поморы «с божьей помощью не дадут себя в обиду...». Ничем не оправданная беспечность была проявлена и в отношении Соловецкого монастыря. Весть о том, что побережье находится на осадном положении, пришло сюда лишь 16 апреля 1854 года. Тот же гонец привез указ синода об эвакуации монастырских ценностей, и через несколько дней 42 ящика и четыре бочки с драгоценностями, рукописными и старопечатными книгами были погружены на монастырское судно «Александр Невский» и переправлены сначала в Архангельск, а затем в Антониев-Сийский монастырь, где их «денно и нощно» караулили два монаха.

Синод повелел настоятелю вместе с монахами оставаться на острове без-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 11, стр. 522.

Обложка «Дела» о встрече «пленного» колокола.

Сцена бомбардировки монастыря, изображенная на колоколе «благовестник».

«Пленный» колокол.

А. ДАВЫДОВ

„ЧУДЕСНОЕ" СПАСЕНИЕ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДА

выездно и принять «при содействии лиц, от военного начальства назначенных, все возможные меры как к защите монастыря в случае нападения неприятельского, так и к самому бдительному надзору за находящимися в оном арестантами...». В тюрьме Соловецкого монастыря находились тогда 25 арестантов. Военный губернатор отказался перевозить их в губернскую тюрьму.

Настоятель монастыря архимандрит Александр, в прошлом полковой священник, понимал стратегическую важность положения монастыря и попытался организовать оборону острова своими силами. На Соловках в ту пору находились 200 монахов, послушников и штатных служителей, а также 370 человек вольнонаемных и работников да 53 старых инвалида — команда, охранявшая арестантов. Пушки, находившиеся в монастыре, оказались почти все негодными. После долгой проволочки привезли наконец подкрепление: восемь старинных пушек и по 60 боевых снарядов на каждую. Прибыли для устройства батареи инженер-офицер Н. Бугаевский и для обучения стрельбе фейерверкер В. Друшлевский.

В воинских приготовлениях приняло участие население острова. Не молитвами а делом старались помочь обороне монастыря и некоторые его обитатели: послушник Николай Крылов просил зачислить его, бывшего унтер-офицера, на вторичную службу, его примеру последовали и другие. Добровольцы вооружались кто как мог и составили отряд из двух десятков человек под командованием прапорщика Николая Никоновича. Настоятель обратился даже к узникам обители, пригласив некоторых из них участвовать в защите острова, и в отряд добровольцев вошли Егор Андрузский, бывший член противоправительственного Кирилло-Мефодиевского тайного общества, арестанты Николай Веселый, Иван Якубовский, Андрей Мандрыка, Яков Пыжьянов, Иван Шурупов.

Главная ударная сила английской эскадры — трехмачтовые пароход-фрегаты «Бриск» и «Миранда» 6 июля 1854 года подошли к острову и подняли переговорные флаги. Монастырь молчал. Тогда англичане произвели три выстрела. Началась перестрелка. За час англичане сделали более 30 выстрелов по стенам монастыря-крепости. Соловецким артиллеристам удалось повредить корабль противника.

На следующее утро с фрегата «Бриск» в монастырь доставили депешу «главному офицеру по воинской части Соловецкой». Командир эскадры обвинял монастырь в том, что тот превращен в военную крепость, наводнен солдатами и стрелял по английскому флагу. Он требовал, чтобы остров сдался вместе со всеми пушками, оружием, флагами и военными припасами. Если же комендант гарнизона не отдаст свою шпагу через три часа после получения этой бумаги, монастырь будет бомбардирован.

В ответе за подписью «Соловецкий монастырь», в частности, сообщалось:

«Коменданта гарнизона в Соловецком монастыре никогда не бывало и теперь нет, и солдаты находятся только для охранения монашествующих и жителей... Так как в монастыре гарнизона нет, а только охраняющие солдаты... то и сдаваться как военнопленным некому».

Этот ответ был вручен английскому офицеру, после чего англичане открыли военные действия. Попытка высадить десант сорвалась, тогда 120 вражеских орудий вступили в неравную дуэль с 10 пушками защитников острова. Ядра, бомбы, гранаты, картечь огненным градом сыпались на стены крепости. Грохот пушечных залпов был слышен даже в поморских селениях, удаленных от монастыря на сто с лишним верст. Обстрел длился без перерыва девять часов. Мощные крепостные стены, сложенные еще в XVI веке безвестными рабочими под руководством соловецкого постриженика Трифона, помора из Неноксы, спустя 250 лет надежно послужили защите северных берегов России: ядра отскакивали от огромных беломорских валунов, не причиняя заметного вреда. Пожар внутри обители «легко тушили накидкою войлоков, смоченных водой, и малыми заливными брандспойтами, расставленными по крепостной стене». Более всего пострадала стоявшая на берегу монастырская гостиница. Ядра повредили также стены Преображенского собора, Онуфриевой церкви, купол Никольской церкви.

Неудавшаяся осада Соловецкого монастыря, безусловно, сказалась на дальнейших действиях англичан в Беломорье. Успешное сопротивление единственной батареи Соловков во много раз превосходящим силам противника явилось яркой страницей в истории военных действий на Севере. Защитники острова (среди них прапорщик Н. Никонович, фейерверкер В. Друшлевский, унтер-офицеры П. Николаев, Х. Пономарев и другие) за свой ратный подвиг получили боевые награды. Мужество проявили и монастырские арестанты.

Такова истинная история обороны Соловков. Некоторое время спустя вокруг этого подлинного события стали создавать легенды — о заступничестве «святых» мощей основателей монастыря Зосимы и Савватия, Германа и Елеазара Анзерского, об искуплении, которое приняла за монастырь простреленная икона Знамения божьей матери. Об этом писали газеты, журналы, специальные брошюры. Толпы паломников шли на поклонение «пораненной» иконе.

Историк Е. В. Тарле писал, что статьи М. Погодина и стихи С. Шевырева и им подобных «затушевывали перед читателями реальный человеческий героизм, который проявили и архимандрит Александр, и все население острова, без всяких колебаний отказавшиеся сдаться и рисковавшие жизнью, предпочитая скорее потерять ее при абсолютной невозможности защищаться, чем добровольно допустить врага на русскую землю».

Примечательно, что в письме архимандрита Александра к военному губернатору П. Р. Бойлю ни слова не говорится о «божественном» заступничестве, но ясно звучит просьба «оказать в сем бедственном монастырском положении всевозможное пособие присылкою... в самоскорейшем времени воинской команды и исправных ружей, и потребных припасов и снарядов, а в особенности до двадцати пудов пороху». Письмо датировано 7 июля 1854 года, отмечен даже час написания: «8 часов вечера». Как видно, не на заступничество Зосимы с Савватием уповал архимандрит в это трудное время. Однако 10 июля 1854 года в его донесении синоду уже слышны иные ноты:

«Осмеливаюсь смиреннейше просить святейший синод: а) чтобы дозволено было пробоину на иконе божьей матери, знамения пресвятой богородицы, оставить навсегда, заделав легким чем-нибудь, под иконою сделать надпись, означающую событие; б) и в других местах пробоины означить черными красками; в) ежегодно совершать: 7 числа июля строгий пост, а 8 числа крестный ход вокруг монастыря по стене и служить молебен пред пораненною иконою божьей матери...»

Таким образом, в письме разработана целая программа пропаганды «чудесного» спасения монастыря.

Первыми своеобразными памятниками событий 6 и 7 июля 1854 года стали три пирамиды, сложенные из ядер, гранат и осколков. Их обнесли решетчатой оградой и здесь же поставили две батарейные трехфунтовые пушечки, выстрелами из которых был поврежден пароход-фрегат «Миранда». Этот памятник стал символом ратных подвигов северян, а не свидетельством

«заступления царицы небесной за Соловецкую обитель».

Позднее здесь возвели Царскую колокольню Соловецкого монастыря. Ее выстроили для одного-единственного колокола, названного «благовестником». (Как писал архимандрит, благая весть об окончании бомбардировки совпала с началом колокольного звона.) «Благовестник» был отлит в 1860 году на заводе Чарышникова в Ярославле, «по высочайшему указу».

19 июля 1860 года в воскресенье состоялась пышная встреча колокола. Вся монастырская братия в праздничных облачениях во главе с настоятелем архимандритом Порфирием крестным ходом направилась к пристани. Колокол ввезли в ограду монастыря и после водосвятия поместили под временный навес. Иеродьякон провозгласил многолетие, после чего настоятель сам начал благовест в новый колокол.

Русские цари не раз жаловали обитель колоколами, «благовестник» существенно отличался от них тем, что тексты молитв, имена дарителей, равно как и изображения святых, потеснены были батальной сценой бомбардировки монастыря. Она дана как бы с птичьего полета: в верхней части панорамы — монастырь, вражеские суда обстреливают его, видны летящие ядра, изображена батарея, отражающая нападение. Представлен на колоколе и весь набор «защитников» монастыря: святой Савватий Соловецкий, затем Елеазар Анзерский, соловецкие святые Герман и Зосима, особо почитаемый на Севере Николай чудотворец, далее — преподобный Иринарх (соловецкий игумен), слева Александр Невский, святой Филипп (небезызвестный Филипп Колычев — митрополит Московский). И все-таки реальная жизнь взяла свое: «благовестник» — образчик художественного литья, несмотря ни на что, оказался памятником мужеству северян.

В 1912 году легенда о «чудесном» спасении дополнилась новыми сюжетами, на сей раз в угоду политической конъюнктуре и для привлечения новых толп богомольцев в «православную Мекку Севера». Речь идет о возвращении в стены обители «пленного монастырского колокола». Брошюры, выпущенные Соловецким монастырем, рассказывали, что этот колокол похитили англичане с колокольни Заяцкого острова 7 июля 1854 года и увезли в Англию, в город Портсмут. Английский путешественник Эдвард Фридрих Келарт, посетивший Соловецкий монастырь, вознамерился исправить мнение о соотечественниках и добился возвращения колокола.

Пышная встреча колокола состоялась 30 июля 1912 года. К Соборной пристани Архангельска подошли английский пароход «Кеннет» и монастырский пароход «Вера», на который при большом стечении народа и перенесли колокол.

Пароход «Вера», весь украшенный флагами, встретили в Соловках благовестом. От пристани до Царской колокольни путь был выстлан красным сукном. Толпы богомольцев, а также монастырская братия с хоругвями и иконами ожидали колокол. Под пение молитв шесть дюжих монахов на специальных носилках понесли его к Святым воротам. Здесь процессию встретил настоятель монастыря архимандрит Иоанникий. Колокол внесли в монастырь, освятили, подвесили на Царской колокольне в пролете с западной стороны. После службы была отправлена верноподданническая телеграмма Николаю II. (Примечательно, что эту телеграмму и ответ на нее газеты опубликовали в тех же номерах, что и сообщения о Ленском расстреле.)

Однако вскоре появились статьи, в которых высказывалось мнение, что колокол, столь торжественно встреченный, никогда Соловецкому монастырю не принадлежал. В газете «Архангельск» 9 августа 1912 года в статье за подписью «М. П.» говорилось:

«Но англичане, прежде чем уйти от Соловецких островов, высадились на острове Заяцкий, вошли в церковь первозванного апостола, основанную Петром Великим, взломали кружку, раскрыли царские врата и обнажили жертвенник. На память главной своей осады похитили они три малых колокольчика в 14 фунтов весом и два крестика, снятые с иконы... 11 июля англичане приставали к Анзерскому скиту, чтобы взять воду. Более неприятель к Соловецким островам не приближался и ничего оттуда не увозил. Следовательно, привезенный англичанами 8-пудовый колокол, водворенный в Соловецком монастыре, обители не принадлежит».

Другая заметка этот вывод подтверждает: «Колокол является самозванным...»

Соловецкий монастырь опровергал подобные сомнения: «...Похищение его (колокола.— **А. Д.**) подтверждается донесением бывшего во время осады настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Александра в святейший синод... из которого видно, что англичане при возвращении своем от монастыря в море дошли до Заяцкого острова и здесь разграбили церковь... и между прочим увезли колокол». И следовательно, нет «никакого основания сомневаться в совершившемся факте взятия колокола англичанами из Соловецких владений».

Колокол, привезенный из Англии, весил по современным меркам примерно 140 килограммов, на нем была изображена икона Казанской божьей матери и сделана надпись: «1852 г. лили сей колокол Вятской губернии города Слободского братья Бакулевы». Едва ли колокол такого размера мог висеть в церквушке на острове Заяцкий. Вероятнее всего, дело обстояло так: англичане, взяв колокол где-то на Беломорье, привезли его в Портсмут как трофей из Соловецкого монастыря, знаменитой обители и крепости. Отсюда и пошла легенда о том, что колокол с Соловков. По этому поводу существует несколько версий. Скорее всего, этот колокол англичане сняли с колокольни в селении Ковда 22 июля 1854 года.

Во время Крымской войны колокольни Беломорья играли значительную роль в обороне края. Так, на многие из них приказом военного коменданта назначались постоянные караулы. При появлении неприятеля наблюдатели должны были бить в набат. Духовенство возражало против создания караулов. Порой даже возникали конфликты военных и духовных властей. И на колокольне в Ковде был создан наблюдательный пункт. Это дает основание предполагать, что англичане сняли колокол отнюдь не в качестве сувенира. В церковной же литературе о событиях 1854—1855 годов об этом ничего не говорится.

г. Архангельск

■ РЕШЕНИЕ съездить к развалинам дворца халифа Хишама возникло у меня во время неоднократных перелетов над пустыней из Дамаска в Пальмиру и дальше по Дейр-эс-Тор. Однажды с воздуха, с высоты 2000 метров, я отчетливо различил квадратное сооружение, типичное для халифских дворцов позднего периода, разглядел громадные цистерны и башню в юго-восточном углу. У меня сложилось впечатление, что дорога к Хишаму не так сложна, главное не сбиться с пути — нужно лишь постоянно двигаться на север. Наметил я и время поездки — наиболее благоприятным был май: дожди прошли, а жара еще не наступила.

Можно было, конечно, многие достопримечательности Хишама посмотреть в музее Дамаска, это в пяти минутах ходьбы от дома. Там и снимки развалин во всех ракурсах, и интереснейшие находки. Немного воображения — и будто побывал в пустыне. Зачем же эта утомительная поездка? К тому же меня предупреждали, что она не безопасна, особенно если ехать без местного проводника, — дорога часто путается в бесконечных развилках, исчезает в песках, и можно легко заблудиться.

Однако мне эти предостережения показались преувеличенными. Я уже бывал в пустыне и знаю, что, если даже я и собьюсь с пути, помогут бедуины или караванщики, которых немало там встречается. И вот — еду. Со мной супружеская пара, с которой я подружился, Петер и Катрин. Перед возвращением на родину они хотели непременно совершить поездку в пустыню. Мы выехали в шесть утра, жара еще не началась.

Дорога круто идет вверх. В Кутейфе, небольшом гарнизонном городке в 40 километрах от Дамаска, я сворачиваю с главной магистрали в сторону пустыни. Вот мой первый ориентир: восточнее дороги отливает серебром соленое озеро Джеруд. Проезжаем две-три деревни. В Атне нас заинтересовали каменные стены какой-то большой древней постройки, возвышающейся над деревней. Должно быть, это руины римского форта или укрепленного лагеря, который арабы потом превратили в караван-сарай — место отдыха на пути из Пальмиры в Дамаск. Кругом валяются обломки колонн, а римская арка ведет в стойло для ослов. Жители деревни, гостеприимные, как все арабы, приглашают нас разделить с ними трапезу. К сожалению, мы не можем принять их приглашение, время торопит — по моим расчетам, поездка должна занять не более суток.

Скоро Кариатеин, последний населенный пункт на пути к нашей цели, остается позади. Мы держим путь на север. Земля твердая и ровная. Я мог бы дать газ и закрыть глаза — на много километров вокруг ни одного препятствия. Так проходит почти два часа. Судя по спидометру, мы скоро должны увидеть башню дворца. Однако что-то она долго не показывается.

Продолжаем публикацию отрывков из книги журналиста из ГДР Ганса Майбаума «Сирия — перекресток народов», готовящейся к выходу в издательстве «Наука». В № 10 и 12 прошлого года были напечатаны главы «Первое убийство» и «Блеск Финикии».

Встречи в пустыне

Ганс МАЙБАУМ

Дорога становится хуже, потом и вовсе кончается, а развалин все не видно! Камни на склонах гор становятся крупнее, приходится то и дело сворачивать, отъезжать назад. Пересекаю бесконечные вади*, а потом решаю ехать по ним, как по дороге, — и напрасно. Оказывается, подпочва вади состоит из сплошного песка. Машина потеряла скорость, мы застряли. После нескольких попыток становится ясно, что своими силами нам не справиться, нужна помощь. Но где ее взять посреди пустыни? Солнце почти в зените: час дня. Я карабкаюсь вверх по крутому склону, с вершины осматриваю пустыню. Первое, что я вижу, — башня Каср эль Шеир эль Гарби — так по-арабски называется дворец Хишама. Она, хотя и очень далеко, в бинокль отчетливо просматривается. А приблизительно на полпути к ней различаю несколько черных пятен: палатки бедуинов. После короткого совещания решаем отправиться к ним за помощью пешком.

Часа через два с половиной мы добираемся до палаток. Их обитатели уже заметили нас. Навстречу нам выходит женщина. Я кланяюсь, не зная, принято ли это здесь. Наверное, я произвожу смешное впечатление: светлокожий странник в спортивных трусах и рубашке, в спортивных тапочках, на груди огромный бинокль. Мой друг — тоже в спортивной одежде — тащится с фотоаппаратом. Но наибольшее удивление вызывает его белокурая жена в шортах. Женщина-бедуинка приносит канистру, льет нам на руки воду. Я понимаю: это такой же знак гостеприимства, как и хлеб-соль. Подношу канистру к губам и пью самый вкусный напиток, какой только можно вообразить.

Нас приглашают в палатку. Еще три женщины — одна пожилая и две молодые — здороваются с нами, приглашают сесть. Прекрасные пестрые ковры устилают утрамбованную землю. Под спину и под руки мне подкладывают подушки. Я блаженно вытягиваю ноги.

В пустыне редко случается, чтобы европеец пришел пешком, и поэтому я пытаюсь объяснить, как нас сюда занесло. Но женщин это, видимо, не особенно интересует. Они деловито снуют по палатке и скоро подносят нам в изящных фарфоровых чашках горький, смешанный со всевозможными эссенциями арабский кофе, который нужно пить маленькими глотками, чтобы не выпрыгнуло сердце. К счастью, мне известен обычай: этот черный, как уголь, экстракт гостю подливают до тех пор, пока он не начинает вертеть чашечку в руках. Если сделать такое движение после первой чашечки, хозяева огорчатся, решив, что кофе гостю не понравился. Однако тот, кто забудет это сделать после третьей чашки, не соблюдает меру. Я, опустошив чашечку второй раз, начинаю ее вертеть. В стакане подают холодную воду. Только теперь начинается «беседа». Я пытаюсь объяснить, что мы, конечно, не прошли через пустыню пешком, что у нас есть машина, которая застряла, и

* Высохшее русло реки или канала.

Жизнь бедуинов в пустыне и сегодня сурова, полна лишений.

Сирийская пустыня, где автор очерка увидел развалины дворца Хишама.

нам нужна помощь. Спрашиваю, есть ли у племени машина. Этот вопрос вовсе не абсурден. У современных бедуинов есть грузовики и даже элегантные, но мощные легковые машины. Женщины говорят, что есть грузовик, но мужчины уехали на нем за водой для скота. Когда они возвратятся? Уже скоро — через полчаса, может быть, через час. Однако сегодня уже поздно что-либо предпринимать, считают женщины. Мы можем здесь переночевать. Мне кажется очень заманчивым провести ночь в палатке бедуинов, но я объясняю им, что нам нужно ехать дальше.

Я уже много раз ошибался относительно представлений арабов о времени. «Сейчас» у них может означать много часов, а «бадеин» — «скоро» — дни и недели. У бедуинов же временные определения могут оказаться еще менее точными. Поэтому я был приятно поражен, когда примерно через полчаса женщины показали на высокое облако пыли на горизонте. Скоро мы отчетливо увидели грузовик. Он направлялся к группе палаток, находящихся километрах в пяти и принадлежащих этому же племени, и там остановился. Наши гостеприимные хозяйки уверяют: сгрузят несколько бурдюков с водой и сразу приедут сюда.

Однако грузовик продолжает стоять. В бинокль я вижу, что его окружили люди. Мы начинаем волноваться — там что-то случилось. Ни у кого из нас не хватает выдержки спокойно дожидаться в палатке.

Пять километров проходим быстро. Так и есть — у них отказал двигатель. Бедуины пытаются подтолкнуть грузовик, чтобы завести мотор сходу. Но все напрасно. Я заглянул под капот и увидел отдельные части двигателя, невероятно загрязненные, перевязанные проволокой и даже бечевкой, кабель и проводка перепутались: чудо, что машина еще ходит.

Наше положение становится серьезным. Через два часа зайдет солнце. Я уговариваю бедуинов проводить нас пешком до машины, но они показывают на грузовик, на солнце и говорят «букра» — «завтра». Все же мне удается уговорить троих мужчин. Мы идем, Катрин с трудом поспевает за нами.

Пересекаем несколько ущелий и поднимаемся на вершину холма — оттуда я надеялся увидеть свою машину. К моему ужасу, я ничего не увидел — вокруг одинаковые холмы, одинаковые долины. Все горные хребты похожи друг на друга, через каждое ущелье проходят вади. Я начинаю нервничать — кажется, мы заблудились. Мои провожатые несколько отклонились, и мы продвигаемся широкой цепью с горы на гору. Солнце достигает горизонта. Неожиданно мы теряем из виду бедуинов. На наш зов никто не откликается. Может, они не слышат нас? Вконец измученные, мы опускаемся на камень. Темнота наступает как-то сразу. Наш зов — глас вопиющего в пустыне в буквальном смысле слова.

Заметно похолодало. Мы проголодались, хочется пить. Судорожно соображаю, что делать: искать пещеру в скале и там провести ночь или попытаться найти в пустыне палатки бедуинов? После короткого совещания бредем назад. Через некоторое время с высоты холма замечаем две или три слабо светящиеся точки. Это лампы в палатках. Хотя они и очень далеко, оживает надежда: мы уже не чувствуем себя такими покинутыми и одинокими.

...Только оказавшись внутри палатки, я замечаю, что это та же семья, у которой мы были после полудня. Женщины украдкой посмеиваются. Их можно понять: мы похожи на основательно потрепанных воинов после проигранного сражения. Они ведь сразу предложили переночевать у них и были правы. Нам неловко, а они, будто не замечая этого, трогательно ухаживают за нами: стягивают с нас обувь, поливают воду на руки и на ноги, набрасывают на плечи овчину. Принесли и кофе. Силы возвращаются к нам. Я осматриваюсь. Как и в первый раз, мы расположились в «гостиной» на ковре у задней стенки палатки. Напротив нас сидит старик. Он с наслаждением попыхивает трубкой из наргиле, внимательно рассматривает нас, но не произносит ни слова. Перед нами небольшое углубление в земле. Это очаг, в котором неярким пламенем горит овечий и верблюжий навоз. Между стариком и огнем стоят в ряд по росту четыре оловянных кувшина с характерными, вытянутыми, как клюв птицы, носиками, хорошо начищенные. Рядом на металлическом стержне, воткнутом в землю, подвешена мазутная лампа, разливающая яркий свет, который и привел нас к палаткам. За спиной старика виден великолепный, богато украшенный резьбой и перламутровой инкрустацией сундук. Он отгораживает от «гостиной» часть палатки, где в полутьме трое малышей в рубашонках резвятся с двумя ягнятами. Помещение справа скрыто от нашего взора высокими соломенными матами.

Снова входят женщины. На этот раз приносят еду. В большой миске кислое молоко, которое здесь называют лабан. Без лабана арабская кухня немыслима. Лабан хорош и в жару, и в холод, служит едой и лекарством, его можно использовать внутрь и наружно. К лабану подаются очень сладкий, горячий чай и молоко. Мы согреваемся.

Снаружи затявкали собаки. Одна из женщин выходит. К нашему удивлению, из темноты выступают трое мужчин — наша поисковая команда. Они шумно и радостно приветствуют нас. Оказывается, они долго нас искали, боялись, не случилось ли чего. Машину они так и не нашли. «Букра» — «завтра», — утешают они нас. Я начинаю лучше понимать значение этого слова в условиях пустыни.

Будет ли машина у наших хозяев завтра? Они уверяют, что нам не о чем беспокоиться. Должна возвратиться машина из Хомса, и, кроме того, у соседней семьи есть трактор. Это лишь в 30—40 километрах отсюда. Я облегченно вздыхаю.

Пока мы разговариваем, появляются женщины с большим медным блюдом. На нем жареный барашек. Он аккуратно прикрыт рисом. Видна только голова, и у меня такое чувство, что она печально и с укоризной глядит на меня. Я украдкой смотрю в сторону, где играли дети,—там прыгает теперь только один ягненок. Старик тем временем высоко засучивает рукава, тщательно моет руки и запускает их в самое нутро барашка, перебирает там пальцами, пока ему не кажется, что он нащупал самый лакомый кусок. Он шлепает его мне вместе с большой порцией риса на лепешку. Для всех это сигнал к началу трапезы. Они тянутся к блюду, ловкими движениями пальцев скатывают рис в небольшие шарики и отправляют в рот. Мы пытаемся им подражать. Все едят с удовольствием — жуют, чавкают, причмокивают, облизываются. Мясо молодого барашка тает во рту. Рис приправлен орехами и всевозможными пряностями. Проходит немного времени, и на подносе остаются только голова и несколько костей. Снова появляются женщины, — они не принимали участия в ужине, — приносят мыло и воду, снова медленно поливают на руки всем нам. Потом они быстро убирают остатки пиршества и подсаживаются к нам. Я незаметно, но внимательно рассматриваю их. Они ведут себя в обществе мужчин значительно непринужденнее и свободнее, чем арабские женщины в городах, за исключением тех, кто уже приобщился к новой жизни или происходит из семей, связанных с европейскими традициями. Женщины-бедуинки, особенно крестьянки, не знают покрывала. Оно — для горожанок, которые редко выходят из дома. Даже покупки, как правило, делают мужчины, причем не потому, что хотят помочь по дому, а из желания оградить женщину от контакта с окружающим миром. Крестьянке же приходится работать в поле. У наших бедуинок загорелые лица и руки, татуировка на лбу, подбородке и даже на губах. Все свое достояние они носят на себе: руки богато украшены многочисленными золотыми кольцами — подарками родственников и мужа. Это единственное их богатство остается с ними даже в том случае, если мужья прогонят их. Самая молодая бедуинка — я думаю, ей не больше 14 — очень красивая девушка с огромными карими глазами. В левой ноздре у нее крошечный драгоценный камень. Она ведет себя как шаловливый ребенок. Но я видел жен и помоложе ее.

Палатка наполняется родственниками наших хозяев. Они хотят посмотреть на удивительных иностранцев, которые, как им сказали, неожиданно появились в пустыне почти нагишом. Я незаметно считаю гостей: семь женщин и двенадцать мужчин. Один из них кое-как объясняется по-английски. На вопрос, давно ли их племя в Сирийской пустыне, отвечает, что уже много лет. Я узнаю, что здесь есть еще несколько племен бедуинов. Их стада состоят в основном из верблюдов, поэтому эти племена еще в состоянии вести кочевой образ жизни. Но число таких племен сильно сокращается. Верблюды больше не выгодны — их вытеснил автомобиль. Сейчас основное богатство бедуинов — овечьи стада, а с ними невозможно передвигаться на большие расстояния.

Бедуин говорит об этих изменениях с грустью, как говорят о «добрых старых временах». Ну, а есть среди переходящих к оседлости бедуинов племена, которые строят себе дома? Он отрицательно качает головой: «Нет, пытались строить, но в каменных домах жить невозможно». «Ходит ли кто-нибудь в школу?» — спрашиваю я. «Нет, куда же ходить?» Никто из присутствующих не умеет ни читать, ни писать. Но все взоры устремлены на мужчину, который несколько смущен всеобщим вниманием. Его сын посещает в Хомсе

специальную школу, организованную правительством для детей бедуинов. Еще несколько семей последовали его примеру. Правда, здесь как-то однажды появился учитель, который утверждал, что хочет учить их детей, что его послало правительство. Но он скоро уехал. Почему, они не знают.

«Кто вождь племени? — задаю я новые вопросы. — Существует ли еще кровная месть и межплеменная вражда? Вмешивается ли тогда полиция?» Мужчина становится более сдержанным. Нет, полиции здесь нет. Бедуины в состоянии сами урегулировать свои дела. А кровной мести давно уже нет. Иногда, конечно, случаются распри, за которые кто-то расплачивается жизнью и имуществом. Но решать эти вопросы — дело старейшин, семейных комитетов, они же выбирают шейха. Эта должность уже в течение многих поколений сохраняется за одной и той же семьей. Разговор медленно иссякает. Моему переводчику не всегда удается найти нужные слова. Во время длинных пауз все молчат. Арабы мастера молчать.

У нас слипаются глаза. Женщины готовят постель на ковре, на котором мы сидим. Они приносят мягкие, чистые одеяла и подушки. Мы ложимся, а сверху закрываемся овечьим тулупом. Вскоре все уходят. Брезентовую покрышку, которая во всю длину палатки лежала на полу, приподняли свободным концом вверх и пристегнули к боковому полотнищу. Свет убавили, прикрутив лампу, и скоро наступила полная тишина. Я мгновенно засыпаю.

Просыпаюсь в пять часов. Очень холодно. Выхожу из палатки. Необыкновенная картина открывается мне: утренняя заря залила пустыню золотом, над нею висит огненный шар. Три палатки отбрасывают длинные тени. В нескольких сотнях метров пасется небольшое стадо — 10 или 12 верблюдов. Трудно оторвать глаза от всей этой красоты, однако холод загнал меня обратно в палатку.

Петер и Катрин тоже встали. Готов кофе — начинается завтрак. Сначала опять подают лабан, затем — золотистые, ароматные, хрустящие лепешки, мед, кипяченое молоко с жирной пенкой. За завтраком осторожно спрашиваю о тракторе. «Потом, потом», — говорит хозяин. Сначала он должен привезти воду из источника и съездить к стадам. Без воды — нет скотины, а без скотины — нет мяса, нет кожи, одеял, одежды, обуви. Мы продолжаем ждать, хотя нельзя сказать, что терпеливо. Издали меня иронически приветствует башня дворца. Подожди, думаю я упрямо, я еще завоюю тебя!

К 11 часам действительно приходит трактор. Мы прощаемся с нашими хозяевами. Мне хочется сказать им много приятных, добрых слов, но я не могу это выразить по-арабски. Я говорю им по-немецки — многословно, длинно, и они понимают, что сердца наши полны благодарности и признательности. Бедуины прощаются на арабском, и я тоже их понимаю: в добрый путь, говорят они, и пусть будет с вами благословение Аллаха, пусть он защитит всех от голода и жажды, от болезней и непогоды. Пусть будем здоровы мы и наши семьи, наши дети и дети наших детей, теперь и всегда. Мы машем им, пока палатки не скрываются из виду.

С помощью трактора мы вытащили машину за какие-нибудь четверть часа. Мы счастливы, молодые бедуины радуются хорошему подарку — бакшишу. Они вывозят нас на твердую почву, и мы можем продолжать путь. Каср эль Шеир эль Гарби перед нами. Через несколько минут мы подъезжаем к дворцу. Я чувствую себя полководцем, которому после переменных успехов сдалась наконец осаждаемая крепость.

«От имени всемилостивейшего и милосердного бога, нет бога, кроме Аллаха единственного, который не имеет себе равных. Абдулла Хишам, принц верующих, которого бог наградил, приказывает возвести это здание в месяце раджаб в году 104».

В 727 году, когда Хишам отдал приказ о возведении дворца, он был властителем государства, простиравшегося от Испании до Индии, пожалуй, самым могущественным из правителей того времени. Столица его государства Дамаск затмевала другие города мира богатством и блеском. Из дальних концов земли приходили люди, чтобы полюбоваться ее великолепием. Но Хишам оказался истинным потомком бедуинов. Полный недоверия к нагромождению домов, он бежал в пустыню от лихорадочной жизни столицы, поближе к своим бедуинам. Вот почему в пустыне, на значительном расстоянии от Дамаска, был выстроен роскошный халифский дворец. Тогда эти места выглядели иначе, чем сейчас. Более чем за полтысячелетия до этого посреди пустыни люди создали цветущий оазис. В I столетии нашей эры арабское население Пальмиры сделало на горной реке Бадре, протекающей в 17 километрах от дворца, запруду, перекрыв реку каменной стеной, которую и сейчас еще можно видеть. Так возникло водохранилище: пространство между двумя параллельными стенами, выложенными из больших квадратных плит тесаного камня, было заполнено мелкими камнями и щебнем. От этого водохранилища шел подземный канал к большой цистерне, находящейся поблизости от будущего дворца. Боковая сторона цистерны была предположительно 60 метров, глубина — 4—5. Благодаря этому оригинальному сооружению и появился в пустыне оазис. К сожалению, других сооружений, сделанных руками жителей Пальмиры, не сохранилось. Позднее, уже в византийский период, здесь были воздвигнуты сооружения, от которых осталась только высокая башня, — та самая, которую мы так долго искали. Эта башня образует ныне северо-западный угол Омейядского дворца.

Фундаменты каменных его стен отчетливо вырисовываются, свидетельствуя о квадратной форме строения и подтверждая пристрастие арабов к симметрии. Длина наружных стен дворца примерно 70 метров. На каждом углу, за исключением этой северо-западной башни, возвышалась мощная круглая башня. Круглые башни были построены также посредине каждой стены, но они выступали из-за стены лишь наполовину. Ворота на восточной стороне были охвачены двумя такими полубашнями. К очень высокой когда-то наружной стене — высота ее, должно быть, достигала 28 метров — примыкали расположенные на двух ярусах 120 жилых комнат. Все эти комнаты имели выход во внутренний двор на широкую галерею, которая также в два яруса опоясывала большой двор. Раньше замок был окружен зверинцем. Это идеальный план арабского дворца, ставший образцом для многих сооружений более позднего периода. Такой тип постройки послужил также основой для крепостей и замков, воздвигнутых в период расцвета Кордовского халифата в Испании. (Арабское слово «аль Каср» — превращается в испанское «алькасар» — замок.) Но влияние арабского строительного искусства распространилось не только на Испанию. Фридрих II, внук Барбароссы, был очарован культурой Востока. Он познакомился с ней в странах Средиземноморья и во время крестовых походов на Ближний Восток. Стремясь приобщить свою страну к этой высокой культуре, он приказал построить в Сицилии много дворцов по образцу арабского строительного искусства. Арабское влияние чувствуется и в архитектуре средневековых орденских укрепленных замков...

Обратный путь в Дамаск прошел без приключений. На следующий день я уже в музее сравнивал великолепно выполненные реконструкции отдельных частей дворца с моими впечатлениями. Реставраторы сложили осколки обнаруженных во время раскопок орнаментов и восстановили длинные настенные фризы, отдельные части колоннады, входные ворота с громадными полубашнями. При этом они искусно использовали многие оригинальные части. Детали из отделочного гипса украшают прямоугольные поверхности с вклиненными в них башнями. Удалось восстановить неповторимый и любопытный с историко-искусствоведческой точки зрения орнамент дворца.

В отличие от мечетей этого периода, на мозаиках которых лишь растительные орнаменты и изредка — звери и птицы, на фресках Хишама изображены люди. У входных ворот — бюст халифа. Над ним — сидящая пара, художественное изображение которой явно заимствовано с надгробных фигур Пальмиры. Рядом — несколько обнаженных до пояса женских фигур. А вот фриз с рельефным изображением всадника и большого числа мужских и женских фигур.

Но самое сильное впечатление производят две огромные фрески высотой более 10 и шириной 4,5 метра, найденные на полу дворца: женщина с обнаженной грудью держит в руке платок с фруктами — по всей вероятности, это подражание древним изображениям богини плодородия. Другой сюжет — халиф на охоте, мчащийся в стремительном галопе на лошади: в левой руке он держит лук, а правой — натягивает тетиву. Над халифом можно увидеть двух музыкантш в развевающихся фиолетовых одеждах. Игрой на гитаре и флейте они занимают гостей, пока не возвратятся охотники.

Так закончилось мое знакомство с Хишамом. Я встретился с ним дважды: в пустыне, на развалинах замка, и в музее. Но главное, я познакомился с бедуинами — потомками тех безвестных мастеров, что воздвигли посреди пустыни дворец и чье искусство непреходяще, несмотря на неумолимое время.

Перевела с немецкого
Т. РАЙСКАЯ

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» ЖИВОТНЫЕ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

ХРИСТИАНСКИЕ ДЕМОНЫ НИЛА

М. КАСПЕРАВИЧЮС

ПО УТВЕРЖДЕНИЮ католического писателя Вейера, существует будто бы около сорока пяти миллионов чертей. В период становления христианского вероучения эти противники бога и людей воспринимались в облике внушающих страх или отвращение зверей. Святому Антонию, к примеру, дьявол являлся в виде омерзительных животных и птиц. Он мог без труда превратиться в медведя, кошку и даже гусеницу. Жившего в XVI веке знаменитого мага Агриппу Неттесгеймского постоянно сопровождал черный пес, который будто бы был самим Сатаной. Это факты известные. Менее известно, что с дьяволом порой отождествляли обитающих в Ниле бегемота, крокодила и лягушку.

В древнеегипетской мифологии, однако, эти животные представляли посланцев доброго божества. Бегемота считали полезной «водяной свиньей» и часто изображали охоту на него. Среди египетских звероподобных божеств это животное тоже занимало почетное место. Из числа трех связанных с ним богинь особенно почиталась Тауэрис («Великая»). Ее изображали в виде беременной самки гиппопотама, иногда с женской головой. Египтянки поклонялись ей как небесной помощнице при родах и вскармливании ребенка. Полые статуэтки Тауэрис будущие матери заполняли кусками своей одежды, наливали туда молоко, это должно было обеспечить рождение здорового потомства и обилие материнского молока.

Однако ранние египетские христиане — копты связывали уже этих животных с преисподней и верили, что бегемоты и крокодилы могли вредить человеку. Произошло своего рода переосмысление ценностей, копты превратили положительных богов Древнего Египта в злых демонов и этим выразили своеобразный протест против старых верований, от которых, тем не менее, полностью отказаться не могли. Так, например, вариант мифа о Тауэрис, олицетворяющей пальму, выросшую над гробницей Осириса — умирающего и воскресающего бога, копты приспособили для своего культа новозаветного Христа. Связанное с почитанием бегемота дерево они признали в качестве евангельской сикоморы (тутовой смоковницы), под тенью которой будто бы отдыхала Мария с младенцем Иисусом во время своего бегства в Египет от преследования иудейского царя Ирода.

Однако саму Тауэрис как богиню копты отвергли. Вначале они энергично искореняли любое почитание старых древнеегипетских божеств, в которых видели опасных конкурентов еще не окрепшего христианства. Особую неприязнь вызывали представители «звериного» пантеона, которые, по мнению отцов церкви, были не чем иным, как злыми демонами. Таким образом Тауэрис и бегемот приобрели признаки злых божеств. Если верить свидетельству писателя IV века Палладия, то именно бегемот уничтожил урожай в коптском монастыре и обратился в бегство только после того, как его прогнали именем Христа. Бегемот представлен вредоносным демоном, не переносящим крестного знамения. И в некоторых более поздних арабских источниках бегемот также считается выходцем из ада.

В ветхозаветных книге Еноха и IV кни-

Древнеегипетский бог Гор в облачении всадника борется с крокодилом.

Коптский терракотовый светильник с изображением лягушки.

Бегемоты и крокодилы в Ниле (деталь мозаики).

Св. Георгий и дракон (коптская ткань).

Бегемотообразная богиня Тауэрис.

ге Ездры, которые не вошли в канонический текст священной книги древних евреев, рассказывается о том, что в пятый день творения бог создал двух чудовищных животных — Левиафана и бегемота. Яхве их разлучил, так как обоим не хватало места в океане. Левиафана бог оставил в океане, а бегемота поселил в богатой пастбищами стране «Тысячи холмов». Но он не вместился и в эту страну и занял еще пустыню в восточной части райского сада. Далее апокрифы повествуют, что после прихода на землю спасителя бегемот покинул отведенное ему место. Тогда на него стали охотиться. Убил бегемота архангел Гавриил. По другой версии, Левиафан (возможно, кит) вступил с бегемотом в борьбу, во время которой они оба погибли. Впоследствии этот сюжет видоизменился: в нем описывались жесточайшие сражения бегемотов с крокодилами.

На древнеегипетском «суде Осириса», где на «весах правды» оценивались земные дела людей, обязательно находилась чудовищная пожирательница с туловищем бегемота, лапами льва и мордой крокодила (так изображалась иногда и Тауэрис). Ей отдавали сердце умершего при отрицательном результате взвешивания. По своей роли пожирательница тождественна дьяволу на христианских изображениях «страшного суда», где Христос, как и египетский владыка страны мертвых Осирис, выступает судьей человека. Это все косвенные аналогии. Но на гемме, хранящейся в Ленинградском Эрмитаже, изображены и бегемот, и фигуры архангелов Михаила и Гавриила — христианских борцов с Сатаной. Это уже прямое указание на то, что бегемоты превратились из добрых и полезных божеств в нечистую силу христианства.

Другое ветхозаветное чудище — крокодил был хорошо известен в Палестине. Однако среди иудеев это животное считалось символом Египта, традиционного врага и угнетателя «богоизбранного» народа. В самом Египте крокодилу приписывалось множество функций. Он был оракулом, стражем сердца, богом некоторых номов, обладал сверхъестественными способностями. Сделанные из его кожи прочные панцири не только хорошо защищали воина, но и, по представлениям египтян, предохраняли его от действия злых сил и колдовских чар. Животное это выступало то как заступник людей перед богами, то как ходатай одних богов перед другими, то просто как священное животное. Крокодилоголовому богу Себеку поклонялись даже римские императоры.

В Верхнем Египте обнаружили кладбище священных крокодилов и развалины храма в честь крокодилообразного божества Себека. Принадлежащих Себеку крокодилов, в которых, как верили, мог превратиться умерший, разводили в большом количестве в Фивах. Им приносили жертвы, опуская лакомую пищу в особое отверстие, сделанное в статуе бога-крокодила. Одновременно существовали и другие мифы. В них крокодил выступал как носитель злого начала. Его даже соединяли со злым богом пустыни Сетом, который не только предательски убил своего брата Осириса, но и помогал злейшим врагам Египта — гиксосам. Эти представления о крокодиле как о враждебном человеку животном, обладающем сверхъестественными способностями, все же преобладали над другими.

Интересно отметить, что и в христианстве крокодил стал обозначать недоброжелательные силы ада. У Афанасия Александрийского есть рассказ о том, как египетский отшельник Антоний Фивский должен был молитвой усмирить «бесстыдных» крокодилов, чтобы перейти кишащий ими канал. Здесь крокодил, как и бегемот, боится молитвы и уступает ей в силу своего сатанинского происхождения.

Именно в таком понимании сделано изображение на коптском рельефе IV—V веков, хранящемся в Лувре. Сокологоловый всадник (вероятно, египетский Гор) сражается с крокодилом. Впоследствии египетский сюжет приобрел христианское звучание. Не затрудняя себя поисками новых скульптурных или живописных решений, христиане позаимствовали из древнеегипетского искусства уже устоявшиеся, известные образы и на их основе представили торжество христианства над старыми верованиями, победу добра над злом.

В коптском Египте был некогда распространен культ святых всадников — Сисиния, Феодора, Деметрия, Меркурия и Георгия. Каждому из них поклонялись как противнику Сатаны. Согласно легенде, святой Сисиний казнил свою сестру Алабастрию за то, что она была колдуньей и, превратившись в летучую мышь, высасывала кровь у младенцев. На росписи из египетского монастыря Бауит всадник Сисиний копьем пронзает женщину, лежащую у ног его коня. Примечательно, что около Алабастрии, среди атрибутов магических обрядов, находится и фигура крокодила. В христианстве этот сюжет разрабатывался на многочисленных скульптурных и живописных изображениях схватки святого Георгия с драконом. К этой же идее борьбы со злом восходят горельефы на капителях и архивольтах порталов средневековых храмов южной Франции: вооруженные герои топчут драконов и демонов.

Средневековые алхимики считали, что крокодилы питаются рассеянным в воздухе, дожде и росе «вселенским духом». Исходя из того, что он будто бы способствовал получению «философского камня».

Если крокодил-злодей прижился у коптов, то с лягушкой-жабой дело обстояло сложнее. В Ветхом завете о ней упоминается в связи со второй казнью египетской, когда по желанию Аарона из Нила вышли жабы и покрыли весь Египет. В Талмуде описан союз жабы и змеи, в результате которого родилась гидра. Вероятно, поэтому лягушку запрещали есть, хотя трогать ее разрешалось.

По-иному относились к лягушке в Древнем Египте, где она была символом плодородия, богатого урожая, обновления жизни и даже воскрешения. Египтяне давно заметили способность лягушки впадать в зимнюю спячку, во время которой она как бы умирает. Весеннее ее пробуждение воспринималось как воскрешение. Кроме того, египтяне знали удивительную способность лягушки в какой-то степени восстанавливать утраченные конечности. Эти свойства организма земноводного выделяли лягушку из среды других представителей фауны Египта и способствовали как ее почитанию, так и связанным с ними суеверным представлениям.

В Гермополе и Антинополисе поклонялись лягушкообразной богине Хекат, будто бы способной оживлять людей. Люди верили в то, что она в роли акушерки участвует при рождении каждого фараона. В Гермополе, кроме Хекат, почитали еще четыре пары богов, олицетворяющих материальный мир стихии. Богинь в этих парах изображали с головами змей, а богов — с головами лягушек. Поздние тексты (IV—I века до н. э.) сообщают, что именно эти божества создали Вселенную. Так лягушка приобрела космическую значимость и стала символом возникновения жизни.

В Британском музее хранится амулет из зеленого камня (зеленый цвет в Египте всегда символизировал жизнь), на котором изображены фигуры сокоподобных и лягушкоподобных богов. Здесь же вырезаны такие слова: «Здравствуй, отец мира. Здравствуй, бог в трех ипостасях». Как видите, здесь прямая аналогия с более поздней христианской религией.

Копты восприняли лягушку как символ воскрешения из мертвых. Именно в таком истолковании образ земноводного вырезали на светильниках, так как воскрешение ассоциировалось с пребыванием в царстве божественного света. Терракотовую лампу из Каирского музея украшает изображение огромной лягушки. В мощных, широко расставленных лапах она держит равноконечные кресты. Такие же кресты видны по ее бокам и около глаз. Край лампы занимают крестики несколько меньшего размера.

В средние века, во времена господства христианской церкви, в разгар борьбы духовенства с дьяволами, ведьмами, лягушку сделали их спутницей, отождествив ее с нечистой силой. В XIII веке папа Григорий IX клеймил немецких крестьян из Штединга, которые заключили союз с Сатаной, принявшим облик громадной жабы. Под влиянием суеверной фантазии христианских пастырей возникает множество предрассудков, по которым лягушка занимает важное место в жизни колдуний и ведьм. Крестьяне толковали ночные кошмары, связанные с ощущением удушья и давления на грудь, с приходом гигантской жабы, которая охватывает лапами грудь человека и душит его. Чтобы избавиться от таких сновидений, рекомендовалось поймать лягушку и приколоть ее вилами к стене дома.

Уже давно никто не видит в бегемоте, крокодиле и лягушке носителей сверхъестественных сил — ни злых и опасных, ни добрых и полезных. Тауэрис, Себек и Хекат безвозвратно ушли в прошлое, как и многие другие божки и божества. Бегемотов, крокодилов во многих странах охраняют законом — люди стремятся исправить свои ошибки и сохранить эти виды животных, которым грозит вымирание. А во дворе Парижского университета стоит необычный памятник лягушке — так благодарные ученые почтили ее участие как объекта биологических исследований в развитии современной медицины и физиологии.

Ленинград

ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ

Известный литовский писатель, главный редактор газеты «Тиеса» Альбертас ЛАУРИНЧЮКАС встретился в Вильнюсе с нашим специальным корреспондентом Александром Романовым. Автор книг «Медное солнце», «Черная кровь», «Третья сторона доллара», пьес «Средняя американка», «Мгновение истины», «Цвет ненависти» поделился с читателями журнала мыслями об использовании религии в политических целях.

С раннего детства меня мучила проблема: далеко ли может видеть человек? Насколько широко сумеет охватить он взглядом пространство? Сначала мой мир не шел дальше дома в Шяуляе, где я родился и вырос. Потом границы расширились до пределов двора, ближнего леса, куда однажды пошел с родителями и удивился, что земля такая большая, что есть что-то за лесом, за горизонтом. В школу я пошел еще при буржуазном строе. Отец мой был рабочим и, сколько я его помню, всегда внушал мне, что не следует надеяться на чудеса, а нужно учиться, читать и верить в собственные силы. Однажды я услышал, как отец горячо спорил с соседями: доказывал, что бога нет. В разговоре он упомянул и известный парадоксальный аргумент: если бог всесилен, может ли он сотворить камень, который сам не в состоянии поднять?

Я это запомнил и решил про себя, что обязательно спрошу на законе божьем. Ксендз вместо ответа сказал мне: «Чем задавать такие вопросы, лучше неделю молись святой Марии». Я понял—ксендз уклонился от ответа. И хотя неделю усиленно молился, крамольная мысль не исчезла бесследно. Тот случай с ксендзом в немалой степени оказал влияние на мою дальнейшую судьбу.

Реальная действительность — тяжелый, безрадостный, нередко трагический быт живущих вокруг нас рабочих семей, доброта, терпеливость матери, атеистическое мировоззрение отца — вот что формировало с детства мои взгляды.

Вопросы познаваемости мира всегда волновали и будут волновать людей. Во все времена были те, кто замыкались в себе, в узкоэгоистических интересах, ограничивали свой кругозор, но были и другие, которые старались увидеть, узнать, понять больше, — были люди недюжинного интеллекта, глубоких запросов. К сожалению, далеко не всем удается увидеть дальше собственного забора. Время властно меняет, отсеивает, закрепляет бесценный опыт поколений. Планета наша становится все меньше, ибо растут темпы, скорости. Тем не менее издавна волнующие человечество проблемы не становятся поверхностнее и проще, но непрерывно углубляются. Сталкиваются прогрессивные силы, завтрашний день планеты, ее будущее, и силы регресса.

«...Мы стояли возле хижины, сплетенной из веток и обмазанной глиной. Покой и темнота ночи одолели звуки и свет дня. Неподалеку возвышались кокосовые пальмы. Большими замершими листьями они, словно радиолокаторы, устремились к тайнам небосвода. Несколько крупных бриллиантов, украшавших ночное небо, ярко выделялись среди других звезд, образовав знак креста. В Африке только живущие к югу от экватора могут любоваться Южным Крестом.

— Это крест божий! — объяснил мне местный житель.

На его черной груди висел такой же, словно снятый с неба, крест, украшенный маленькими стеклышками.

— Бог создал солнце, звезды и человека,—объяснил он мне, — каждый вечер бог берет большой черный шатер и накрывает им землю. Он проколол в шатре много дырочек, и поэтому мы знаем, что стемнело не во всем мире, а лишь в одной стороне шатра. Во всех остальных местах сияет вечный божественный свет.

— Если звезды — дырочки в черном шатре, то что такое луна? — спросил я.

— Луна — враг креста.

— Почему?

— Так говорил миссионер в церкви. Луну, а не крест, устанавливают на своих храмах только неверные мусульмане...

— Что такое крест? — спросил я в Касабланке пожилого марокканца.

Тоже была тихая, располагающая к раздумью ночь. В черном, усыпанном звездами небе висел месяц, раскинулась Большая Медведица. Только Южного Креста здесь не было, жители Северного полушария его никогда не видят. Марокканец долго не отвечал, потом повернул голову к башне минарета. Оба полумесяца — на небе и на земле — были одинаковыми.

— Крест — враг луны, — медленно, но твердо пояснил он. — Крест устанавливают над своими церквами неверные.

В Дагомее, сидя на горячем белом песке и наблюдая за волнами Атлантики, которые словно бы не ветер, а солнце толкало к берегу пальцами-лучами, я спросил своего спутника-африканца:

— Что такое солнце?

— Солнце — это бог, который борется с крестом и полумесяцем. Могуществу его нет предела: когда светит солнце, не осмеливаются выглянуть ни месяц, ни крест».

Из книги «Черная кровь»

Я много ездил по странам Латинской Америки и везде наблюдал результаты борьбы за справедливость, социальный прогресс. Народ Кубы победил, одержали внушительную победу патриоты Никарагуа. Напуганная реакция обратилась к особо жестоким мерам. Об этом свидетельствуют кровавые события в Чили, Боливии, Сальвадоре: реакция не собирается складывать оружие. И как всегда, мы видим традиционное соседство — одна рука поднимает крест, другая держит меч. Происходящее сегодня напоминает времена, когда несколько столетий назад конкистадоры и церковь тоже хотели повернуть историю вспять. Тогда в крови были потоплены элементарные человеческие свободы.

«В Колумбии есть гора Сипакира. Ни фантазия, ни легенды не могли объяснить, как и когда образовалась она из соли. Сколько прошло миллионов лет, пока в морской воде осели толстые соляные залежи! Какие силы превратили бывшее морское дно в гору? Но, идя по мрачным, освещенным тусклыми лампочками коридорам, я больше удивлялся не чуду природы, а следам труда человека в этом царстве соли.

Индейские легенды гласят, что всемогущий бог Боцика показал людям эти богатства. Соль стала их пищей, товаром, деньгами. Он научил индейцев делать соль белой, словно снежные вершины гор. Вода, перенасыщенная горной солью, под жгучими лучами солнца и в пламени костров превращалась в белые куски круглой формы, отсюда их отправляли по тропам в горах и джунглях и по лентам рек во все стороны.

Завоеватели во главе с Хименесом Кесадой, найдя соляную гору Сипакира, объявили ее собственностью испанской короны. «Святой дух, превратившийся в куски белой соли, показал воинам христовым путь в недра Америки, заселенные индейцами», — гласила одна из хроник того времени. Если бы не соль, католическая мораль и христианская цивилизация значительно медленнее продвигались бы по этому континенту. Испанские завоеватели — рыцари наживы и авантюристы — были представителями христового воинства, не-

сущего язычникам свет «истинной веры». Вначале в штольнях появились небольшие алтари с распятиями и с прочими атрибутами католического культа. Владельцы копей, задумав «облегчить» судьбу измученных невольников, решили установить в одной нише статую девы Марии. Деньги на ее сооружение собрали с тех же обездоленных рабочих и предоставили им право молиться у ее ног. Матерь божию изготовили не из металла. Скульптор Даниэль Морено высек мадонну из той же каменной соли. Шло время, кое-кому показалось недостаточно одной скульптуры. Правление колумбийского банка финансировало строительство в недрах соляной горы храма.

...Подземные коридоры безмолвны, эхо не повторяет шагов. Постепенно проход расширяется. Из синей мглы возникают огни. Это большой алтарь. Вероятно, в таких вот подземельях во времена Римской империи раннехристианские общины собирались для тайных молитв и погребения умерших. Римские катакомбы были, разумеется, значительно меньше. Боготский соляной собор представляет собою просторную галерею высотой 74 и длиной 120 метров, вмещающую 8 тысяч человек. Его торжественное открытие состоялось всего четверть века назад. По воскресеньям здесь служат мессы. И те, кто попал в безжалостные тиски банков и монополий, могут прийти сюда за утешением.

В городах Латинской Америки самые большие и старые храмы стоят, как правило, рядом с правительственными учреждениями, демонстрируя давний союз светских и церковных властей».

Из книги «Медное солнце»

— Латиноамериканская католическая церковь сейчас имеет три наименования, — говорил мне один священник в Венесуэле. — Высшая католическая иерархия, наблюдая равнодушно верующих, называет ее «спящей церковью». Духовные лица более низкого ранга, сталкиваясь лицом к лицу с действительностью, но обязанные придерживаться догматических канонов, выработанных Ватиканом, называют ее «церковью формалистов». Люди, из которых едва ли 10 процентов выполняют религиозные обязанности, называют ее «церковью атеистов».

Сегодня против креста и меча восстают большие и малые народы, еще не успевшие сбросить унизительное ярмо. Во время многочисленных поездок по Латинской Америке я не раз слышал, что данную часть света объединяет не только язык, но и католическая вера. В том, что это утверждение во многом условно, поверхностно, меня убеждали встречи и с простыми тружениками, и с такими выдающимися мыслителями и художниками, как Пабло Неруда и Давид Сикейрос. Однажды, когда я ехал на встречу с Нерудой, у автомобиля лопнула шина — пришлось задержаться. Тут же появились дети, жадно смотревшие во все глаза. К группе детворы присоединились двое пожилых людей— женщина в черном платье с крестом на груди и мужчина, непрерывно жевавший листья колы. Глядя на него, я невольно подумал о тех латиноамериканцах, которым удается взбодриться лишь на очень короткое время при помощи наркотиков.

В сегодняшней Латинской Америке водораздел между людьми гораздо сложнее извилистых берегов Амазонки и иссеченной, точно шрамами, цепи Кордильер.

В Бирме мне довелось видеть множество людей, приносивших пожертвования буддистским монахам. Они делали это от души, убежденные, что так и надо поступать. Нередко голодные бедняки отдают последнюю горсть риса. Но самодовольное выражение Будды не меняется — он одобряет все происходящее. Как-то пришлось столкнуться с видным буддистом-полиглотом, знавшим 17 языков, в том числе и русский. Он цитировал по-английски Шекспира, по-русски Пушкина, а потом подарил мне сборник собственных стихов. Он меньше всего говорил о религии, восхищался красотой, поэзией. Но как только мы заговорили о смысле жизни, он определил свою миссию: как можно быстрее помочь людям достичь нирваны, исчезновения. По его словам, это на редкость благородная цель. Я не стал с ним спорить. Его религиозное кредо заключалось в исчезновении человечества, сокровищ культуры, всех достижений цивилизации. Быть или не быть сегодня? — это не повторение мучительного вопроса Гамлета. Быть или не быть? — волнует всех. Ибо речь идет не о смертельном соке белены в руках короля-убийцы, а об атомном и водородном оружии.

Мне довелось встречаться и беседовать с бывшим губернатором Нью-Йорка Рокфеллером. Его отличала удивительная способность непрерывно улыбаться и проявлять заботу, заботу о всех и каждом. Глядя на его улыбку, я мысленно представлял каменный «Рокфеллер-центр», выстроенный отцом губернатора Джоном.

Фараоны Египта строили пирамиды. Они делали это, потому что хотели навеки оставить след на земле, жить и после смерти. Фараоны XX века, построившие в центре Нью-Йорка город небоскребов, отрицают, что идут по следам египетских фараонов. И аргументы их воистину вески: пирамиды-де предназначались для мертвых, а, мол, «Рокфеллер-центр» — для живых.

Возле «Чейзманхеттен-бэнк» на пьедестале устроилась глыба полированного гранита. На ней — покрытые позолотой буквы и под «золотыми словами» не менее золотая подпись Джона Рокфеллера. Что же там? Джон Рокфеллер-отец, перечитав то место в Библии, где господь с горы Синай через Моисея возвестил людям свои 10 заповедей, позавидовал всевышнему. Он изрек и запечатлел на камне 10 пунктов своего морального кодекса, которые должны были покорить американцев, а потом, очевидно, и все человечество. Свой кодекс Рокфеллер назвал «Я верую» и распорядился утвердить его в сердце собственной империи:

«Верую, что всякое право налагает ответственность, всякая возможность — обязывает, а каждая собственность рождает чувство долга... Верую, что на земле не дано человечеству полного счастья — одна лишь остановка на пути к иной, прекрасной жизни... Верую, что воздержание обязательно для человека» и так далее.

Свои 10 «верую» Рокфеллер возвестил, конечно, не затем, чтобы их читали прохожие. Он прекрасно понимал, что всякий, кто посетит его «империю», задумается, почему маленькие Рокфеллеры уже с пеленок миллионеры, а прочие получают горькую нужду в настоящем и безнадежность в будущем.

Обман в США имеет поистине вселенский масштаб, и его невозможно скрыть за ширмой улыбок и респектабельных витрин. Когда, скажем, на рождество среди моря огней, веселья, улыбок появляются сотни дедов-морозов и начинают собирать пожертвования, выясняется, что это для миллионов неимущих, сирот, безработных, страждущих и обремененных.

Люди создавали богов по собственному образу и подобию. Боги разнолики, многообразны, а суть их одна и та же. В Кувейте я слышал, как муэдзин призывал совершить молитву единому всемогущему Аллаху. Но совсем к другому призывали с амвонов католические падре Боливии и Мексики или буддистские монахи Таиланда, излагавшие мудрость их властителя. Нередко прихожане и понятия не имеют о том, кто их духовный пастырь. Некий епископ Бризгис, проживающий в Америке, выступает с мирными проповедями. Но если бы его нынешняя паства знала, что во времена фашистской оккупации этот ксендз помогал проводить в Литве геноцид! Сутана не мешала палачу расправляться с мирными жителями. Даже газета «Нью-Йорк таймс» не так давно признала, что епископ включен в списки военных преступников. Однако есть еще, к сожалению, силы, мешающие призвать палачей к ответу. Скажем, римско-католическая курия, Ватикан оставляют епископа в тени. Радио Ватикана не передает правды для своих слушателей, хотя чернит атеизм и свободомыслие направо и налево.

Может быть, это касается только Бризгиса? Ватиканские вещатели нашли немало теплых слов о ксендзе Игнатавичусе, скрывавшемся в Бразилии. Он выступал перед латиноамериканцами с проповедями, разумеется, ничего не рассказывая о тех временах, когда совмещал функции гитлеровского капеллана с акциями предателя. Несколько лет назад мир потрясло злодеяние воздушных пиратов Бразинскасов. Турецкие власти переправили их в Рим, к святым отцам и духовникам, откуда Бразинскасы переехали к католикам Венесуэлы, где находились ровно столько времени, сколько потребовалось для подготовки их приезда в США. Ныне эти бандиты среди прихожан костелов, «пострадавших от коммунистического режима».

Когда представителям различных религиозных конфессий приходится выступать против безверия, церковники всегда находят между собой общий язык. Но ход истории изменить нельзя. Неуклонно растет число священников, которые, еще не порвав традиционных связей, видят дальше, присоединяются к общему движению человечества к прогрессу. Сегодня все больше и больше число верующих, которые хотя еще и стоят на прежних позициях, но уже чувствуют принципиальные, разительные перемены действительности. Жизнь постепенно учит их мыслить, бороться, переделывать окружающую действительность.

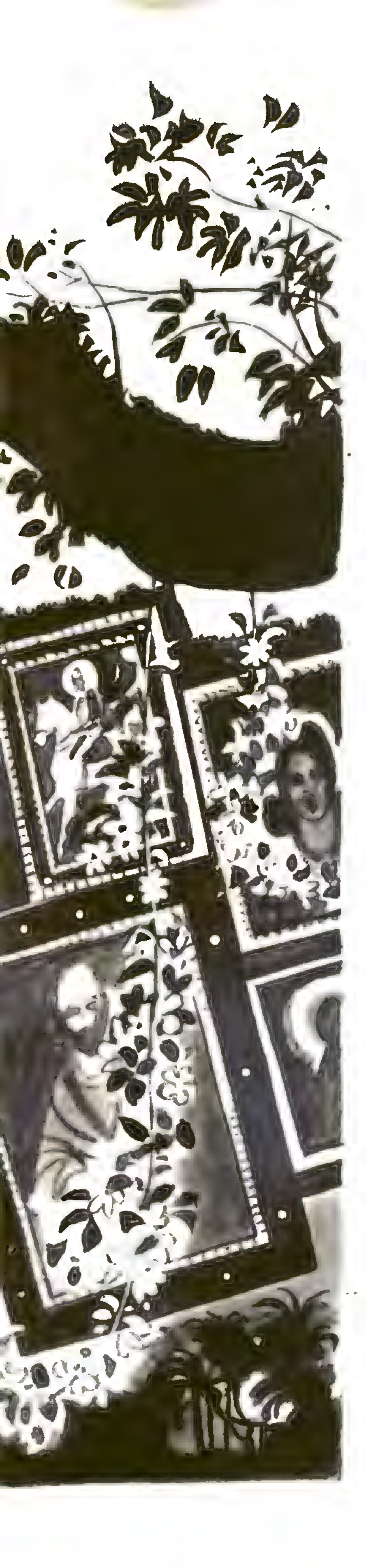

ПАРИНАМАН

Повесть печатается с сокращениями.

Рисунок Р. Авотина.

Дверь, распахнутая

настежь

Паринаман (род. в 1947 г.) — псевдоним молодого тамильского прозаика и поэта М. Кришнана. Выходец из крестьянской семьи, он долгое время работал каменщиком. В 1974 году вышел в свет первый сборник стихотворений Паринамана, получивший положительный отклик среди критиков и читателей. В настоящее время Паринаман редактирует литературный журнал «Маханади» в Мадуре. Повесть «Дверь, распахнутая настежь...» («Тирандэ ирукки-рады») — первая прозаическая работа писателя. Она была опубликована в 1979 году журналом «Калпана», издающимся в Мадрасе. На русский язык Паринаман переводится впервые.

1

В белого агнца душа превратилась чистая,
С неба к земле устремляется. Тучи, планеты
Полету ее не помеха.
Небо распахнуто если, —
Солнца лучи долетают.
Почва открыта если, —
То семена прорастают, жизнь принося...
Жемчуг из моря чтобы добыть,
Волны не есть преграда,
Ах, волны не есть преграда.
Душа человека если раскрыта,
То мир распахнут навстречу ему,
О этот божественный гимн в честь души человеческой!..

Именно эта песня вспомнилась отцу Антонию, когда он смотрел в бездонное ночное небо. Перебирая в памяти подробности вечера, проведенного в доме подрядчика Иммануила, он особенно ясно помнил свою игру на фортепьяно. Нежные звуки сами подсказывали слова песни, подхваченной женой подрядчика Марияль:

Пусть клетка распахнута настежь,
Но в небо птице как взмыть! —
Крыло ее сломано, ох сломано!
Как передать тоску этой птицы!..

При этих словах глаза Марияль наполнились слезами. Вспоминая ее затуманенный печалью взгляд, отец Антоний испытывал неизъяснимую грусть...

Сегодня небо казалось особенно бездонным. Жаль, что не каждую ночь так отчетливо различима эта красота мироздания. Отец Антоний мысленно переносился в те далекие годы, когда он босоногим мальчишкой с таким же восхищением наблюдал за ночным небом, лежа на песчаном берегу реки Вайгай. Тогда он был просто беззаботным мальчиком из обычной семьи индийского католика. Сегодня его уважительно называют «падре Антоний». За это время что-то неуловимо изменилось в его душе. Но разве и это огромное небо, которым он так часто выходил любоваться, осталось с тех пор неизменным?

Маргозовое дерево, поднявшееся до уровня площадки, на которой отдыхал отец Антоний, шепталось о чем-то с ветром, словно повторяло строки из Вед[1]. Этот шепот вторгался в размышления отца Антония. Тишина ночи словно придавила дремлющую землю. Он любил эти безмолвные одинокие часы, когда он постепенно погружался в состояние полудремоты и ему казалось, будто он раскачивается на гигантских качелях, от горизонта к горизонту, от детства до преклонных лет. На этих сладостных качелях умирали годы, растворялось настоящее; прошлое и будущее сливались воедино, превращаясь в причудливые лепестки цветов времени.

Так происходило каждый день. И только после того, как он все более пристально всматривался в смутные очертания этих странных лепестков и пытался постичь их суть, веки его смежались и он погружался в забытье.

«Неужели правда, что все живое рождается только благодаря солнцу и луне? И тенраль[2], шуршащий в молодых побегах кокосовой пальмы и соединяющийся с цветами, — разве не несет он страстные желания всему живому? — мысли отца Антония уносились все выше и выше. — И что утоляет страсть молчаливых растений? Уж не для этого ли создан дождь, низвергающийся из раскалывающегося неба? И воды этих небес превращаются в океан, смывающий скверну с людей. И не смотрит ли с иронией звездный мир на смешные и нелепые деяния разумных созданий Земли? Неужели день и ночь — это две половинки целого: труда и радостей вдохновения?.. А бог — есть ли он вершина того, на что способно человеческое воображечие? Или же сам человек — суть благостного деяния творца? Тогда почему появились кресты, распятия, казни? И почему отрекся от жены и близких Будда и погрузился в созерцание, усевшись под пипаловым деревом[3]? Можно бросить вызов оковам и смерти, но можно ли противиться провидению? Почему так трепещет человеческое существо, глядя в очи смерти? Ведь жизнь неуничтожима! Семена, смешиваясь с земным прахом, снова превращаются в цветущее дерево. Об этом сказано и в Библии.

Испокон веков катится колесница Калана[4], сопровождаемая человеческими стенаниями. Неужели смерть — это всего лишь плач и слезы? Но ведь умирают все, даже сиддхи — аскеты, обладающие сверхъестественной силой. Именно они почему-то первыми закрывают глаза на людские страдания... И счастливы ли аскетствующие пророки, отринувшие мирскую жизнь?..»

«Что это у меня за мысли такие, — вздохнул отец Антоний. — Нелепо в мои тридцать два года рассуждать так. Лучше посмотрю на небо. О, да там, видимо, фейерверк. Похоже, что карнавал в городе набирает силу. Интересно, что думают жители из окрестных деревень, глядя на вспыхивающие в небе огни? Небось, считают, что это божье знамение. А фейерверк — всего лишь дело рук человеческих. Хорошо еще, что благочинный не зрит этого, иначе не преминул бы устроить грандиозный разнос богохульникам, оскверняющим небеса. Как он неистовствовал, когда узнал, что запустили новый космический корабль! В своей проповеди он объявил, что вторжение в божественный космос есть свидетельство падения нравов и праведности в мире. «Мир катится в преисподнюю, наполненную водой, он падает в геенну огненную!» — кричал он тогда». Вспоминая, какой благоговейный трепет среди верующих

---

[1] Веды — древнейшие памятники индийской литературы.
[2] Тенраль — мягкий южный ветерок, приносящий прохладу.
[3] Фиговое дерево.
[4] Калан, или Яма — бог смерти в индуистском пантеоне.

вызвали эти слова, отец Антоний улыбнулся.

Внизу, под ногами у отца Антония, слышались возгласы и шум толпы, крики рикш, угадывалось торопливое течение людской массы. Должно быть, скоро начнется новый сеанс кино.

Стало прохладно. Отец Антоний остановил взор на двух ярких звездочках. Несколько поодаль сияла третья. «Это я, брат Виктор и наш отец», — подумал отец Антоний, снова вспомнив свое детство. Третья звездочка вдруг сорвалась и, прочертив яркий след в небе, погасла. «Не так ли погиб и наш Виктор? — печально подумал отец Антоний. — Но что это? Вот потухла и вторая звезда, исчезла, как ушел из жизни наш отец». Теперь в небе горела одинокая звездочка. Таким же одиноким на всем белом свете остался и он, отец Антоний. Придет день — так же сгорит и его звезда. «А вдруг я чудом превращусь в птицу и взмою ввысь, избежав смерти?» — мелькнула у него мысль.

Отец Антоний помнит, как его отец, служивший до независимости Индии в армии, перешел в католичество и уговорил свою жену поменять имя. Дедушка Антония перед смертью сказал своему сыну: «Наряанасвами, мы — выходцы из доброго и уважаемого индуистского рода. И ничего нет плохого в том, что мы, по обычаю, сжигаем тела усопших. Ты же перешел в другую веру, последователи которой бросают умерших прямо в сырую землю и зарывают их. Уйдя к христианам, ты ушел от нас!» — с горечью воскликнул старик. Он умер, отринув от себя сына. Вскоре умерла и мать Антония, оставив на попечении мужа второго сына — Виктора, которого взяла к себе тетка из Гируччи. «Какие причудливые узоры образуют звезды, — подумал отец Антоний. — Вон то созвездие точь-в-точь похоже на карту Индии... Помнится, Камала тоже любила рисовать всякие узоры на речном песке».

Воспоминания снова унесли его в прошлое. Отец Антоний ясно помнит день, когда он построил из влажного песка гопуру — храмовую башню с воротами и четырьмя дорогами возле нее. Помнится, Камала шутя разрушила всю эту красоту. Но это было давно. С тех пор Камала совершенно преобразилась. «Что же с ней теперь? И где она?» — вздохнул отец Антоний.

В течение последних семи-восьми лет в его душе одна за другой как бы обрывались музыкальные струны, терялись связи с реальной жизнью. Он приписывал это возрасту...

Занятый своими мыслями, отец Антоний не заметил, как небо заволокло тучами. Где-то поблизости уже шумел дождь. Молния озарила четыре надвратные башни храма. Решив, что пора вернуться в комнату, он зажег сигарету, мысленно все еще находясь в детстве и юности. В чем загадка того, что вот уже шесть месяцев все чаще и настойчивее всплывает на экране его памяти образ Камалы? «Мне не следовало приезжать работать в этот храм в Мадуре, тогда бы я не встретил подружку Камалы Джулию, приехавшую учительствовать в наш приход. Да, — вздохнул он, — эти беспокойные мысли о Камале — следствие встречи с Джулией».

Но только ли эта встреча повинна в том, что тщательно похороненные на дне души воспоминания о любимой девушке вдруг ожили? «В этом или в следующем рождении, но мне суждено было пережить любовь к Камале, так же как предстояло стать католическим священником. У меня нет сил навсегда избавиться от воспоминаний о ней», — сделал вывод отец Антоний. Он разговаривал с Джулией, а самому чудилось, будто рядом стоит Камала. «Надо отринуть греховные мысли, — решил он. — Пойду на исповедь... Но ведь я сам священник! — спохватился он. — Что это я, право...»

«Интересно, знает ли она что-нибудь о судьбе Камалы? — думал отец Антоний, вспоминая разговор с Джулией. — Восемь лет прошло с того памятного дня, когда мы расстались с Камалой. Все ушло. Боже, ушло, как утекли воды Вайгай! Она ушла тогда; возможно, умерла. Будь она жива, разве не подала бы о себе весточку?.. Могу ли я так прямо спросить Джулию о Камале? Надо сделать это в следующий раз. Впрочем, нет. К чему? Что подумает Джулия? Небось вообразит бог знает что, мол, рехнулся падре, впал в тоску изза любви, извелся без Камалы. Лучше всего перейти в другой приход. Но в какой? И что толку в этом? Куда денешься от воспоминаний, боль от которых притаилась где-то в уголке сердца? А как хотелось бы уйти куда-то, спрятаться и от Джулии, и от реки Вайгай — от этих свидетелей далеких дней и событий!..»

Рассвело. Отец Антоний, который в эту ночь так и не сомкнул глаз, поднялся, отгоняя от себя воспоминания о Камале. С трудом заставив свои мысли обратиться к всевышнему, он стал готовиться к заутрене.

2

После вечерней трапезы отец Антоний решил прогуляться.

— Пройдусь немного до реки, — вместо приветствия сказал он поднявшемуся навстречу садовому сторожу.

Отец Антоний любил наблюдать за рекой, видеть бурное половодье. В такие дни казалось, будто сердце наполняется новой жизнью. Во время дождя струи реки переливались желто-красными цветами. В предзакатных лучах солнца волны становились пепельными, вбирая в себя все краски земли.

Нынче ему не хотелось купаться. Неделю назад он с азартом плавал, заплывая далеко от берега, потом в задумчивости сидел с видом молодого пророка, устремив вдаль свой взор. Сколько раз сидел он так, любуясь вечно меняющейся картиной бегущей реки, живо напоминавшей беспокойную змею, шуршащую в песчаных берегах. Невдалеке прачки полоскали белье, с визгом плескались в воде мальчишки. В трех милях отсюда виднелся переброшенный через реку мост, дальше — еще один. Часами мог наблюдать отец Антоний бурливую на берегах реки жизнь. «Увы, Камала не придет сюда более!» — вздохнул он, с неохотой возвращаясь в храм к вечерней молитве. От каменной лестницы, сбегавшей к реке, тянулись длинные ряды лавчонок, торговавших маслом, мыльным орехом и прочей мелочью.

Обширный сад, обнесенный живой изгородью, окружал церковь. На его территории, кроме отца Антония, жил садовник с семьей и повар. В северной части сада располагалась школа. Отец Антоний привык к этому тихому саду с колодцами, к своей церкви, к цветам и всему спокойному окружению.

— Сын мой! — услышал отец Антоний голос падре.

— Да, — откликнулся он.

— Ты опоздал к вечерне, сын мой, — укоризненно произнес тот.

Отец Антоний молчал. Как признаться старому падре в том, что вот уже целую неделю он постоянно думает о Камале? Вот и сегодня мысли о ней помешали вовремя вернуться...

3

Уже несколько дней кряду у отца Антония было много работы, поэтому он укладывался спать далеко за полночь. Вот и сегодня он закончил дела довольно поздно. И все же его особенно сильно тянуло пройтись по берегу Вайгай. Словно приветствуя его появление на берегу, из-за тучи выглянула яркая луна.

Вот и тогда, вспомнил он, юноша Антоний так же устроился на песке. Это был месяц читтирей[5]. Непонятная радость переполнила тогда сердце Антония. Из его деревни доносилась музыка, слышались веселые голоса молодежи, веселой и шумной. Антоний присоединился к ватаге юношей. Они ходили от дома к дому, поздравляя соседей, веселили их шуткой и песней, получая взамен гостинцы.

Антоний в то время закончил среднюю школу в Мадуре. Деревенские парни уважали его. Антоний уже хорошо сознавал всю глубину вспыхнувшего к Камале чувства и теперь часто задумывался о своем будущем, увязывая свои мечты с любимой девушкой. Камала тоже заканчивала женскую среднюю школу. Они вместе добирались автобусом в город. Сидя рядышком, они вели нескончаемый разговор на языке жестов, взглядов, улыбок, понятном только им. Проходя мимо дома любимой, Антоний замечал, с какой нежной улыбкой смотрела ему вслед бабушка Камалы...

Случилось как-то так, что Камала почему-то несколько дней не приходила к автобусу. Антоний искренне удивлялся. В надежде кое-что выяснить он пошел к ее дому. У ворот стоял автомобиль. Входить в дом Антоний не решался. Он заметил на веранде нескольких девушек. Они жевали бетель и вели оживленный разговор. Парвати, тетя Камалы, которая была немного старше своей племянницы, сушила волосы. Выглянувшая из глубины дома бабушка заметила Антония, топтавшегося у ворот.

— Антоний, заходи, не стесняйся! — пригласила она.

— Да я так... Узнать, почему Камала не ходит в школу, — замялся он.

— Какая там школа! — крикнула старуха. — Она уже, поди, в жены готовится. Так что едва ли ты ее там увидишь. Ну, может, деньков этак через десять и заглянет. — Старуха выплюнула бетелевую жвачку.

Антоний колебался. Где же Камала? Наверняка в дальней комнате сидит и, конечно, слышит, о чем переговариваются бабушка с Антонием.

— Так ты зайдешь? — нетерпеливо спросила старуха.

---

[5] Читтирей — тамильский месяц (апрель), когда в Тамилнаде отмечают приход весны и нового года.

— Нет, бабушка, спасибо. Мне пора, — торопливо ответил Антоний и, не ожидая ответа, поспешно ушел. Потом еще несколько раз видел он тот же автомобиль у ворот дома Камалы. «Наверное, хозяин этой машины зачастил к Парвати», — успокаивал себя Антоний. Он слышал, что муж Парвати где-то в тюрьме. Смысл того, что болтали деревенские сплетницы о Парвати, постепенно стал доходить до сознания Антония.

«Парвати, конечно, привлекательная женщина. А этот, который издалека ездит к ней, ни дать ни взять обезьяна. Подумаешь, я тоже могу обзавестись мотоциклом. Стоит только захотеть», — такие слова решил сказать Антоний при очередной встрече с Камалой.

Но, когда они встретились, разговор пошел в ином направлении.

— Кто этот человек, который ездит к вам? — спросил он Камалу.

— Это наш двоюродный брат. А что?

— Просто спросил...

— А почему ты перестал заходить к нам?

— Потому что твоя бабушка перестала приглашать меня с такой охотой, как раньше.

— Разве? Но почему?

— Откуда мне знать?

— Это не так, Антоний. Вон Сому, Сундарам, Рави и другие ребята заходят, как обычно. Бабушка с ними играет в карты. Тетка угощает их кофе. В отличие от тебя, они не стесняются. Какой-то ты нерешительный, право...

Антоний не нашел, что возразить.

— Вот и вчера, — продолжала Камала, — мы все в кино собрались. Я так ждала тебя. Наверное, ты не любишь кино, а?

— Почему же... Но я хотел бы вдвоем с тобой.

— Знаешь, — потупилась Камала, — бабушка не велит вдвоем... Ведь я теперь... взрослой стала.

— Я в этом году в колледж хочу поступить, — перевел разговор Антоний.

— И я. Только в будущем году.

— Камала... скажи мне... Скажи, кто тебе больше всех нравится?

— Только ты.

— И ты мне... больше всех нравишься.

— И всегда-всегда так будет?

— Да, Камала...

— И ты мне будешь дороже всех. И всегда. Ну, я пойду, Антоний, — заторопилась она... Миг — и исчезло ее синее сари с цветочками, похожими на звездочки...

Так и не удалось ему в том году сдать вступительные экзамены. Бранился отец, усматривая причину неудач сына в дурном влиянии семейки Камалы, попрекая Антония его любовью к Камале, ставил ему в пример брата Виктора, который, мол, хорошо учился, пошел служить в армию, хорошо зарабатывает. Вскоре отец энергично принялся за поиски подходящей работы для Антония. Отец считал, что и так уже поиздержался на школьное обучение сына. Искал себе занятие и Антоний. Шесть месяцев, впустую потраченных им на поиски работы, здорово подорвали его уверенность в себе. Он был прямо-таки в отчаянии. И Антоний начал склоняться к мысли, что любовь Камалы в создавшихся условиях для него просто непосильная ноша. Уже много недель подряд он избегал встречи с любимой. Да и бабушка уже целых шесть месяцев не отпускала Камалу в храм по воскресеньям. Старуха добилась-таки своего — девушка отказалась от дальнейшей учебы. Антоний чувствовал, какой горькой тюрьмой становится для Камалы ее собственный дом. Мучаясь от сознания своей беспомощности, он отчаянно страдал.

Однажды он не выдержал. Стремясь во что бы то ни стало увидеть Камалу, он направился к ее дому. Вдруг рядом с ним затрещал мотоцикл.

— Эй, Антоний! — весело крикнул Сому. — Я еду в дом Камалы. Садись, подброшу!

— Спасибо, — по-английски ответил Антоний, — да только я не туда. У меня дела.

— Да садись же, чудак! — настаивал Сому.

Антоний разозлился.

— Слушай, парень, — сквозь зубы выдохнул он, — я тебе, по-моему, ясно сказал.

— Что-то ты, похоже, поостыл к своей милашке, — насмешливо съязвил Сому.

Мотоцикл рванул с места, обдав Антония синим дымом, так что он вынужден был проглотить не только обиду. Антоний изменил свои первоначальные намерения, и ноги сами понесли его к месту их обычных встреч с Камалой. В роще он уселся под деревом и задумался.

Антоний и Камала обычно встречались в этой роще. С тех пор, когда они обнаружили, что любят друг друга, молодые саженцы кокосовых пальм превратились в огромные плодоносящие деревья. Камала и Антоний знали здесь каждое дерево...

Удары в колокол оторвали отца Антония от воспоминаний. «Да, я сам себя обманывал тогда», — подумал он, глядя на лунные блики, отраженные водой. Навязчивые картины прошлого неотступно стояли перед ним. В памяти всплыла тогдашняя встреча с Камалой после продолжительной разлуки...

Камала появилась в роще внезапно, словно богиня, спустившаяся с небес.

— Камала! — рванулся он навстречу ей.

— Антоний! — одними губами произнесла она. Грусть и тревога были в ее глазах, хотя она счастливо улыбалась Антонию. Ему показалось, будто она в чем-то неуловимо изменилась.

— Антоний, завтра мой день рождения. Бабушка согласна, чтобы ты пришел.

— Ну и что?

— Ты должен прийти.

— Я, право, не знаю...

— Что «не знаю», Антоний? Без тебя какой у меня праздник?..

И Антоний все же пошел. У ворот ее дома стоял мотоцикл Сому и какой-то автомобиль черного цвета. Сейчас в доме было полно юношей и девушек. Бабушка носилась среди гостей, раздавая угощенье. Грустное личико Камалы расцвело, когда она увидела Антония. Но ее бабушка тут же помрачнела...

Вечер закончился, гости стали расходиться. Парвати уехала с владельцем черного лимузина. Разряженный Сому не спешил уйти. Усевшись на веранде, он играл в карты.

Антоний чувствовал себя неловко и уже собирался уйти, как вдруг услышал голос бабушки.

— Не пойму, зачем тебе нужно было звать этого глупого парня? Поверь, я тебе желаю добра. Почему ты отказалась принять цепочку от Сому? А дружба с этим христианином Антонием до хорошего тебя не доведет. Забудь его, Камала...

Дальше Антоний слушать не стал. Не попрощавшись, он быстро ушел, сопровождаемый казавшимся ему оскорбительным смехом Сому.

4

Отец Антоний ожидал приезда подрядчика Иммануила. До условленного часа еще оставалось время, и он решил выпить чаю и выкурить сигарету. Правда, свое пристрастие к табаку падре тщательно скрывал от окружающих. Он прекрасно знал, что многие священники не только предавались тайному курению, но и попивали крепкие напитки. Алкоголь отец Антоний не любил. Он знал, сколь неприятен бывает пьяный человек в том состоянии забытья, когда совершенно не понимает смысла обращенных к нему слов.

Отец Антоний направился в столовую искать повара, но тот сам попался ему навстречу. Увидев падре с сигаретой в руке, Джепомани невольно усмехнулся.

— Чай есть? — спросил отец Антоний.

— Сейчас поставлю, падре.

— Впрочем, не надо. Попозже, — решил отец Антоний, направляясь в свою комнату. «С чего бы ему ухмыляться? — подумал он о поваре. — Видимо, смешно видеть курящего священника. Ну и пусть знает! Максимум, что он сможет, — это хвастать среди своих увиденным и сплетничать обо мне. Пусть!.. Куда же запропастился Иммануил?»

В ожидании подрядчика он решил полистать начатый вчера роман. Открыв последнюю страницу, он прочитал: «Старик, глядя на юношу, твердил: «Будь терпелив и жди!» «А я-то чего жду от жизни?» — невольно подумал отец Антоний. Стараясь отогнать мысли о Камале, он попытался сосредоточиться на предстоящем визите Иммануила.

Этот подрядчик без диплома инженера ловко подвизался в сфере строительства. За двадцать лет сумел сколотить кругленькую сумму и стать видным дельцом в Мадуре. Недавно он взял выгодный подряд у церкви. Еще бы — сам епископ водил дружбу с подрядчиком. Чем больше размышлял отец Антоний об Иммануиле, тем очевидней для него была связь между этим дельцом и епископом. Отец Антоний часто думал о своей церкви, об администрации приходской школы, о текущих заботах храма. Постепенно многое открывалось ему. Да, плохое и хорошее очень часто соседствуют, живут рядом. «Похоже, что и в раю, и в аду — если таковые в самом деле существуют — есть хорошие и дрянные люди. Да и наш храм божий не есть исключение», — к такому выводу давно пришел отец Антоний. Хотя он и недолюбливал нечистого на руку Иммануила, но вида не показывал. «Не приличествует моему сану питать к кому-либо неприязнь, — считал он. — Но ведь никто не станет отрицать того, что в среде священников живут зависть, не-

нависть и вражда. Что порождает эти чувства? Деньги. Тысячи тысяч рупий, которые стекаются в храм божий от прихожан. Не будь этих денег, откуда у священников возьмутся изрядные средства, автомобили, особняки?..»

Отец Антоний частенько гнал от себя эти греховные мысли, но они вновь возвращались, смущали его душу, тревожили. Как положить конец тому, что рождается в человеке помимо его воли и желания? Мысли человеческие подобны морским птицам. Они рвутся на простор, стремятся набрать высоту. Вот, к примеру, как не поразмышлять над таким фактом: церковь оставила себе под службу самую малую часть храма. Остальное же, включая три огромных здания, построенных в виде буквы «П», отдала в аренду торговцам. В этих зданиях разместились выставочные павильоны по продаже радиотоваров, музыкальных инструментов, медикаментов, швейных изделий, светильников. Со всех сторон осадили храм божий торговцы. Но церковь довольна — в ее казну текут и текут денежки, взымаемые в виде арендной платы. На втором этаже храмовых пристроек расположились бизнесмены, дельцы, кинопромышленники. Теперь церковный совет подумывает о том, чтобы весь третий этаж храмовых пристроек превратить в отель, что сулит огромную выгоду. Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в рай, вспомнил отец Антоний библейские слова. «Но ведь и католическая церковь, не колеблясь, хватает — да что там хватает? — грабит! Да, грабит прихожан и нисколько не гнушается этим... И какова моя роль во всей этой нечистой игре?.. Господи! — спохватился он. — Что за греховные мысли!»

Отец Антоний тяжело вздохнул. «Да, — подумалось ему, — не зря людская молва говорит, что этот проходимец Иммануил сумел нагреть руки на сооружении храмовых пристроек, построил и себе роскошные апартаменты. Вовсе не случайно ему удалось прикарманить часть церковных средств, собранных с прихожан, — ведь он был в тесной дружбе с бывшим церковным казначеем, близко сошелся с самим епископом. Говорят, что руки и уста следует держать чистыми и неоскверненными, — продолжал размышлять отец Антоний. — Но разве могут быть чистыми руки у людей типа Иммануила? Ну, а как обстоит дело с другими церквами, национальными дорогами, железнодорожными магистралями, мостами, возводимыми по всей стране? Неужели грабят и там? Но ведь существуют суды! Каков скрытый механизм этого повального грабежа? Предположим, государство отдает подряд на строительство плотины. Подрядчик приступает к делу. Вместо цемента он пускает в ход пепел, вместо проволочной арматуры он велит ставить деревянные прутики, а украденные строительные материалы присваивает, превращая их в деньги. Бывает, что подрядчики попадаются с поличным. Тогда за дело берется суд. Но проходимцы подрядчики умеют подкупить нужных людей, и тогда дело для них заканчивается благополучно. Так было и с церковными пристройками. Прикрываясь именем Христа, здесь многие греют руки на чужом добре, дают взятки и готовы на всевозможные сделки». Отец Антоний знал все это и ясно сознавал свою беспомощность перед фактами бесстыдного обмана и грабежа...

Время шло, но Иммануила все еще не было. Отец Антоний открыл окно. Во дворе храма было пустынно. Только чесоточная собака бесцельно слонялась у ворот. Отец Антоний усмехнулся, вспомнив, как однажды работница Ойяммаль в ярости швырнула камнем в это несчастное животное.

— За что ты ее так? — укоризненно спросил тогда отец Антоний. — Ведь ей же больно.

— Свами[6], этот шелудивый пес утащил у меня целую тарелку риса, — плаксивым голосом стала оправдываться Ойяммаль.

«А кто не таскает и не ворует в этом грешном мире?» — горько подумал отец Антоний, отворачиваясь. Он вспомнил недавнее прошлое, когда возводились эти церковные пристройки.

Муж Ойяммаль работал у этого негодника Иммануила на укладке бетона. Длинная вереница рабочих непрерывно таскала по шатким лесам раствор и кирпичи. Тогда-то и сорвался с лесов муж Ойяммаль и разбился насмерть. Никто не ответил за смерть этого человека. С тех пор Ойяммаль так и осталась с детьми при храме, выполняя всякие мелкие поручения. Дочь ее Тангам была уже взрослой девушкой без определенных занятий. Отец Антоний все собирался растолковать Ойяммаль, что негоже оставлять взрослую девицу без дела...

Его размышления прервал треск влетевшего во двор мотоцикла, на котором сидел помощник Иммануила.

— Падре! Госпожа Марияль скончалась! — крикнул он, не заглушая мотора.

— Как?! — поразился отец Антоний. — Несчастный случай?

— Я толком не знаю, отец... Я был в это время в Янэймалее...

— А где она? Дома? В госпитале?

— Дома, отец.

— Всего четыре дня тому назад была жива и здорова...

— Настоятеля нет? — спросил помощник.

— Куда-то уехал. Ты езжай извести других, а я после вечерни сразу прибуду.

Помощник укатил. «Это самоубийство, — решил отец Антоний. — Она покончила с собой из-за гнусных дел Иммануила, не иначе. Только собрался ехать к ним на новоселье — и вдруг такое...»

Отец Антоний направился к алтарю пречистой девы Марии. Печальный колокольный звон раздался в воздухе...

5

«Успеет ли младший брат покойницы на похороны?» — думал в автобусе отец Антоний, направляясь в дом Иммануила после вечерней молитвы. Он живо представил себе, что творится сейчас в его доме. Церковный казначей, видимо, уже во всю хлопочет, отдавая распоряжения. Иммануил изображает скорбящего мужа. Различная мелкота и акулы бизнеса толпятся рядом, выражая соболезнования.

Что же привело к смерти несчастную? За короткое время, проведенное отцом Антонием в мадурском храме, он успел понять, какой прекрасной христианкой была Марияль. Ей было около сорока пяти лет. Говорят, что она едва не помешалась, когда узнала о смерти своей единственной дочери Пушпы, 24-летней студентки медицинского колледжа, погибшей под колесами грузовика. За короткое время Марияль сдружилась с отцом Антонием. Он очень скоро сумел разгадать чистую душу в этой женщине и понять, сколь обостренно воспринимает она жизнь. Музыка еще больше сблизила их. Марияль души не чаяла в музыке и сама прекрасно играла. «Да, святая душа была, — вздохнул отец Антоний. — Она любила людей и искренне жалела их...»

— «Дом судьи!» — объявил кондуктор остановку. Посланный Иммануилом человек встретил отца Антония и повел его к новому дому подрядчика. У подъезда стояло множество автомобилей.

Собравшиеся поднялись навстречу отцу Антонию. Скорбная тишина повисла в огромном особняке...

6

Отец Антоний хотел остаться наедине со своими мыслями, все хорошенько обдумать. В двадцатый раз он перечитывал со слезами на глазах письмо Марияль, полученное на следующий день после ее смерти. Он снова развернул листочки.

«Милостивому падре Антонию. Отец! Пишет вам Марияль. Не скрою, я нахожусь в состоянии душевной депрессии. Возможно, вы придете на мои похороны, падре, а может, и откажетесь. Как бы там ни было, но я твердо решила уйти из жизни.

Жизнь, возникновение ее, — есть следствие соединения пяти элементов[7]. Вы как-то сказали мне слова одного святого: смерть — это распад этих элементов. Такой распад ускорил теперь мой муж.

Помните, после смерти Лазаря его оплакивали четыре дня... И тогда явился Иисус и сказал: Лазарь, воскресни! И Лазарь восстал, словно ото сна. Говорят, жизнь снова может возродиться в умершем — от слов святых людей. Лишенные святости люди сеют смерть своими словами. Отец, я очень прошу вас: если вы придете к гробу с моим телом или на вырытую могилу, не произносите слов: «Марияль, воскресни!» Потому что у меня нет сил видеть лицо моего мужа...

---

[6] Свами — обращение к старшим по положению.
[7] Согласно индуистской философии, существует пять основных элементов природы — земля, вода, огонь, воздух и эфир.

Двадцать с лишним лет тому назад я полюбила Иммануила и вышла за него замуж. В ту пору он был добрым, благочестивым христианином. Позже судьба свела его с инженером Джоном. Мой муж был вначале простым десятником, но постепенно сумел заполучить очень выгодные контракты, его прибыли росли. Сначала мы снимали жилище, потом купили квартиру, а через несколько дней после рождения Пушпы переехали в свое бунгало. Муж мой пошел по дорожке, которой идут многие внезапно разбогатевшие люди.

Огромная пропасть пролегла между тогдашним Иммануилом и теперешним. Человек, которого я так любила, оказался совершенно иным. Моя незабвенная Пушпа стала тем единственным связующим звеном, которое прочно удерживало нашу семью. Но после ее смерти между ним и мною разверзлась пропасть.

Мы приютили у себя в доме одну бедную девушку, соученицу Пушпы. Я знала ее незавидное положение, жалела ее и считала за родную дочь. После смерти Пушпы эта девушка стала мне еще дороже. Я даже подумывала о том, чтобы выдать ее замуж за своего брата. Но мой муж к многочисленным своим злодействам добавил еще одно — он испоганил эту невинную девушку. Когда следствие этой связи стало трудно скрывать, он отвез несчастную куда-то и бросил одну в беспомощном положении...

Теперь мы переехали в новый дом, поражающий роскошью всех горожан. Я думаю, Иммануил и вас пригласит на новоселье...

Падре, у меня подломились крылья, и я ухожу из жизни. Я знаю, что чужие мне люди равнодушно положат меня в холодный гроб, засыплют землей. Пусть. Я устала, падре, я изнемогла душою. Помните?

Пусть клетка распахнута настежь,
Но в небо птице как взмыть? —
Крыло ее сломано, ох сломано!
Как передать тоску этой птицы?..

Я намерена улететь в небо на крыльях смерти. Я сообщаю вам это мое последнее желание, чтобы вы передали его всевышнему.

Благословите меня!

Мариялъ».

Это письмо уже неделю бередило душу отца Антония, снова вызывало мучительные раздумья, которые он тщательно скрывал до сих пор. «Ей не следовало уходить из жизни, — со слезами на глазах шептал он. — Ведь она могла отказаться от совместной жизни со своим мужем, уйти от него. В крайнем случае могла посоветоваться со мной, с казначеем, с настоятелем. Впрочем, если ей не могли помочь горячие молитвы, обращенные к творцу, то едва ли мы смогли бы как-то облегчить ее страдания. Ну, пригрозили бы мы Иммануилу, что он не попадет в рай божий, ну и что?.. Деньги оказываются сильнее молитвы. Разве не деньги мужа свели в могилу Марияль?..»

Чтобы немного успокоиться, отец Антоний решил почитать. Его взгляд остановился на «Отце Сергии» Льва Толстого. Да, подумал отец Антоний, русский отец Сергий имел возможность получить высокий пост, чины. Он страстно полюбил одну женщину. Но когда она открылась ему и призналась, что была любовницей царя, он отринул блудницу, отказался от прекрасного будущего, чинов и карьеры и стал монахом, взяв себе имя Сергий. Спасаясь от соблазнов мира, он стал жить в уединенной обители затворником. Случилось так, что ночью в его обитель постучалась одна дама с целью соблазнить монаха. Чтобы устоять, отец Сергий отрубил себе палец руки.

Антоний снова впился глазами в страницы повести Толстого. Смятение и страх вносило в его душу поведение отца Сергия. Дальше читать отец Антоний был не в силах... Что, если и он, Антоний, поступит так, как русский монах Сергий? Должно быть, это мучительно больно... Отец Антоний отложил книгу.

«Что вынудило отца Сергия стать монахом? — думал он. — Сокрушительное поражение в любви? А что меня вынудило стать католическим священником? Разве не такое же стремление спрятаться, скрыться от сжигающей меня любви? Но в отличие от судьбы отца Сергия, в случае со мной есть нечто другое. И я это отлично сознаю — я, кроме всего прочего, еще и струсил перед любовью, я испугался и бежал от своего счастья и укрылся в стенах церкви. Я разменял свою любовь, это великое благо человеческое, и вот это-то меня больше всего мучает. Да, это так. Но разве я единственный такой? А другие священники? А сам епископ? Господи, да ведь они тоже без оглядки спешили спрятаться от самого естественного, что присуще человеку, что дано ему от природы, — они укрываются от Любви! Это невероятно! Отец Сергий был потрясен, узнав, что его любимая делила ложе с царем. Но ведь моя любимая, чистая и невинная Камала, сама говорила мне: «Я ваша, Антоний. Любите меня и будьте моей опорой в жизни!» А я? Я испугался. Я трус, жалкий трус. Разве я откликнулся на ее любовь? Разве я смело протянул ей свою руку?»

Особо отчетливо запомнилась ему последняя встреча с Камалой. Они сидели на берегу реки, слушая шум ветра, запутавшегося в листве пальмовых деревьев. Это были мгновения, когда их любовь достигла своего апогея. Камала понимала, что сердце Антония переполняется половодьем чувств, как река Вайгай перед разливом...

— Камала, ты так внезапно приняла свое решение, — говорил он тогда, чувствуя, как от волнения струйки пота побежали по телу.

— Антоний, это не мое, а наше решение. Разве не так? Разве наша любовь не принадлежит нам двоим? — возразила Камала. — Вы же мужчина, Антоний. Отчего вы так нерешительны?

— По-твоему, достаточно назваться мужчиной — и все образуется?

— Думаю, да.

— Но ты рассуди сама хорошенько, обдумай все как следует, — нервно сказал Антоний. — Кстати, уже светает. Что ты дома скажешь? Лучше всего, если ты скажешь, что заночевала у подружки в Мадуре. Иначе разговоров не оберешься... Ну, а потом, — продолжал он под внимательным взглядом Камалы, — можно сделать так. В Тривандруме у меня есть знакомый католик, он преподает там. Он сможет помочь устроиться. А потом и ты как-нибудь приехала бы...

— Потом?! — вырвалось у Камалы. — А сейчас-то что? Завтра? У меня сил более нет возвращаться в свой дом...

— Но что же делать, Камала?

— Вы должны принять решение как можно быстрее.

— Камала, но для нашего же блага...

— Антоний, вы прекрасно знаете нашу семью... Если я вернусь, то вы меня потеряете навсегда.

— Камала! — с болью в голосе воскликнул он.

— Да, ваша Камала не должна ни минуты находиться в этом гадком доме... Не хочу я принадлежать ни хозяину отеля, ни Сому, слышите?..

— Камала, что ты говоришь!

— Антоний, моя бабушка не дает мне покоя. Она принуждает меня, понимаете? — плач, гнев и отчаяние слышились в голосе Камалы...

Только спустя много лет Антоний смог оценить всю глубину любви Камалы, так ясно высказанную ею в ту ночь... Какие усилия прикладывала она, чтобы защитить свою честь от посягательств заманиваемых бабушкой богатых мужчин!..

Приход Ойяммаль вывел отца Антония из задумчивости. Ойяммаль поставила в угол кувшин со свежей водой.

— Что, Ойяммаль, говорят, ты теперь стала тещей? — обратился он к работнице, дочь которой на днях вышла замуж за повара.

— Да, все так неожиданно произошло, свами, с вашего благословения. Слава богу, устроилось.

— Ну и прекрасно, Ойяммаль. Я тоже рад.

— Да, если есть муж, есть опора, то, сами знаете... — начала философствовать Ойяммаль.

— А у меня душа не на месте. Эта смерть, похороны...

— Ох, свами, и не говорите! Такая

женщина была! И к вам с таким уважением относилась.

— Она была добра ко всем, — вздохнул отец Антоний.

— Правда, падре, правда, — подхватила Ойяммаль. — Теперь я за свою Тангам спокойна... А вы, между прочим, слышали новость?

— Какую же?

— Вы знаете, что еще и месяца не прошло после смерти несчастной Марияль, а подрядчик, говорят, уже собирается жениться снова. И знаете на ком? На той самой девушке, которая...

— Откуда тебе это известно? — воскликнул потрясенный отец Антоний.

— Все только об этом и говорят, падре, — ответила Ойяммаль. — И где то наказание, что падет на голову этого паршивца Иммануила? Свел в могилу жену, а теперь за другую взялся... — сокрушенно продолжала Ойяммаль, выходя из комнаты.

7

Долго не мог прийти в себя от услышанной новости отец Антоний. Прошло некоторое время, прежде чем его мысли перестали путаться. Он опять обратился к истории русского монаха. Да, в свои сорок девять лет он смог устоять перед той женщиной ценою потери пальца. Потом он все более погружался в самоотречение, чем снискал популярность и даже стал исцелять больных. Однажды некий богатый купец привел к нему на исцеление свою юную дочь. И отец Сергий не устоял перед нею и впал в искушение. Потом в смятении тайно бежал из обители, стал бродягой, пока наконец не поселился в глухой деревне, где стал учить бедных детей, лечить больных, в этом обретая душевный покой. Так заканчивается повесть Льва Толстого.

Отец Антоний перевернул последнюю страницу. «Как неподражаемо описывает человеческую жизнь Толстой! Господи, как же он мог так постигать душу человека? Его жизнь? — подумал отец Антоний. — А разве теперь нет в мире священников, которые ведут скрытую, полную противоречий душевную борьбу, мучаются и страдают, как страдал отец Сергий? Несомненно, есть! И разве мало таких священников, которые, устав от этой борьбы, испытав в храмах злобу, поняв лицемерие церкви, обретают вдруг смелость, сбрасывают свои сутаны и навсегда уходят из храмов, монастырей, церквей и обителей? Да, таких случаев множество. Господи, неужели и я один из них?» — отец Антоний вздрогнул. Сердце его бешено колотилось. «В чем же счастье человека? В чем? Оно в том, чтобы просто отринуть все то, что мешает земному счастью человеческому. Да, в этом, — прошептал он. — Как испытать это счастье? Для этого стоит всего лишь суметь уйти из храма божьего, уйти к людям. Именно так поступил русский монах отец Сергий. Он прав, если считал, что счастье, которое он так упорно и мучительно искал, находится за пределами церковной ограды. Он сумел решиться. Не сделай он этого, так и пришлось бы ему закончить свои дни в обители, не вкушая ни сладости любви, ни общения с миром. Горечь, испытанная отцом Сергием в светской жизни, вынудила его уйти в монастырь. Но затем еще большее жизненное страдание, осознанное и пережитое им в святой обители, широко распахнуло перед ним дверь, ведущую в жизнь.

Отнюдь не крайняя набожность и не высшее побуждение вынудили отца Сергия стать монахом. Но когда он покинул свою обитель, это значило, что тщательно заглушаемое им внутреннее вдруг с силой вырвалось и увлекло его в широкий мир. И отец Сергий, сгорая от стыда великого за содеянное, глухими тропами бежал и бежал, ища спасительного убежища...»

Отец Антоний снова и снова сравнивал свою судьбу с судьбой отца Сергия. «Да, возлюбленная отца Сергия была запятнана связью с царем, ее не сравнить с Камалой. И все же я отвернулся от нее, — думал отец Антоний. — Я сам разрушил наше счастье. В ту последнюю встречу Камала прямо сказала об этом: «Антоний, ты трус. Ты бросаешь меня!» Да, все так и было. Где же теперь она, моя Камала?»

Ее последние слова до сих пор острым шипом пронзают сердце отца Антония. «Крест отнял мое счастье, — с тоской подумал он. — Крест пригвоздил мою жизнь, он лишил меня твердости духа, и я надел эту сутану католического священника. Но неужели я такой набожный? — прямо спросил он самого себя и вынужден был так же прямо ответить: — Нет! И разве я единственный из наших священников, у которых пошатнулась вера? Вон сколько их, похожих на одиноких заблудших птиц, ищущих хлебное древо жизни... И потом: какая, в самом деле, нужда в целибате у католических священников? Дети, семья — всего этого лишены священники вследствие аскезы. Мы, священники, принявшие обет безбрачия и отказавшиеся от земной любви, — не более чем неблагодарные дети, отвергшие лучшие материнские чувства, отвергшие саму жизнь!.. Так же неразумно поступают аскеты, которые, отрастив бороды и надев лохмотья, поносят мир, который их кормит. Об этом и «Тируккурал», собрание афоризмов, говорит... Если сутаны католических священников и оранжево-бурые одеяния индуистских священнослужителей служат символом чистоты и физической незапятнанности, то аисты и канарейки тоже должны быть последователями целибата, не так ли? И зачем индуистским саньяси и христианским монахам брить головы или надевать всякие одежды и тюрбаны, чтобы выделяться среди людей? К чему священнослужителям разных религий выставлять напоказ свою отрешенность от мирской суеты? Зачем им пышные титулы и церковные звания? Разве не могут они, как обычные миряне, жить ясно, просто, открыто? Почему люди вообще идут в монастырь или в священники? Потому что не умеют плыть в безбрежном океане, боятся круговорота земного бытия. Они боятся жизни и вынуждены давать обеты, в том числе и обет безбрачия. Господи, где и когда началось мое смятение? И когда оно закончится?» — простонал отец Антоний.

В это время снаружи донесся шум подъехавшего автомобиля. Из него вышли епископ и церковный казначей. Отец Антоний осенил себя крестом и направился навстречу прибывшим, подумав: «А ведь я исповедовался пред собою!»

8

Отец Антоний вспомнил, что на следующий день ему предстоит освящать брак Иммануила с какой-то молодой индуской. «Интересно, кто она? — гадал отец Антоний. — Неужели та самая, о которой писала в своем предсмертном письме Марияль? Жаль, что некому перепоручить проведение обряда».

...Отец Антоний с неохотой согласился сочетать браком эту женщину с Иммануилом. «Этот человек нисколько не стесняется нас, священников. Впрочем, он не боится самого господа бога, — решил отец Антоний. — У кого есть деньги, то даже Библия для них не более чем телефонный справочник».

Пробило шесть часов вечера. Через полчаса должен состояться обряд венчания. «Как странно! — удивился отец Антоний. — Похоже, что собирается гроза. Вон какие тучи внезапно надвинулись». Сильнее обычного покалывало сердце. Потирая грудь, отец Антоний направился в храм. Загрохотал гром. «Быть может, это знамение свыше?» — подумал он.

В храме было полно народу. Отцу Антонию сообщили, что Иммануил уже здесь «с нею». Отец Антоний прошел в соседнюю с алтарем комнату, стал готовить все необходимое для обряда.

«Она» была здесь. Судя по всему, она и раньше бывала в христианском храме. Возле нее стоял Иммануил в наряде жениха. Здесь же толпились его друзья. Отец Антоний заметил молившуюся в сторонке Ойяммаль.

Все было готово. Можно начинать.

Отец Антоний занял свое место и, подняв руку, начал привычно произносить молитву, затем медленно поднял взор на «нее»... Казалось, будто пелена спала с его глаз, всплеск чувств ударил в самое сердце, храмовый свод стал медленно опрокидываться, в ушах отчетливо зазвенели далекие голоса...

«Камала... скажи мне... Скажи, кто тебе больше всех нравится?»

«Только ты».

«И ты мне... больше всех нравишься».

«И всегда-всегда так будет?»

«Да, Камала...»

Отец Антоний не верил своим глазам. Невеста Иммануила!..

Мощный удар грома потряс храм, зловеще сверкнула молния, сильный поток воздуха качнул крест... Камала... Камала. Из груди отца Антония вырвался сдавленный крик. Среди присутствующих поднялось волнение. В следующий миг потерявший сознание отец Антоний стал заваливаться на первый ряд. Чьи-то руки подхватили его...

Камала стояла с глазами, полными слез. «Это он, мой трусливо сбежавший любимый. Он должен был венчать меня...» — подумала она. Мучительная душевная боль придала ей уверенности. Камала решительно вырвала свою руку из руки Иммануила и направилась к выходу. Двери церкви распахнулись перед нею.

Да, двери храма открыты для входящих и выходящих. Теперь они ждут, когда отец Антоний последует вслед за любимой в огромный и радостный мир людей. Решится ли он?..

Перевел с тамильского
Вит. ФУРНИКА

ГОЛОС НАРОДОВ МИРА

С 23 по 27 сентября 1980 года в столичном зале Болгарии «Универсиаде» проходил очередной международный форум людей доброй воли, созванный по инициативе Всемирного Совета Мира, — Всемирный парламент народов за мир. Предыдущий форум такого масштаба — Всемирный конгресс миролюбивых сил — состоялся семь лет назад в Москве. На Всемирный парламент в Софию съехались 2260 делегатов из 137 стран. Они представляли свыше 300 различных массовых организаций и политических партий, 33 национально-освободительных движения, а также ряд культурных, научных и религиозных ассоциаций.

С большим вниманием участники Всемирного парламента народов за мир прослушали речь кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева, выступившего на пленарном заседании. Он выразил глубокое удовлетворение тем, что столь авторитетные представители общественного мнения всех континентов собрались вместе, чтобы обсудить самую жгучую и неотложную проблему современности — вопрос о том, как сохранить мир и не допустить новой войны.

Б. Н. Пономарев напомнил делегатам Всемирного парламента народов за мир мудрое предостережение — призыв Л. И. Брежнева: «Веками человечество, стремясь к обеспечению своей безопасности, руководствовалось формулой: «Хочешь мира — готовься к войне». В нашу ядерную эпоху эта формула таит особую опасность... Отчетливо понимая это, мы говорили и говорим вновь: «Хочешь мира — проводи политику мира, борись за эту политику!»

«Пора действовать, и действовать сообща, чтобы поставить непреодолимый барьер на пути тех, кто с упорством маньяков готовит ракетно-ядерное побоище, — призвал участников форума Б. Н. Пономарев. — Очень важно понять, что опасность грозит не какой-то одной стране или группе стран, а всем народам, всем странам и континентам». Эта военная опасность, подчеркнул он, «исходит от американского империализма и от некоторых его союзников, от их безрассудной политики и их главного орудия — агрессивного блока НАТО».

Их зловещие планы, отметил Б. Н. Пономарев, поддерживаются маоистами. «Пекинские лидеры, — предупредил он, — фактически внушают народам мысль, что борьба против военной опасности, против бесконечных вооружений, дескать, бессмысленна и обречена на провал. Такая позиция, естественно, очень выгодна империализму. Она идейно обезоруживает, обрекает народы и государства на то, чтобы склонить голову перед воинствующими силами империализма и его пособников».

Б. Н. Пономарев призвал делегатов Всемирного парламента народов за мир «нести в массы сознание непримиримости, ярости и гнева в отношении подготовки ядерной войны. Необходимо разоблачать корыстные цели и античеловеческие замыслы тех, кто пытается обмануть общественное мнение, приучить его к мысли о «приемлемости», о «допустимости» ядерной войны». «Мы убеждены, — заявил он в заключение, — что нет фатальной неизбежности ядерной войны. Но это не значит, к сожалению, что возникновение ее исключено. Поэтому необходимо сделать все, чтобы образовался широкий всемирный фронт, способный добиться радикального и необратимого перелома в международном развитии. Нет сегодня задачи более насущной, более неотложной. Необходимо материализовать растущую тревогу сотен миллионов людей в практические дела, в массовые, целеустремленные, согласованные действия, направленные на предотвращение войны. И тогда не будет упущен шанс на сохранение мира».

Как и на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве (1973 г.), среди участников Софийского международного форума находились посланцы многих религиозных объединений из разных стран. Заместитель председателя Национального комитета защиты мира НРБ патриарх болгарской православной церкви Максим, например, входил в Подготовительный комитет Всемирного парламента народов за мир, а ее участие в работе этого форума обсудила и одобрила летняя (1980 г.) сессия синода. Он учредил комиссию в составе трех митрополитов, которая совместно с болгарским Национальным комитетом в защиту мира разработала конкретный план мероприятий по участию церковно-общественных деятелей во Всемирном парламенте народов за мир.

Во время его заседаний, в частности, была проведена встреча религиозных деятелей. Ее участники единогласно высказались в защиту священного права человека на жизнь. Болгарская православная церковь провела епархиальные конференции священнослужителей, где их ознакомили с идеями и принципами Всемирного парламента народов за мир, его работа освещалась на страницах церковной печати. «Участие церкви и христиан в этом форуме — во имя мирного созидания и оздоровления международной обстановки, — заявил в своем интервью патриарх Максим, — явилось реальным вкладом в усилия по созданию мирного и безопасного будущего для всех народов мира».

Активное участие в работе Всемирного парламента народов за мир принимали прогрессивные религиозные деятели из многих стран. Они приветствовали идеи, высказанные Л. И. Брежневым в послании этому форуму борцов за мир. В послании главы Советского государства, сказал, например, председатель Международного комитета за европейскую безопасность и сотрудничество лауреат Международной Ленинской премии за укрепление мира между народами каноник из Бельгии Раймон Гоор, «четко обозначена стратегическая задача, стоящая сейчас перед человечеством. В сложившейся ныне обстановке необходимо объединение сил всех, кому дорога цивилизация. Очень опасна эта пресловутая теория «ограниченного ядерного удара»! Приведенные в ее обоснование «аргументы», что якобы при превентивном ядерном ударе целью будут «лишь ядерные арсеналы потенциального противника», насквозь фальшивы. Первое же применение атомного оружия, как зубчатое колесо, втянет во всеразрушающий конфликт все человечество. Этому необходимо решительно противостоять».

На состоявшемся 27 сентября 1980 года заключительном заседании Всемирный парламент народов за мир единогласно принял Хартию, которая провозгласила мирную жизнь священным и неотъемлемым правом каждого человека и каждого народа, а всякое посягательство на это право — тягчайшим преступлением против человечества. Хартия особо подчеркнула: ничто не должно разделять людей доброй воли в их общей борьбе за существование жизни на земле, к каким бы политическим партиям, профсоюзным, женским, молодежным и студенческим организациям, религиозным, культурным и научным ассоциациям они ни принадлежали. Пусть «все, кто несет ответственность за воспитание и формирование характера нынешнего и грядущих поколений», — призвала Хартия, — активно утверждают «идеалы мира, дружбы, солидарности и уважения ко всем народам».

Вечером 27 сентября 1980 года Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков дал прием в честь участников и гостей Всемирного парламента народов за мир, на котором произнес речь.

«Первый вывод, который я делаю для самого себя, — сказал, в частности, тов. Живков, — это то, что всех нас, независимо от расы, национальности, вероисповедания, партийной и другой принадлежности, объединяют забота о мире, о том, как избежать войны, стремление сохранить и укрепить мир во всем мире.

Второй вывод — все мы убеждены в том, что война не может решить ни одной из проблем человечества, народов, людей; война — это абсурд, война — это самоубийство, и ее нужно любой ценой предотвратить.

Третий вывод — все мы, борцы за мир, сознаем: предотвращение войны не под силу правительствам; только объединенными усилиями самых широких кругов миролюбивой общественности, трудящихся всей планеты можно заставить милитаристов, империалистов, реакционеров отказаться от применения истребительного оружия.

Памятуя об относительности художественного сравнения, — продолжал Т. Живков, — я все же позволю себе прибегнуть к нему, чтобы сделать более наглядной мысль о необходимости сплочения всех сил человечества в борьбе за мир.

Речь идет о библейской легенде о потопе и Ноевом ковчеге.

Как известно, потоп был явлением ограниченным, а население земли и животный мир — малочисленными. Поэтому и Ноева ковчега оказалось достаточно, чтобы спасти по паре живых существ и обеспечить продолжение их рода. Но что могли бы сделать сейчас мы, если

современный потоп, ядерный потоп, зальет нашу землю!..

Очевидно, если человечество хочет иметь Ноев ковчег, который спасет «простых смертных», спасет их во всем многообразии рас, наций, классов, партий и движений, со всеми их заботами и радостями, верой и надеждами, со всеми их поисками путей к счастью и благоденствию, то единственный выход — предотвратить ядерный потоп на нашей грешной и праведной матери-земле. На нашем далеко не устроенном и далеко не таком, каком бы нам хотелось, но единственном во всем огромном Космосе «Ноевом ковчеге».

Я совсем не призываю к миру между угнетателями и угнетенными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между добром и злом, — пояснил свою мысль Первый секретарь ЦК БКП. — В этом мире существуют непримиримые противоположные интересы. Однако победы добра над злом можно добиться только в условиях мира, или, иными словами, в условиях жизни. «После нас хоть потоп» — это философия обреченных, реакционеров, мракобесов. Борцы за правду и свободу всегда жили, боролись и умирали во имя счастья тех, кто будет жить после них.

Я могу заверить вас, — заявил тов. Живков, — что в этом мире не найдется коммуниста, не найдется марксиста-ленинца, который был бы готов купить ценой гибели человечества эфемерную победу коммунизма. Иными словами, коммунизм для нас — это всесторонний прогресс человеческого рода. Вот почему борьба за коммунизм является прежде всего борьбой за спасение человечества от гибели.

Во имя этой цели, на основе этой программы мы готовы объединить свои усилия со всеми, кто не хочет, чтобы мир сгорел в огне термоядерной войны, со всеми, кто отдает себе отчет в том, что проблема мира сегодня выходит за рамки классовых, идеологических, политических и других различий, ибо это общечеловеческая проблема. Проблема существования человеческой цивилизации и человеческого рода вообще!»

МЫСЛИ, РОЖДЕННЫЕ НАГРАДОЙ

◆ По случаю 35-й годовщины победы социалистической революции в Болгарии президиум правления Всесоюзного общества «Знание» СССР наградил Знаком Общества «За активную работу» группу видных ученых и общественных деятелей, внесших вклад в дело популяризации советского опыта в Болгарии.

Среди них академики Савва Гановский, Николай Тодоров, Эмил Георгиев, член-корреспондент Болгарской академии наук Панайот Гиндев, профессор Костадин Байчинский, посол НРБ в СССР Димитр Жулев, первый секретарь Объединенного комитета БКП в Москве Димитр Димитров, заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК БКП Димитр Петров, первый заместитель председателя правления Общества по распространению научных знаний имени Георгия Киркова Павлина Енчева, заместитель председателя его правления Крыстю Дончев и другие.

За активную научную и умелую популяризаторскую деятельность Знаком Всесоюзного общества «Знание» «За активную работу» был награжден и главный редактор журнала «Атеистична трибуна» профессор Николай Мизов.

Он широко известен в Болгарии, а также в СССР как специалист по проблемам религии и атеизма. Перу его принадлежат такие работы, как «Антинаучная и реакционная сущность мусульманской религии» (1958), «Антирелигиозные взгляды и традиции болгарского народа» (1960), «Ислам в Болгарии» (1965), «Праздники как общественное явление» (1966), «Идеологическая диверсия и религия» (1968), «Методологические проблемы атеизма» (1970), «Гуманизм и религия» (1971), «Человек, религия, познание» (1973), «Религиоведение. Система и сущность» (1977) и другие.

Наряду с плодотворной научно-исследовательской деятельностью профессор Николай Мизов — лектор-популяризатор и пропагандист.

Перевод из болгарского журнала «Атеистична трибуна», 1980, № 1.

Мы встретились с ним вскоре после вручения ему награды и попросили ответить на несколько вопросов.

● **Профессор Мизов, ваши работы получили заслуженное признание, ваш неустанный труд в деле популяризации советской науки и советского опыта в нашей стране широко известен. Какое значение имеет для вас именно эта награда?**

— Большое. Во-первых, потому, что вся моя сознательная жизнь протекала под благотворным влиянием советской науки и революционного опыта. И, во-вторых, потому, что я как ученый и общественный деятель считаю, что марксистско-ленинская теория и практика достигли высшего расцвета и продолжают и сейчас развиваться прежде всего в Советской стране. Вот почему эта награда для меня — большая честь и волнующее событие.

● **Вы с таким огромным уважением говорите о советской науке. Что так неразрывно связывает вас с нею?**

— Ответить на этот вопрос непросто. Для этого надо вернуться к моему безотрадному детству, к нашим освободителям от османского ига, к той любви к России, которую мы, болгары, впитывали с материнским молоком. Это значит вернуться к воспоминаниям о страшных годах монархо-фашистского террора, когда все наши надежды и упования были устремлены к Советской России, что, кстати, преследовалось как уголовное преступление. Это значит вернуться к моей молодости, связанной с Рабочим союзом молодежи, когда я немало выстрадал за свою любовь к Стране Советов. За эту свою веру и любовь к СССР я заплатил побоями и исключением «навсегда из всех школ царства». Наконец, это для меня воспоминания о приходе Красной Армии, о братской помощи советского народа в строительстве социализма в нашей стране. И еще очень многое...

● **Как вы расцениваете влияние советской атеистической науки на развитие вашей атеистической мысли и на ваш научный рост?**

— Вновь вопрос, на который нельзя ответить одним словом. И все же я постараюсь быть кратким. Атеизм — это проявление прогрессивных общественных потребностей. А наиболее бурно общественный прогресс расцветает в советском обществе. Удивительно ли, что именно советские ученые первыми и наиболее плодотворно стали разрабатывать современную атеистическую мысль. Изучать эти достижения и стремиться брать с них пример — долг каждого ученого-марксиста, занимающегося научным атеизмом.

И еще. Для меня советская наука — это советские ученые, советские люди. Личные контакты с ними, их дружба и помощь в осязаемом, реальном смысле имели важное значение для роста болгарских ученых. Эти контакты, дружба и помощь всегда были для нас источником уверенности и оптимизма. И, может быть, именно они сказались наиболее благотворно на моем научном росте.

● **Известно, что вместе с болгарскими и советскими учеными вы работаете над рядом проблем научного атеизма. Ваши статьи публикуются в СССР, Польше, ГДР и других социалистических странах. Над чем вы работаете сейчас, каковы ваши планы?**

— Мне трудно ответить... Может быть, потому, что я «утонул» в проблемах научного атеизма, многие из которых волнуют меня, и я хотел бы участвовать в их разработке. И все же, если говорить о моих конкретных планах в этом направлении, то можно было бы выделить два аспекта. Сейчас вместе с сотрудниками Института фило-

софии Болгарской академии наук, которые заняты атеистическими исследованиями, мы работаем над обширной монографией «Система и сущность атеистического воспитания», опубликование которой будет способствовать отходу трудящихся от религии.

При этом наш авторский коллектив исходит из того, что атеистическое воспитание призвано преодолевать социальную несправедливость, освящаемую религией. Ведь она тормозит интеллектуальное развитие и воспитание верующих, изолирует их от общественной жизни. А мы стараемся показать, что атеизм не посягает ни на какие подлинные интеллектуальные и моральные ценности, а, напротив, помогает развивать способности и дарования, облегчает развитие человеческих потенций. И еще. Лично я давно интересуюсь праздниками, обрядами и традициями нашего народа. Долгие годы я работал над монографией «Праздники, обряды и ритуалы», которая выйдет в свет в издательстве «Наука и изкуство».

Конечно, у меня есть и другие планы, но о них говорить еще рано...

● Профессор Мизов, научный атеизм — это комплексная система взглядов, которая не только противодействует религии, но и вооружает новыми знаниями. От чего, по-вашему, зависит эффективность воздействия атеизма?

— Действительно, атеизм не должен, как это иногда делается, интерпретироваться только как «антирелигия», а атеистическое воспитание — только как антирелигиозное. При таком его понимании, по существу, стирается принципиальная разница между буржуазным атеизмом, с одной стороны, и пролетарским, марксистско-ленинским — с другой. Между тем принципиальное различие между ними — не в отрицании и преодолении религии. Оно гораздо более кардинально, что, кстати, далеко не все ясно представляют. Речь идет о том, что водоразделом между буржуазным и пролетарским атеизмом служит их отношение к вопросу о том, чем должна быть заменена религия. Еще Энгельс отмечал, что атеизм как голое отрицание религии есть не что иное, как видоизмененная религия. А это означает, что атеизм отвергает религию не для того, чтобы оставить «свободное место», которого не может быть в сознании, а для того, чтобы построить на этом «месте» цельное научно-материалистическое мировоззрение, мораль и поведение.

● Вы известны в нашей стране как лектор. Немало лет вы посвятили атеистической пропаганде. Что, по-вашему, определяет силу живого слова?

— Сказанное мною только что до известной степени дает ответ и на этот вопрос. Эффективное воздействие живого устного (равно как и печатного) слова в атеистической пропаганде зависит более всего от его насыщенности современными и полноценными научными знаниями. Если оно не заключает в себе научного содержания, то никакое слово не может быть эффективным.

Конечно, этого недостаточно, когда речь идет о пропаганде атеистических знаний среди самих верующих. Необходимо иметь в виду, что религия — это своеобразный «фильтр», который задерживает «пропуск» знаний в сознание верующих: она вырабатывает неприятие всякой (особенно неумелой) критики религиозных убеждений и взглядов. Следовательно, пропагандист-атеист как бы преодолевает своеобразный барьер. Он должен умело найти путь к уму и сердцу верующего и создать ту психологическую атмосферу, в которой лучше воспринимаются знания. Чтобы преодолеть традиционные стереотипы мышления и поведения, нужно большое мастерство. Это требует от атеиста (более, чем от любого другого пропагандиста) тонко сочетать содержание и форму, что очень и очень нелегко. Кстати, в этом — секрет популярности лектора. Она достигается большим трудом, но труд этот приносит радостное удовлетворение: ты чувствуешь, что необходим людям, что выполняешь свой долг перед ними. Так что деятельность атеиста, будь она научно-исследовательской или пропагандистской, эффективна, когда не только дает знания, но и формирует жизненную позицию, ведущую к осмысленной и счастливой жизни трудящихся.

Беседу записала П. Михайлова

Как кошка съела святого духа

Янко БОБОВ

Поп Димитр Длинный, как его прозвали в селе за высокий рост, часто бранил церковного служку Итко. И сейчас, опустив смиренно голову перед рассерженным батюшкой, полноватый, лысеющий служка молил бога, чтобы все обошлось только бранью. Если длиннорукий и костлявый поп ударит его, то это место будет долго болеть и ныть. Итко испытал уже силу и тяжесть поповской руки. Громогласный, иногда просто сумасбродный в своих действиях, поп на сей раз не поднял на него руку, но и ругань его была не из приятных:

— Ничтожество из ничтожеств... Я тебя прогоню, если ты не очистишь церковь от этого сброда.

Сброд, на который сердился поп Димитр, были мыши и крысы, сновавшие по пустой церкви. Некоторые пугливые женщины вскрикивали в самый торжественный момент, потому что грызуны не стеснялись бегать и пищать, даже когда поп читал или пел.

— Если я увижу мышь или крысу во время обедни, тебя здесь не будет.

К вечеру Итко заделал глиной и замазал известью множество дыр в стенах церкви, а после ужина вошел туда с мешком за плечами. Заперев на засов дверь, Итко развязал мешок и вытащил принесенную из дома кошку и соседского кота.

После воскресной обедни поп угостил служку ракией [1], потому что на сей раз не увидел во время богослужения бегающих мышей и не услышал их писка. Женщины благополучно дождались конца службы.

Итак, Димитр с одной напастью справился. Но как быть с другой, с молодежью и сельскими безбожниками, которые мутили головы многим людям? Их ведь не заделать глиной, не замазать известью. А, кроме того, прихожане почти ничего не опускали в пангару [2].

— Стотинки [3] не наполняют больше поповский кошелек, — громко разговаривал Димитр сам с собою, — нет, не наполняют. Нужно придумать что-то такое, что вернет людей в церковь... и тогда вернется их щедрость.

И вот во время одной из воскресных обеден, стоя у царских врат алтаря, он торжественно провозгласил: «И явился святой дух!» Над богомольцами, раскинув крылья, пролетела серо-белая птица и быстро исчезла в боковом приделе. Глаза попа сверкали от радости: птица безошибочно скрылась через приготовленное им без ведома церковного служки отверстие в потолке.

По селу разнесся слух о явлении святого духа в церкви. Набожные старики и старухи искренне уверяли, что собственными глазами видели его. В храме стало оживленнее от верующих и любопытных, которые пришли, чтобы своими глазами увидеть, что и впрямь там поселился святой дух.

И вот на очередной обедне поп, как обычно, стоя у царских врат, возгласил: «И явился святой дух!» — но «духа» не было. Поп еще громче повторил эти слова и вперил взгляд в глубь церкви на дверь маленькой каморки, откуда воспарял «святой дух», но ничего не увидел. В третий раз крикнул он зазвеневшим от злости голосом: «И явился святой дух!»

«Святой дух не явится, потому что там, — с трепетом указал на каморку соседский мальчик, — его съела кошка церковного служки». Этому пареньку батюшка поручал выпускать голубя, чтобы тот пролетал над прихожанами. В каморке же мисочка с житом, оставленная для птицы, стояла нетронутой.

Теперь только понял голубятник Иван Чакмаков, почему поп Димитр, покупая у него двух голубей якобы для своего внука, приказал ниному не рассказывать об этом.

Рисунок С. Чернышева.

Перевод из болгарского журнала «Атеистична трибуна», 1979, № 5.

[1] Водка.
[2] Кружка для сбора пожертвований.
[3] Мелкая монета — сотая часть лева.

ТРИ ВСТРЕЧИ

Стойчо ИГНАТОВ

РАЗНЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

Как-то вечером я был по служебным делам в одном доме. Разговор зашел о праздниках. Я спросил, какие из них предпочитают мои собеседники — гражданские или религиозные?

Хозяйка с волнением стала рассказывать, что много лет вместе со своей матерью посещала церкви и монастыри. Они очень верили в бога и надеялись на его милость. И всегда молились, чтобы он даровал им здоровье и благополучие. Аккуратно святили куличи, строго соблюдали посты, а по воскресеньям молились... Но напрасно. Несмотря на такое усердие, моя собеседница надолго захворала. И тогда болезнь и бесплодность молитв развеяли ее веру.

— И все же, как вы думаете, есть бог? — спросил я, чтобы убедиться, что она действительно больше не верит в него.

— Как вам сказать? — ответила она. — Я очень верила в бога. И много молилась. Мы часто ходили с матерью к святым местам и делали большие приношения. Если бы бог был, он должен был бы помочь мне выздороветь, но мне становилось все хуже и хуже. Не знаю, но думаю, что бога нет.

В разговор вмешалась ее мать — старуха в черном платке:

— Сынок, она молодая и ничего не знает. Ты послушай меня! Бог есть!

Ее 12-летний внук не выдержал и рассмеялся:

— Нет никакого бога. Он выдумка. Все в природе и обществе возникает и развивается по естественным законам, по законам материи.

«Люди трех поколений!» — сказал я себе, покидая этот дом.

«ВСЕ МЫ АТЕИСТЫ»

Другой случай. Я разговаривал с пожилой женщиной. Знал, что она учительница, пенсионерка. Отец ее — поп и дед — поп. Отец и дед ее супруга— тоже священнослужители. Мне же говорили, что она — атеистка. Может быть, только ради работы в школе она пренебрегла своим религиозным воспитанием, подумал я.

Разговор протекал легко и свободно. Она с охотой рассказывала о себе:

— Я поповская дочка. Нас было шестеро детей, и все мы атеисты. Такими воспитал нас отец. Он был попом, но не верил в бога. Служба вынуждала его скрывать свои мысли — такое было время. Если бы он открылся, то лишился бы средств к существованию, не смог бы воспитывать нас. Еще с детства он учил нас не верить тому, что есть какой-то бог. Это выдумано, для простолюдинов, для того чтобы они были покорны и послушны, жили в страхе, подчинялись властям. Чтобы думали, что горе и бедность на земле дадут им право на воздаяние на «том свете».

«Я ТОЖЕ ЧЕЛОВЕК...»

Мой коллега пригласил меня к своему знакомому священнику. Я знал, что церковь, где он служит, объявлена памятником национальной культуры.

Разговорились мы со священником в храме. В основном разговор вертелся вокруг его истории. Задавал я ему и другие вопросы.

— Все же, как, по-вашему, есть бог?

Он ответил мне, не задумываясь:

— Никто его не встречал, никто не видел, и нет никакой надежды, что кто-либо увидит. Но вот уже 30 лет, как я служу во имя веры в бога. Я священник, и говорить, что бога нет, мне не пристало.

— Отче, как, по-вашему, возможно ли, чтобы мать Христа, Мария, зачала по воле бога, будучи девственной?

— Да, это так. Если веришь — значит так оно и есть, — ответил священник, предвидя и другие подобные вопросы.

— Да, но ведь мы знаем, как обстоит дело в действительности, — возразил я. — В данном случае вера оказалась несостоятельной.

— Все зависит от того, как ее понимать. В данном случае вера не обязательна для людей. Если я священник, то это не означает, что я верю во все. Я тоже человек, как и другие.

Перевод из болгарского журнала «Атеистична трибуна», 1979, № 2.

ДОСТОЯНИЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В 681 году в северо-восточной части Балканского полуострова возникло государство, которому в этом году исполняется 1300 лет. То была Болгария. В битве между двумя империями — Карла Великого и Византийской — она завоевала место третьей политической силы в Европе того времени. Важным моментом в историн Первого Болгарского царства (681—1018 гг.) было принятие им христианства.

Одно из сокровищ Болгарии — ее исторические и культурные памятники. Она одной из первых подписала Конвенцию ООН по охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.). С 1978 года НРБ входит в Комитет всемирного культурного и природного наследия, на III сессии которого (Каир — Луксор) ее представитель был избран его вице-президентом. Четыре болгарских памятника объявлены памятниками мирового значения: Казанлыкская гробница, Мадарский всадник, Боянская церковь и скальные церкви близ села Иваново.

Боянская церковь занимает исключительное место в истории средневековой европейской живописи благодаря не только высокому мастерству ее создателей, но и выраженным в ней идеям гуманизма. Фото Кирилки Савовой. Агентство София-Пресс.

Руины Плиски — столицы Первого Болгарского царства. Фото Ангела Ангелова. Агентство София-Пресс.

ЗА РУБЕЖОМ

Г. БАКАНУРСКИЙ,
кандидат философских наук

СИОНИЗАЦИЯ ИУДАИЗМА

Как известно, иудаизм — конфессия, исторически и в силу особенностей своей догматики распространенная в основном среди евреев. Это вероисповедание, одно из древнейших среди ныне существующих, зародилось у древних евреев на стадии их перехода от родового к рабовладельческому строю в конце II — начале I тысячелетия до нашей эры. Естественно поэтому, что в канонах этой религии, изложенных в книгах Ветхого завета и в комментариях к ним (Талмуде), которые создавались в рабовладельческий период, оказались зафиксированы — как, впрочем, и в некоторых других религиях — многие свойственные той эпохе варварские, жестокие и примитивные обычаи и традиции. Ветхий завет почитается священной книгой не только у последователей иудаизма, но и у христиан, чья религия возникла значительно позже. Влияние этих догматов прослеживается и в священной книге мусульман — Коране.

С иудаизмом нельзя смешивать сионизм, как это делают его пропагандисты, утверждающие, будто последний представляет собой «общую идеологию мировой еврейской нации» и даже один из ее признаков. Безосновательность подобных претензий видна хотя бы уже в том, что из примерно 14,5 миллиона евреев в сионистских организациях мира состоит не более миллиона. «Сионисты и евреи — два разных понятия, — подчеркивается в документах XVI съезда Компартии Израиля. — Сионисты, конечно, евреи, но большинство евреев — не сионисты, даже в США... там происходит включение евреев, особенно еврейской молодежи, в общую жизнь страны. А в социалистическом Советском Союзе этот процесс тем более очевиден».

Что же в таком случае сионизм! Это политическая, буржуазно-националистическая доктрина, проповедующая создание и расширение еврейского «национального очага» в Палестине (вокруг горы Сион в Иерусалиме) — практически за счет сгона с земли коренных жителей этих мест, арабов. Современный сионизм — это идеология и практика шовинизма и антикоммунизма крупной еврейской буржуазии, тесно связанной с империалистическими кругами. Разумеется, сионисты заимствовали и используют в своих экспансионистских и расистских политических целях — как, впрочем, и многие другие буржуазные партии — некоторые религиозные догматы. Среди них, например, реакционные ветхозаветные идеи исключительности и «богоизбранности» еврейского народа, «братства всех евреев», независимо от их положения в обществе, библейский миф о «земле обетованной», якобы завещанной всевышним своему «избранному народу», и тому подобные архаические представления. Грязными политическими целями обусловлено и то обстоятельство, что сионистские правители Израиля, несмотря на безрелигиозность большинства его населения, фактически предоставили иудаизму привилегированное, доминирующее по сравнению с другими религиями положение в этом государстве, а раввинам — функции верховных арбитров и наставников в области семейно-гражданских отношений и воспитания подрастающего поколения.

Таким образом, международный сионизм и правящие круги Израиля, беззастенчиво злоупотребляя закостенелыми и обветшалыми догматами иудаизма, поставили себе на службу в буржуазных странах часть иудейского духовенства, а та в свою очередь пытается опереться на сионизм в попытках выжить в условиях все углубляющегося кризиса всех религий и прогрессирующего во всем мире процесса секуляризации.

Все это, однако, не прибавляет убедительности пропагандируемому сионистами фальшивому тезису о мнимом тождестве иудаизма и сионизма, тезису, с помощью которого они оправдывают беззастенчивую политизацию религии, превращая ее в одно из орудий своей расистской, бесчеловечной, проимпериалистической идеологии и практики.

Предлагаемая вниманию читателей статья (ее можно использовать при подготовке лекции на тему «Иудаизм и сионизм») показывает несостоятельность попыток протащить эту лживую концепцию.

✦

Мы знаем, что всякую критику в свой адрес клерикально-сионистские круги немедленно объявляют проявлением антисемитизма. Особенно активно такой прием используется в тех случаях, когда иудаистско-сионистские представления и их реализация в практике международного сионизма и правящей верхушки Израиля подвергаются критике со стороны марксистов. «Антисионистские концепции, — утверждают клерикально-сионистские пропагандисты, — представляют собой элементарное и очевидное проявление антисемитизма».

При этом они исходят из произвольно созданной ими схемы, которая не подтверждается действительностью и от начала до конца порождена их собственной фантазией: сионизм провозглашается «народным» движением, иудаизм — основой «еврейской жизни» и «национальной идентификации» личности, и на этом «основании» между понятиями «сионизм», «иудаизм», «еврей» ставится знак равенства, а критика первых двух выдается за антисемитизм.

Для вящей убедительности к перечисленным фальсификациям добавляется еще одна: антисемитизм лишается своих социально-политических характеристик как одно из проявлений империалистической расистской политики, направленной на разобщение трудящихся различных национальностей, и объявляется «внутренним аспектом природы любого нееврея». Так ставится последняя точка над «i» в сионистском утверждении об антисемитском характере любой критики сионизма и иудаизма. «Нет ничего более бесчестного, — справедливо записали в своей декларации участники международного симпозиума по сионизму и расизму, состоявшегося в Триполи в июле 1976 года, — чем утверждение... о том, что антисионизм представляет собой антисемитизм. Это бесчестное утверждение основывается на фальшивом отождествлении иудаизма с сионизмом и евреев с сионистами... Подлое обвинение в том, что антисионизм представляет собой антисемитизм, опровергается тем, что самое сильное противодействие сионизм встретил среди самих евреев, что иудаизм явно отличается от сионизма (и, по мнению многих евреев, несовместим с ним), и, наконец, тем, что большинство евреев отказались вступить в сионистские организации, отождествить себя с сионистами и исполнить первую сионистскую обязанность, то есть переехать в Израиль».

То, что в этих словах отражено действительное положение вещей, подтверждается многочисленными данными и даже вынужденными признаниями некоторых сионистских авторов. Так, историк сионистского движения Д. Витал не может скрыть убийственного для сионизма факта — широкого распространения антисионистских настроений среди современных евреев. «В строгом смысле слова, — признает он, — среди евреев сионисты составляют меньшинство». Вот почему международный сионизм с восторгом встретил заявления лидеров основных направлений иудаизма на Западе, объявивших в последние годы о присоединении к так называемой Всемирной сионистской организации (ВСО). Организационное сближение клерикальных иудейских учреждений с международным сионизмом выгодно последнему прежде всего потому, что позволяет ему искусственно увеличить численность сионистских организаций за счет коллективного членства в ВСО различных направлений иудаизма, не считаясь при этом с мнением самих верующих.

Между тем на Западе (не говоря уже о верующих евреях в социалистических странах) немало и таких приверженцев иудаизма, которые отвергают сионизм, считая, что, вопреки утверждениям его идеологов, отсутствует изначальная внутренняя связь между иудаистским вероучением и идейно-политическим содержанием сионизма. В США имеются и такие иудаистские организации (например, «Американский совет для защиты

иудаизма», «Американские еврейские альтернативы сионизму»), которые занимают антисионистские позиции. Подобные организации есть и в некоторых других западных странах. Есть они и в Израиле, где некоторые хасидские общины не только отрицают связь сионизма и иудаизма, но даже — исходя из библейских представлений о мессианском характере возрождения еврейского царства — не признают израильское государство как созданное в результате человеческих, а не божественных усилий. В израильской печати можно часто встретить сообщения об антисионистской деятельности хасидских общин в иерусалимском районе Ми-ширим. На стенах синагоги этого района написан лозунг «Иудаизм и сионизм диаметрально противоположны друг другу». Причем написан он на английском специально для того, чтобы иностранные туристы знали о хасидской позиции в этом вопросе.

Точно так же как нельзя ставить знак равенства между понятиями «сионизм» и «еврейская национальность» (независимо от того, идет ли тут речь о верующих или атеистах), нельзя отождествлять и такие понятия, как «еврейская национальность» и «иудаизм». Достаточно сказать, что большинство евреев, проживающих в разных странах,— вообще неверующие.

Даже в Израиле, где сионистская верхушка совместно с клерикальными руководителями проводит откровенную политику религиозного диктата и насилия над совестью человека, значительная часть еврейского населения либо равнодушна к иудаизму, либо занимает откровенно безрелигиозные, в том числе атеистические, позиции. Опросы общественного мнения показывают, что только 15 процентов взрослого еврейского населения Израиля высказываются в пользу теократии, то есть такого политического строя, при котором вся полнота власти принадлежит духовенству, а церковь служит основным элементом политической системы. За «полностью секуляризованное (то есть светское) государство» выступают более 30 процентов, а что касается остальных (около 50 процентов), то одни ратуют за «тесную связь» между государством и религией, а другие предлагают отделение синагоги от государства и школы от синагоги. (Как известно, в Израиле иудейская религия не отделена от государства и от школы; в стране существует несколько вероисповеданий — иудейское, мусульманское, христианское, первое играет доминирующую роль.)

Любопытные данные приводит журнал «Коммэнтэри» — орган так называемого «Американского еврейского комитета», стоящего на просионистских позициях. На вопрос, какое место в их жизни занимает принадлежность к еврейству (под ним подразумевается главным образом иудаизм), 32 процента израильтян ответили: «никакое» либо «очень небольшое», 37 процентов высказались за допустимость межнациональных браков, а 33 процента — за беспрепятственный переход еврея в другое вероисповедание, если иудаизм по каким-либо причинам перестает его удовлетворять.

Особенно показательны две последние цифры. Дело в том, что в Израиле официально запрещены не только браки евреев с неевреями, но существенно затруднены и браки между прдставителями различных направлений в иудаизме. Чтобы подобные браки были признаны и зарегистрированы религиозными советами общин (по закону 1953 г. «О браке и разводе» все дела брачно-семейного характера были отданы в исключительное ведение раввината), нееврей либо сторонник неортодоксального иудейского направления (реформированного или консервативного) должен принять иудаизм в соответствии с ортодоксальным обрядом, установленным Талмудом.

Что же касается перехода евреев в другое вероисповедание, то одна лишь мысль об этом вызывает неукротимую ярость раввината. Последний сумел даже провести через кнессет закон, который предусматривает для лиц, содействующих такому переходу, 5 лет тюремного заключения или штраф в размере 50 тысяч израильских фунтов. Кроме того, переход в иное вероисповедание влечет за собой и другие отрицательные последствия. Напомним, что по израильским законам о гражданстве последнее автоматически предоставляется только лицам еврейской национальности. По существовавшей же раввинской практике, подтвержденной в феврале 1970 года специальным законом, евреем признается только тот, кто родился от матери-еврейки либо перешел в иудаизм и не исповедует другой религии. Ясно, что разрыв с иудаизмом в любой форме (переход в другую конфессию или выполнение обрядов иной религии при формальной принадлежности к иудаизму) немедленно сказывается на гражданском статусе человека. Этот закон используется в первую очередь против «евреев не по рождению» и представляет собой открытое насилие над свободой совести.

Приведенные данные исследования религиозности в Израиле подтверждают тот факт, что, несмотря на все усилия клерикально-сионистской верхушки, ей так и не удалось навязать населению иудаизм как «единственный путь жизни». Если даже там далеко не все евреи — верующие, то что можно сказать о еврейском населении других стран (не говоря уже о социалистических), где иудаизм не играет и не может играть той роли, какая отведена ему израильскими правителями. Эти цифры опровергают стремление раввинов и их сионистских союзников доказать тождественность понятий «еврей», «иудаист», «сионист».

После израильской агрессии в июне 1967 года, приведшей к самым значительным территориальным захватам арабских земель и обнажившей до конца расистскую, аннексионистскую сущность сионизма, его пропагандисты стали еще назойливее навязывать религиозно-националистические представления евреям Израиля и других капиталистических стран. Чтобы завуалировать шовинистическую, расистскую природу сионизма и усилить его поддержку клерикальными средствами, эти пропагандисты провозгласили сионизм «национально-освободительным движением евреев», а иудаизм — важнейшим средством, способным обеспечить не только «национальные начала» жизни евреев, но и оградить их от «угрозы ассимиляции».

Разоблачая ложь клерикально-сионистской пропаганды, участники упоминавшегося международного симпозиума по сионизму и расизму в Триполи справедливо отметили: ни одно движение, добивающееся вытеснения другого народа с его родной земли, не может считаться национально-освободительным.

Прогрессивные силы Израиля, в первую очередь Коммунистическая партия, также решительно осуждают антиарабскую политику клерикально-сионистского руководства, в том числе и дискриминацию арабских граждан. «Официальные сионистские декларации о том, что из-за «сионистского характера» государства арабское население не может пользоваться равноправием и следует его согнать с земель во имя сионистского заселения и «иудаизации страны», — записано в материалах XVIII съезда Коммунистической партии Израиля, — неприемлемы и доказывают расистский характер этих сионистских положений» *.

Непременный признак национально-освободительного движения наших дней — его антиимпериалистическая направленность. Что касается сионизма, то ему это органически чуждо: он, наоборот, представляет собой идеологию и политическую практику крупной еврейской буржуазии, сросшейся с империалистическими кругами других стран, в первую очередь США. В самом Израиле, который является типичным капиталистическим государством со всеми присущими ему антагонистическими противоречиями между эксплуататорами и трудящимися, еврейские массы, как и арабская часть населения, испытывают на себе гнет не только иностранных, но и собственных капиталистов.

Конечно, в особенно тяжелом положении здесь находятся арабы. Но несладко приходится и многим евреям, в первую очередь выходцам из стран Азии и Африки, а они составляют более 60 процентов израильтян.

Тесный идейно-политический союз сионизма и иудейского клерикализма дает возможность последнему еще более активизировать свою деятельность, грубо попирающую элементарные требования свободы совести.

В Израиле, например, существует густая сеть государственных и частных религиозных школ, в которых обучаются 36 процентов всех учащихся, но клерикально-сионистским кругам этого кажется недостаточно. Нынешний председатель ВСО А. Дулцин накануне последнего, XXIX, конгресса этой сионистской организации провозгласил важнейшей задачей доведение «еврейского (читай: религиозно-сионистского) образования» каждого школьника до 3 тысяч часов. Это значит, что около 3 лет из 12-летнего срока обучения в израильской средней школе должно быть отведено на обработку учащихся в духе сионистского расизма и иудейского экстремизма.

Эти планы сионистской верхушки нашли отражение в правительственной декларации администрации Бегина, пришедшей к власти в Израиле в 1977 году, а также в ее последующих мероприятиях. Один из пунктов декларации предусматривал необходимость еще боль-

* «XVIII съезд Коммунистической партии Израиля. Хайфа, 15—18 декабря 1976 г.». М., 1977, стр. 35.

шего «базирования системы образования на ценностях иудаизма и сионизма». Первым шагом в этом направлении явилось назначение на пост министра образования и культуры одного из лидеров Национально-религиозной партии З. Хаммера, известного своими крайне шовинистическими и расистскими убеждениями. Вскоре после этого он заявил в интервью газете «Джерузалем пост», что — несмотря на наличие в стране религиозных школ (30 процентов всех ее средних учебных заведений), где занимаются сотни тысяч учащихся (только в государственных религиозных школах обучаются 300 тысяч детей и подростков), — Израилю, мол, угрожает «опасность эллинизации». (Имеется в виду влияние греческой культуры, которое испытал на себе иудаизм в так называемой диаспоре в первые века нашей эры. Применительно к современности ссылка на такую «опасность» означает признание упадка религии под влиянием светской культуры.) Чтобы устранить эту «угрозу», утверждает Хаммер, необходимо активизировать религиозное образование детей и юношества и распространить его на формально нерелигиозную школу. С этой целью он объявил, в частности, о том, что учителям, не исповедующим иудаизм, даже если они ведут такие предметы, как химия или математика, будет запрещено преподавать в религиозных школах. Зато работа верующих учителей в формально нерелигиозных школах всячески поощряется.

Значительную роль в сионизации и клерикализации системы обучения и воспитания молодого поколения в Израиле играет введенный там с 1955 года во всех средних и высших учебных заведениях специальный курс так называемого «еврейского сознания». Особое место в нем занимает пропаганда политизированного на сионистский лад иудаизма. Программа этого курса утверждалась в кнессете и была одобрена большинством его депутатов.

Клерикализации воспитания подрастающего поколения способствуют так называемые «библейские олимпиады», которые активно проводятся клерикалами совместно с сионистскими кругами как в Израиле, так и в других капиталистических странах. Только в одном из последних состязаний такого рода в США, например, приняли участие свыше 20 тысяч юношей еврейского происхождения. В составе «международного жюри» этих соревнований были председатель ВСО А. Дулцин и тот же З. Хаммер, выступавший от имени правительства Израиля.

Для усиления позиций иудаизма в этой стране, в первую очередь среди молодежи, от набожности которой зависит не только расширенное воспроизводство религии, но и даже само ее выживание, клерикалы в последние годы стали на путь создания так называемых унифицированных (объединенных) ортодоксальных молодежных конгрегаций (религиозных общин).

Тут требуется пояснение. Дело в том, что в Израиле ортодоксальный иудаизм существует в двух несколько отличных друг от друга формах: восточной (с азиатскими традициями, главным образом обрядового характера) и западной (ашкеназийской). Обе они имеют отдельные синагоги, и каждая возглавляется собственным верховным раввином. Последние на паритетных началах руководят деятельностью верховного раввината Израйля — высшего религиозного органа страны, на который возложен и ряд государственных функций, в том числе в правовой области.

Слияние этих двух общин и унификация их культа, по мнению клерикально-сионистских кругов Израиля, будут способствовать усилению позиций иудаизма в целом. Дело это очень непростое, так как общинные различия опираются на многовековые традиции не только религиозного, но и экономического, языкового, культурного и иного порядка. Тем не менее за последние 10 лет в Израиле создано 250 объединенных ортодоксальных общин, причем действуют они на основе унифицированной обрядности, заимствованной из практики военных раввинов. Основным инициатором создания таких общин стал верховный ашкеназийский раввин Ш. Горен, который до недавних пор в чине генерал-майора парашютных войск был главным армейским раввином Израиля.

Новые унифицированные общины, наряду с подростками и молодежью, составляющими в них большинство, включают и взрослых верующих, которые помогают раввинам. Как правило, объединенные молодежные конгрегации проводят богослужения непосредственно в школах или в арендованных помещениях, стремясь таким образом приблизить культ к повседневным условиям работы и быта молодых людей, сделать его неотъемлемым элементом их образа жизни.

Невозможно назвать какую-либо сферу общественной жизни в Израиле, где бы иудаизму не отводилась существенная, а подчас и решающая роль. Но особенно явно такие попытки сионизации религии проявляются во внешнеполитическом курсе израильского правительства, непосредственно использующего ее в аннексионистских целях. Так, шовинистический лозунг «великого Израиля» с границами от Нила до Евфрата подкрепляется ветхозаветной легендой о так называемых «библейских границах». Влиятельные религиозные политические партии — прежде всего «Национально-религиозная», постоянно входящая в коалиционный кабинет (премьер-министр М. Бегин, например, предоставил ей три министерских портфеля: внутренних дел, образования и культуры и религиозных дел), — усиливают шовинистический характер внешней политики Израиля.

Программа клерикалов не только полностью соответствует аннексионистским планам сионистского руководства, но и подкрепляет их. При этом Библия объявляется геополитическим документом, из которого непосредственно «выводятся» территориальные требования клерикально-сионистской верхушки. Выступая во время кэмп-дэвидских сепаратных переговоров с египетским президентом Садатом на страницах израильской газеты «Джерузалем пост» М. Бегин, например, категорически утверждал, будто Иерусалим — это «вечная столица» Израиля (в прошлом году эти аннексионистские претензии, как известно, были «подкреплены» специальным законом кнессета, провозгласившим этот священный для мусульман и христиан всего мира город столицей еврейского государства «на вечные времена», что вызвало бурю возмущенных протестов международной общественности и осуждение со стороны ООН). При этом израильский премьер снова объявил западный берег Иордана и район Газы «составной частью Эрец-Исраэл», то есть «земли предков», сославшись на Ветхий завет как на «живой документ», якобы подтверждающий права евреев на эти земли. Даже такой факт, как возвращение Египту в качестве платы за предательство режимом Садата арабских народов «горстки песка» — Синайской пустыни, не обошелся без библейского «освящения». Клерикальная раввинская верхушка Израиля довела до сведения правительства, что можно согласиться на возврат Синая, так как эта территория не фигурирует в Библии в качестве «святой земли».

Характерный пример того, как, политически манипулируя иудаистскими догматами, сионисты пытаются подвести «благочестивый» фундамент под свои преступления, — их регулярные пиратские налеты на Ливан, уносящие жизни сотен и тысяч мирных жителей и подкрепляемые ссылками на ветхозаветный принцип «око за око, зуб за зуб», равно как и убийства палестинских борцов Сопротивления, устраиваемые израильской разведкой и сионистскими террористическими организациями. Так, когда в начале июня прошлого года были тяжело ранены арабские мэры городов Наблус и Рамаллах на оккупированном Израилем западном берегу реки Иордан, то «Лига защиты евреев» во главе с раввином Меиром Кахане, которая, по данным некоторых информационных агентств, подготовила эти покушения, заявила, будто ее люди всего лишь «выполняли волю мстительного и грозного бога Израиля». Как говорится, дальше некуда.

Теснейший идейно-политический, а теперь уже и организационный союз сионистских и клерикальных объединений на Западе еще более активизирует использование иудаизма, наряду с сионизмом, в политике империалистической реакции. Однако авантюристический курс международного сионизма и клерикально-сионистской верхушки Израиля встречает все усиливающееся сопротивление со стороны еврейских трудящихся в различных странах, в том числе и в самом Израиле. Об этом свидетельствует, в частности, массовое бегство оттуда евреев, дискредитирующее клерикально-сионистскую политику и идеологию, вызывающее серьезное беспокойство и даже растерянность правящих кругов этой страны и международного сионизма. «Страшным кровотечением» назвал такую реэмиграцию М. Бегин, а ее последствия охарактеризовал как «политическую трагедию и национальный позор».

После своего прихода к власти он провозгласил в качестве неотложной задачи борьбу против продолжающейся реэмиграции и нежелания многих уже выехавших израильтян возвратиться в страну. Клерикально-сионистская верхушка Израиля применяет всяческие способы, чтобы пресечь это нежелательное для нее явление. Среди них и принуждение, и использование системы кредитной кабалы, и идеологическое давление. В качестве одного из примеров последнего можно привести издание

талмудического трактата «Пиркей авот» («Высказывания отцов»), предпринятое в Израиле в 1977 году на русском языке специально, как это подчеркивалось в предисловии, «для олим (иммигрантов. — Г. Б.) из СССР». Излагая взгляды одного из этих «отцов» — рабби Шимона бар-Иохая и подчеркивая его «большой патриотизм», издатели как бы между прочим добавляют от себя: «Интересно (!), что выезд из страны он считал тяжким грехом и всячески противился попыткам выезда своих учеников из разоренной тогда страны». Не от хорошей жизни приходится израильским клерикально-сионистским пропагандистам сочинять подобные комментарии к талмудическим текстам.

Сионисты кровно заинтересованы в союзе с иудейскими клерикалами еще и потому, что именно в политизации религии они черпают «обоснование» своих доктрин. Без этого лишилась бы всякого «обоснования» не только их идея «всемирной еврейской нации» и ее «центра» — «земли обетованной», но и экспансионистская политика, оправдываемая библейской концепцией «великого Израиля».

Стремление объединить сионизм и иудаизм и даже поставить знак равенства между ними отражает намерение сионистских лидеров и их клерикальных партнеров завуалировать буржуазное происхождение сионизма и прибавить к политической пропаганде его доктрин религиозное воздействие на мысли и чувства людей. При этом учитывается, что именно религия с ее непосредственным обращением к эмоциям может способствовать усвоению националистических идей, превращению их в устойчивые стереотипы массового сознания и поведения.

Среди сил, выступающих против авантюристической и антинародной политики лидеров клерикально-сионистского государства, самая значительная — «Демократический фронт за мир и равноправие» во главе с Коммунистической партией Израиля. Призывая положить конец шовинистическим притязаниям на арабские земли, она, выражая мнение всех прогрессивных граждан страны, требует и демократизации ее внутриполитической жизни, в частности последовательного осуществления лозунга свободы совести на основе отделения синагоги от государства и школы от синагоги. Компартия Израиля настаивает на отмене религиозного законодательства, в первую очередь клерикально-расистских законов о гражданстве, на введении светской конституции, изъятии семейно-брачных отношений из рук раввината, подчиняющего их средневековым талмудическим нормам.

Беззастенчивая, своекорыстная политизация религии — не новое явление: она издавна практикуется многими буржуазными, например демохристианскими, партиями ряда капиталистических стран. Использование иудаизма сионистами с целью превращения его в одно из орудий их расистской, шовинистической политики — еще один пример реакционной, проимпериалистической роли клерикализма в эксплуататорском обществе.

г. Одесса

«БЛАГОЧЕСТИВЫЕ» МОШЕННИКИ

Коррупция и мошенничество охватили буквально все слои израильского общества. Достоянием гласности уже неоднократно становились скандальные истории, в которых были замешаны государственные чиновники высокого ранга, армейские офицеры и полицейские.

Очередной скандал разразился, казалось бы, в самой «благочестивой» сфере государственного аппарата — министерстве по делам религии. Более десятка полицейских по распоряжению властей произвели здесь обыск и конфисковали сотни документов.

Выяснилось, что и это министерство беззастенчиво использовало правительственные фонды в личных целях, выплачивая солидные суммы «в помощь» ряду несуществующих религиозных учреждений. Кроме того, оно субсидировало родственников некоторых высокопоставленных чиновников под предлогом «финансирования теологических исследований, проводимых авторитетными духовными деятелями».

О готовящемся обыске не поставили в известность даже министра по делам религии Агарона Абу-Хацейру. И, наверное, неспроста. Когда мошенничество было раскрыто, он не нашел ничего лучшего, как уволить генерального директора министерства, а заодно и ревизора, обнаружившего подлог. Однако это не спасло его самого от судебного разбирательства.

Министр — один из лидеров Национально-религиозной партии (НРП), возглавивший министерство после прихода к власти ультрареакционного блока «Ликуд» во главе с Бегином, — обвиняется во взяточничестве и присвоении крупных денежных сумм в ходе финансирования строительства иешиботов (иудаистских семинарий) в Израиле. Кроме того, при начислении стипендий их слушателям практиковалась система учета «мертвых душ», когда фиктивное число учащихся подчас вдвое превышало действительное. В результате солидные средства перекочевывали в карманы Абу-Хацейры и других руководителей НРП.

Главным свидетелем обвинения выступил заместитель мэра города Бнай Брак близ Тель-Авива. Он был также замешан в денежных аферах, но ему даровали «иммунитет» от каких-либо обвинений как «добровольному свидетелю».

Абу-Хацейра «работал» под крылышком Бегина, а его партия стала верным союзником аннексионистов из блока «Ликуд». Обвинения против лидеров НРП бросают тень на всю правительственную коалицию, которая уже получила прозвище «коалиции мошенников». Ведь Бегин пришел к власти после громких финансовых скандалов, из-за которых сильно пострадала правившая тогда, а ныне оппозиционная «Партия труда». Сегодня уже ее черед торжествовать: премьер-министр Израиля оказался в той же незавидной ситуации, в которой четыре года назад пребывало ее собственное правительство.

С. Медведко

Со всего света

РАЗЫСКИВАЕТСЯ БУДДА

Два молодых человека, представившихся журналистами, обратились к настоятелю буддистского храма Катарангала — одного из известнейших в Шри Ланке с просьбой сфотографировать хранящуюся там золотую статую Будды. Престарелый монах отпер массивную решетку, преграждавшую доступ к святыне, и тут же один из «журналистов» навел на него замаскированный под фотоаппарат пистолет. Захватив сокровище, грабители умчались в поджидавшем их автомобиле.

Статуя весит более трех килограммов, однако главная ее ценность определяется не золотом. Будда из Катарангалы — одно из самых значительных, известных и почитаемых произведений ланкийского искусства, народное достояние. Еще в XIII веке именно с этой статуи была сделана золотая копия, которую отправили как священный дар буддистам Бирмы.

Ланкийские власти приняли экстренные меры к розыску Будды из Катарангалы: создана специальная полицейская бригада, усилен контроль за выезжающими из страны. К сожалению, иностранные туристы уже успели вывезти из Шри Ланки немало уникальных произведений искусства, скупив их у грабителей.

ДВА АВГУСТА

Астрологи в гималайском королевстве Бутан в конце каждого года составляют гороскоп на следующий. Если по их вычислениям на какой-либо день или месяц нового года падает исключительно неблагоприятное сочетание звезд, то специальным указом короля «плохой» день или месяц заменяется другим. Поэтому в Бутане может быть, например, два августа и ни одного сентября.

ГИПОТЕЗА

Исследователи, занимающиеся происхождением буддизма, недавно опубликовали новую гипотезу, утверждающую влияние раннеевропейской материальной культуры на зародившийся в Древней Индии буддизм. В качестве довода в пользу такого утверждения приводится заключение экспертов, исследовавших ранние статуэтки Будды — легендарного индийского принца Сиддхартхи Гаутамы (624—544 г. до н. э.), который считается основателем буддизма. Сторонники этой гипотезы утверждают, что самые древние изваяния Будды несут на себе явный отпечаток античного стиля. Только позже, говорят они, по мере распространения буддизма из Древней Индии на Восточную и Юго-Восточную Азию, изображения Будды обрели монголоидные черты.

КИТАЙСКИЙ БУДДИЗМ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕНОСТЬ

Н. АБАЕВ,
кандидат исторических наук

КАК И КОГДА буддизм — религиозно-философское учение, возникшее в древней Индии, — проник в Поднебесную империю[1] и распространился в ней? За отсутствием достоверных данных ученые затрудняются точно установить время и обстоятельства первых шагов буддизма в Китае. Среди китайских буддистов бытуют на этот счет различные легенды.

Одна из них говорит, что буддизм проник в Китай во время правления У-ди (140—87 гг. до н. э.), императора[2] из династии Хань, который вел длительные и жестокие войны с центральноазиатскими кочевниками — гуннами, создавшими к тому времени мощную державу. В одну из таких войн китайцы якобы захватили необычный трофей — статую Будды, ее поставили в хранилище, с чего и началось «распространение в Китае буддистской веры».

Согласно другой версии, «истинным началом» распространения в Китае учения Будды был период правления императора Мин-ди (56—75 гг.). Как-то он увидел во сне золотого идола, и один из советников объяснил повелителю, что это к нему являлся сам Будда. Повинуясь предзнаменованию, Мин-ди якобы направил в Индию посольство, которое вернулось в Поднебесную с буддистскими миссионерами, в результате чего китайцы «обрели истинное начало буддистской религии».

Ученые до сих пор спорят, есть ли в этих легендах рациональное зерно, но совершенно очевидно, что в них сильно приукрашены обстоятельства «буддистского завоевания» Китая, процесс представлен более быстрым и легким, чем это было на самом деле.

Прежде чем окончательно утвердиться в Китае, буддизм пережил весьма драматичный и длительный период массовых гонений, взлетов и падений, ожесточенной борьбы с идейными противниками. Иноземное учение встретило в Поднебесной, по меткому выражению известного китаиста академика В. М. Алексеева, «погромные настроения» феодальной интеллигенции, находившейся преимущественно под влиянием конфуцианства — «национальной» идеологии, господствовавшей в древнем и средневековом Китае[3].

Конфуцианцы свои нападки и гонения на буддизм объясняли весьма просто: это-де «варварское учение» (ху-цзяо), о котором ничего не слышали «первоучители древности», основатели китайской цивилизации. Чему же новому и хорошему оно может научить просвещенных последователей Конфуция? Однако, когда многие китайцы, заинтересовавшись запретным учением, выяснили, что у «варваров» все же есть чему поучиться, антибуддистская кампания перешла к более изощренной и серьезной аргументации. Своей идеей страдания, говорили противники буддизма, отречения от мирских благ и служения «трем драгоценностям» — Будде, дхарме (учению) и сангхе (монашеской общине) — он подрывает самые основы китайской семьи и государства, отвращая последователей от служения родителям и исполнения общественного долга, уводя их от земных дел в неведомые метафизические дали, и т. д. и т. п. Между тем число последователей буддизма продолжало расти и буддистская сангха стала угрожать экономической и

Свирепый дракон — воплощение воинственного духа чань-буддизма.

Фехтование на посохах входит в традиционную шаолиньскую школу борьбы.

политической стабильности Срединного государства. Тогда ее обвинили в «дармоедстве», в том, что она является «паразитом на теле государства».

Активно противодействовали распространению буддизма в Китае и последователи даосизма[4]. Они справедливо увидели в нем опасного соперника в борьбе за души и умы китайцев, в некоторых отношениях даже более опасного, чем конфуцианство — «вечный оппонент» даосизма. Оба учения — и конфуцианство и даосизм родились на заре китайской цивилизации и на китайской почве. Они всегда соперничали друг с другом, но ни одна из сторон не могла достичь абсолютного преобладания. Они находились как бы в равновесии, хотя и неустойчивом. Равновесие поддерживалось тем, что конфуцианство в основном ориентировалось на правящие классы и прежде всего на так называемое ученое сословие (феодальную интеллигенцию), заложив основы официальной идеологии и культуры; даосизм же был связан прежде всего с низшими слоями общества и соответственно — с народной («неофициальной») культурой.

Проникновение буддизма резко нарушило привычное равновесие, так как, с одной стороны, это учение бросало вызов конфуцианским ценностям, объективно дискредитируя их, а с другой — вторгалось и в сферу влияния даосизма, вытесняя его с занятых позиций. Это ему явно удавалось благодаря преимуществам организационного и идеологического характера: буддизм имел более организованную и дисциплинированную общину, тщательно разработанную, систематизированную и апробированную практику психофизического воздействия (так называемая буддистская йога), более совершенную философию и т. д. Поэтому два старых соперника объединились против нового общего противника, посягнувшего на их идеологические владения.

Чтобы выдержать столь активное и мощное противодействие, буддизм должен был идти на компромиссы, приспосабливаться к китайским традициям, в значительной мере отступая от первоначальных установок «классического» буддизма. Поэтому «буддизация» Китая была одновременно и «китаизацией» этого индийского вероучения, его трансформацией под влиянием традиционно китайских доктрин. В результате не произошло ни вытеснения, ни поглощения местных религиозно-философских и религиозно-политических систем, как это неоднократно слу-

---

[1] «Поднебесная» — «Тянь-ся» — так китайцы издревле называли свою страну. Другое широко распространенное название — Срединное государство, или Срединная империя.

[2] «У-ди» — по-китайски дословно означает «воинственный император».

[3] Учение, на котором в значительной мере построен «китайский образ жизни» и которое веками было государственной идеологией. Его основатель Конфуций жил в 551—479 гг. до н. э. См. в нашем журнале (1971, № 12) статью Л. Васильева «Заповеди Конфуция, китайские церемонии и грамотеи-чиновники».

[4] Даосизм — религиозно-философская система, включившая в себя, помимо учения о дао — всеобщем законе природы, — древние народные верования, обряды, суеверия, мифы и легенды, элементы магии и т. п. См. в нашем журнале (1972, № 2) статью Л. Васильева «Религиозный даосизм».

чалось в других странах[5]. Буддизм, утвердившийся в Срединном государстве, был вынужден сосуществовать (иногда довольно мирно, а иногда — не очень) со своими конкурентами и идейными противниками. На этом пути он и сделался неотъемлемой частью религиозного китайского синкретизма, который называется «сань-цзяо» — «три учения» (конфуцианство, даосизм и буддизм).

Вот один из ярких примеров трансформации буддизма в китайских условиях — переосмысление догматов «классического» буддизма, касающихся трудовой деятельности. Ранний буддизм относился к практической деятельности своих адептов резко отрицательно, рассматривая ее как одно из главных препятствий на пути к вечному спокойствию — нирване, и монашеский устав — Виная — категорически запрещал буддистским монахам заниматься «мирскими» делами.

Первоначально китайские буддисты слепо копировали индийские образцы, и китайская Виная, почти дословно повторяя соответствующие статьи индийской, запрещала буддистским монахам «принимать участие в торговых сделках, обрабатывать поля, строить здания, держать рабов и разводить домашних животных». Виная учила: «Необходимо самым строжайшим образом избегать всех видов сельскохозяйственных работ и огородничества... категорически воспрещается резать траву и рубить деревья...» Нарушение этого запрета считалось нарушением закона ахимсы («непричинение зла насилием», «ненасилие») — ведь при вскапывании земли, пропалывании сорняков, уборке урожая и т. д. в великом множестве гибнут «живые существа». Этот тяжкий грех создает «адскую карму»[6].

В Китае же, напротив, с древних времен господствовала «трудовая этика», которая требовала предельно уважительного отношения к труду и активного участия в практической деятельности.

Одна из наиболее влиятельных школ китайского буддизма, получившая в современном западном мире широкую известность под японским названием д з э н (кит. «чань»), не только открыто пренебрегла буддистскими запретами, но и совершенно официально зафиксировала вопиющие нарушения правил Винаи в собственном монастырском уставе, который столь же строго обязывал чаньских монахов в с е с в о б о д н о е о т з а н я т и й (буддизмом) в р е м я посвящать разного рода хозяйственным работам: убирать территорию монастыря, заготовлять топливо и воду, вести текущий ремонт (а в случае необходимости — и более крупные строительные работы), самим обрабатывать землю на монастырских полях, сажать рис, овощи и фруктовые деревья, собирать урожай, готовить пищу и т. д. В основу нового устава школы чань был положен принцип: «День без работы — день без еды!», выдвинутый чаньским патриархом Бай-чжаном (720—814 гг.). Когда Бай-чжан достиг весьма преклонного возраста, ученики, оберегая его, стали прятать от него сельскохозяйственные орудия, чтобы он не мог работать, однако он, верный своему принципу, в таком случае наотрез отказывался принимать пищу.

Эти и многие другие уступки господствовавшей в средневековом Китае «трудовой морали» теоретически обосновывались буддистскими учителями. Интересы личного «спасения», говорили они, необходимо подчинять общественным интересам: человек, уничтожающий в процессе трудовой деятельности живые существа, зарабатывает себе «адскую карму» (т. е. в будущем перерождении окажется в аду), но он идет на это ради общины, ради других людей. Его переполняют ужас и отвращение к убийству живых существ, но он продолжает свое дело, движимый чувством жалости и сострадания к другим существам, которые нуждаются в результатах его труда. И если при этом он действительно не преследовал никаких эгоистических интересов, не ставил перед собой сугубо личных целей, то и греха никакого не будет.

Патриарх Бай-чжан на вопрос своего ученика, не ожидает ли их всех в будущем перерождении наказание за рубку дров, резание травы, копание колодцев и возделывание почвы, ответил: «Будет ли человек наказан за все эти поступки — зависит от него самого. Если это человек алчный, погрязший в мыслях о приобретении и утрате, если он постоянно стремится заполучить т о и избежать э т о г о, то он непременно будет наказан». Если же он, напротив, не увиливал от неприятных обязанностей, чреватых для него грехопадением, и честно исполнял свой долг, заботясь лишь о том, чтобы принести пользу другим людям, то «даже если он трудился весь день, он как бы н и ч е г о н е д е л а л». Иными словами, — никакой «адской кармы», никакого наказания за действия, столь греховные с точки зрения ортодоксального буддизма.

В своих интерпретациях классического учения китайские буддисты уходили порой далеко даже от его главных догм, допуская, например, убийство человека и даже оправдывая его. Бодхисаттве[7] даже вменялось в о б я з а н н о с т ь пойти на убийство в том случае, если он видит, что некий человек намеревается совершить его, и взять таким образом на себя грех: лучше согрешить самому, чем позволить совершить грех другому человеку и тем самым обречь его на страдания в аду.

Выдвигалось и такое оправдание убийства: поскольку-де, согласно учению Будды, жизнь есть страдание, то лишить человека жизни — значит избавить его от бесчисленных мук в этой юдоли страданий. Таким замысловатым образом насилие, отвергаемое в классическом буддизме, становилось у китайских буддистов актом милосердия.

Отметим, что для людей, достаточно искушенных в буддистской философии, такой ход рассуждений был неприемлем. Дело в том, что буддизм считает человеческую жизнь бесценной, потому что она дает уникальную возможность достичь идеального состояния — нирваны или, по крайней мере, приблизиться к нему. А если человек умер, он может лишиться этой возможности на неопределенное время и даже надолго, пока он будет перерождаться в иные, неблагоприятные для совершенствования облики, скажем в животных или насекомых, которые не могут достичь нирваны.

История китайского буддизма показывает, что его идеологи стремились всегда приблизить свое вероучение к действительности, которая требовала от них активного участия в различных сферах общественной жизни, не оставляя возможности сосредоточиться только на религиозных проблемах. Когда в Поднебесной наступали смутные времена, буддистские монахи оставляли занятия, которые вели их по пути к нирване, и брались за оружие, чтобы защитить свои интересы, а также интересы тех социальных групп, которые они представляли. Более того, в определенные периоды китайской истории такие классовые религиозно-политические объединения, как «Общество «Белого Лотоса», «Общество восьми триграмм», «Общество больших мечей», «Боксеры» и другие, исторически и идеологически связанные с буддизмом, становились идеологами и организаторами классовой и национально-освободительной борьбы китайского народа. Это наложило своеобразный отпечаток на жизнь буддистских монастырей в старом Китае. Несмотря на то что буддизм решительно запрещал своим последователям заниматься военным делом, именно в буддистских монастырях сложилась одна из самых популярных китайских школ «военно-прикладных искусств» — ш а о л и н ь с к а я. Это — школа кулачного боя и фехтования (кит. шаолиньсы цюань-фа; яп. сёриндзи кэмпо), получившая свое название от знаменитого «боксерского восстания» линьсы. «Военно-прикладные искусства» широко распространились во время знаменитого (боксерского) восстания против маньчжурской династии Цин, охватившего почти весь Китай (1898—1901 гг.). Сегодня эта школа «китайского бокса» интенсивно культивируется в КНР и среди китайских эмигрантов (за рубежом ее пропагандой и распространением, как правило, занимаются члены тайных обществ), а также в Японии, где она тесно связана с деятельностью буддистского общества «Конгодзэн»[8].

И все же, несмотря на оппозиционный в целом характер буддизма в Китае, часто община (как правило, ее высшие иерархи), была тесно связана с правящим классом и активно сотрудничала с ним, всячески проявляя лояльность к существующему строю. Выражая верноподданнические чувства, сангха нередко объявляла китайских императоров чакравартинами[9], «живыми Буддами» (кит. хо-фо) или бодхисаттва-

[5] Например, в Тибете, где буддизм-ламаизм превратился в господствующую идеологию и где государство приобрело ярко выраженный теократический характер.

[6] Карма (санскр.) — действие, обязанность, деятельность; в буддизме — совокупность действий (мыслью, словом и делом), оказывающая влияние (положительное или отрицательное) на дальнейшую жизнь и на последующие перерождения человека, который их совершает, в другой (следующей) жизни.

[7] Бодхисаттва (санскр.) — просветленное существо, достигшее высшей ступени самосовершенствования (но на одну ступень ниже Будды) и добровольно отказывающееся войти в нирвану из чувства сострадания к другим, непросветленным существам.

[8] Его основал японец Досин Сё, который в свое время обучался в Шаолиньском монастыре. Это общество имеет филиалы и за пределами Японии, в основном в странах Запада, что способствует распространению сёриндзи кэмпо в других районах земного шара.

[9] Чакравартин (санскр.) — идеальный, совершенный правитель, способствующий распространению буддизма.

ми. Императоры в свою очередь даровали буддистским патриархам звание «учителей государства» (кит. го-ши). Один из буддистских патриархов даже утверждал, что жесткая централизация власти в руках императора — явление закономерное и, стало быть, отвечающее объективным потребностям развития китайского общества, так как все сущее стремится к «единому», в котором примиряются все противоречия и в котором в конечном итоге исчезает все многообразие форм материального мира.

Итак, буддизм приспосабливался к общественным институтам и религиозно-философским традициям средневекового Китая, приобретая ярко выраженный национальный колорит...

В то же время буддизм не только адаптировался к местным условиям, но и весьма активно сам адаптировал окружающую среду. Очевидно, что он оказал сильное влияние на развитие традиционно китайских учений и всей китайской культуры.

Чтобы выдержать конкуренцию с более организованным «противником», был вынужден существенно перестроить свою организационную и идеологическую структуру и даосизм. Даосская община стала строиться по типу буддистской сангхи; под влиянием буддизма ускорился процесс формирования единого общедаосского канона, усилились тенденции к унификации философской терминологии и культовой системы; даосская практика психотренинга (ее иногда называют даосской йогой) заимствовала из буддистской йоги, опирающейся на тысячелетний опыт традиционной индийской йоги, многие методы и приемы психофизического воздействия. Кстати, синтез буддизма с даосизмом был более органичным и естественным, нежели с конфуцианством, так как даосизм гораздо ближе к буддизму структурно-типологически, что ускорило и облегчило их взаимовлияние.

Через буддистских миссионеров в Китай проникли медицинские, астрономические, географические, лингвистические и иные знания, накопленные в Древней Индии. Благодаря буддизму китайцы получили возможность познакомиться с богатым культурным опытом многих других народов, которых правители Поднебесной презирали как «варваров», имеющих «человеческий облик, но звериную сущность».

Но, пожалуй, наиболее заметным было воздействие буддизма на изобразительное искусство и архитектуру средневекового Китая. Буддистские пагоды, кумирни, храмы и монастыри изменили внешний облик китайских городов и деревень, наложили глубокую печать на весь культурный ландшафт. Под этим влиянием оказался даже архитектурный облик императорских дворцов и особняков феодальной знати, их интерьер. Буддистская скульптура и иконография во многом определили развитие китайской монументальной скульптуры и живописи, внесли свои характерные черты в прикладные искусства.

В некоторые периоды влияние буддизма на идеологию и культуру средневекового Китая было столь сильным, что даже конфуцианство, на тысячелетия предопределившее развитие китайской цивилизации и бесспорно главенствовавшее в системе «трех учений», было вынуждено заимствовать у этой религии некоторые идеи и претерпевало серьезные внутренние трансформации. И только после того, как первоначальное учение Конфуция было в значительной мере обновлено и усилено за счет буддистских идей, оно смогло достойно сохранить свой приоритет в духовной жизни страны. Хотя эти неоконфуцианцы утверждали, что не внесли в учение Конфуция ничего нового, современники справедливо называли их «буддистами в конфуцианской одежде».

Наивысшего расцвета китайский буддизм достигает в эпоху Тан (VII—X вв.), во время правления одной из самых могущественных династий, многие представители которой увлекались буддизмом и покровительствовали ему, даруя сангхе различные льготы, большие денежные суммы и землю. Правление танской династии называют «золотым веком» китайского буддизма. В последующие эпохи он уже не смог восстановить свое влияние в полном объеме, постепенно приходил в упадок и растворялся в синкретической «народной» религии, которая вобрала в себя элементы всех трех учений. К началу XX века процесс синкретизации зашел так далеко, что, по свидетельству академика В. М. Алексеева, в Китае невозможно было обнаружить в более или менее чистом виде ни буддизма, ни даосизма, ни конфуцианства и китаец в принципе мог одновременно быть конфуцианцем и следовать учению буддизма и даосизма. «Почти во всех храмах (а их — масса),— писал он,— наблюдаю все тот же синкретический хаос, то есть полное смещение всех трех учений (сань-цзяо): конфуцианства, даосизма и буддизма. Впрочем, к нелогичности такого порядка китайская религия вполне равнодушна: в ней, собственно, каждый молящийся — сам себе жрец». На рубеже XIX—XX веков в китайском буддизме возникло обновленческое движение, которое поставило перед собой задачу возродить буддизм в «первоначальной чистоте», освободив его от многих проявлений синкретической народной религии. Наиболее радикальная часть этих реформаторов-обновленцев, связанная с буржуазными революционерами-демократами, боровшимися против иноземной династии Цин, свергнутой в 1911 году, и против колониальной политики империалистических держав, выдвинула лозунг: «Новому Китаю — новый буддизм!» Они требовали демократизации и даже секуляризации буддизма, повышения профессионального и общеобразовательного уровня буддистской

Стрельба из лука — одно из традиционных военно-прикладных искусств, развивавшихся в Китае в буддистских монастырях.

сангхи, изучения монахами и светскими последователями буддизма новейших достижений европейской науки и культуры, более активного участия и тех и других в строительстве нового Китая, который займет достойное место среди развитых стран.

Когда в 1911 году в Китае произошла буржуазно-демократическая революция, подавляющее большинство буддистских реформаторов поддержало ее не только словом, но и делом, мобилизовав для участия в ней отряды вооруженных монахов (сэн-цзюнь). В то же время часть реформаторов призывала буддистов не вмешиваться в политику и ограничиться просветительской, культурной, пропагандистской деятельностью. В их программу входила широкая пропаганда буддизма за пределами Китая (в том числе и в странах За-

пада), установление тесных контактов с буддистами разных стран, сближение различных школ, сект и направлений в буддизме. Один из лидеров китайской буддистской реформации — Тай-сюй в миссионерских целях основал в Париже «Общество друзей буддизма», которое существует до сих пор и является членом Всемирного братства буддистов (ВББ).

Вскоре после революции 1911 года, когда возникла угроза конфискации монастырских земель и другой собственности, была образована Ассоциация китайских буддистов (АКБ) — для защиты экономических и политических интересов сангхи, объединения ее на обновленческих принципах и содействия дальнейшему возрождению буддизма в Китае. Однако эта ассоциация так и не стала действенным общекитайским органом из-за сразу же возникших острых разногласий между различными группами буддистского духовенства и буддистов-мирян.

Ассоциация китайских буддистов была воссоздана вскоре после образования КНР (1949 г.), при содействии Народного правительства, которое добивалось объединения различных сил общества и стремилось с ее помощью привлекать всех лояльных и сознательных буддистов к активному сотрудничеству с новой властью. Согласно новому уставу Ассоциации, она должна была «объединить всех последователей буддизма под руководством Народного правительства для выражения их любви к отечеству и обеспечения мира во всем мире».

В первые годы народной власти правительство через Ассоциацию информировало буддистов о своих планах и политике, доводило до них свои директивы и указания, оказывало сангхе финансовую поддержку. В 1956 году была открыта Китайская буддистская академия, слушатели которой после двухлетнего обучения становились монахами и религиозными деятелями или же проповедниками и учеными-буддистами. В тесном контакте с правительством Ассоциация проделала большую работу по выявлению, изучению и восстановлению памятников буддистской культуры. Были реставрированы и объявлены национальным достоянием Китая древнейшие центры китайского буддизма — Дуньхуан, Баймасы[10], Шаолиньсы[11], Юнхэгун и многие другие. Правительство не только взяло на себя все расходы по их восстановлению, но и обязалось в дальнейшем охранять их как выдающиеся архитектурные памятники народного искусства.

Ассоциация развернула активную внешнеполитическую деятельность. Она устанавливала связи с буддистскими организациями в странах Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. С этой целью делегации китайских буддистов выезжали в Японию и Бирму (1955 г.), Индию и Непал (1956 г.), Камбоджу (1957 г.) и другие страны.

С течением времени китайское правительство все дальше отходило от марксистско-ленинских принципов в своей внутренней и внешней политике, и это сказалось и на его отношении к буддизму. Ассоциация китайских буддистов была превращена в орудие великодержавной, шовинистической и гегемонистской политики, действия ее как внутри страны, так и на международной арене теперь шли вразрез с интересами массы верующих. При этом отношение маоистского руководства к АКБ было двойственным. С одной стороны, памятуя исторически оппозиционный характер буддизма, оно опасалось его оживления, усиления его политической активности, выхода буддистов из-под жесткого идеологического, политического и административного контроля. С другой стороны, маоистское руководство стремилось всемерно «утилизировать» буддизм, используя в прагматических целях прежде всего его международные связи и авторитет. В результате политика маоистов по отношению к буддизму варьировалась от демонстративной поддержки и демагогических заигрываний до открытого террора.

Во время печально известной «культурной революции» (1965—1969 гг.) гонения на буддизм приобрели ожесточенный и варварский характер. В стране ликвидировали практически все религиозные организации, в том числе и буддистские (АКБ прекратила свою деятельность в 1966 г.). Это был беспрецедентный в истории Китая антибуддистский погром — монастыри оскверняли и разрушали; уникальные скульптуры переплавляли в никому не нужные груды металла; священные тексты сжигали; монахов насильно отправляли на «перевоспитание» трудом (то есть на принудительные работы); многие буддистские деятели и ученые были репрессированы.

Видный деятель Коммунистической партии Китая Ван Мин, отдавший жизнь делу освобождения китайского народа, в 1969 году в статье, опубликованной в газете «Канадиан трибюн», с горечью и возмущением писал про бесчинства маоистских молодчиков: в Китае разрушаются «буддистские и даосские храмы и пагоды, которые представляют большую культурную и художественную ценность», тем самым наносятся «китайской нации неисчислимые и невосполнимые потери в области культуры».

Еще более вопиющие акты вандализма были совершены в национальных районах Китая, где проживают народы, традиционно исповедовавшие буддизм-ламаизм, — тибетцы и монголы. Жестокие репрессии обрушились на тибетский народ, который еще до начала «культурной революции»—в марте 1959 года — оказал вооруженное сопротивление пекинским шовинистам. При подавлении этого восстания массовые репрессии обрушились и на ламаистское духовенство, принявшее активное участие в национально-освободительной борьбе тибетского народа. Спасаясь от террора, около 100 тысяч тибетцев во главе с далай-ламой бежали в Индию и Непал, но отдельные отряды тибетских повстанцев продолжали вооруженную борьбу до начала 70-х годов. Руководство Ассоциации китайских буддистов, превратившееся в послушное орудие маоистов, не только не осудило варварские гонения на тибетский буддизм, но и громогласно солидаризировалось со многими акциями пекинских шовинистов. Так, ее президент Шираб-Жалцо в своем выступлении на I сессии ВСНП второго созыва (23 апреля 1959 г.) в унисон маоистской пропаганде безоговорочно квалифицировал мартовское восстание как «реакционный мятеж феодальной верхушки», как дело рук горстки заговорщиков, которые «открыто порвали соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета, увезли далай-ламу, собрали мятежников и, прикрываясь знаменем защиты буддизма, выступили с угрозами и подстрекали часть духовенства и гражданского населения, не знавших действительного положения, на мятеж, безрассудно кричали об изгнании ханьцев (т. е. китайцев.—Н. А.) и о независимости...»[12]

Когда до тибетского района КНР докатилась волна «культурной революции», хунвэйбины объявили беспощадную войну «четырем старым»: старым идеям, старой культуре, старым привычкам и старым обычаям тибетцев. Как отмечает советский исследователь В. А. Богословский, под предлогом борьбы с «четырьмя старыми» хунвэйбины «громили буддистские храмы и монастыри, разбивали статуи святых, в том числе статую бодхисаттвы Авалокитешвары — покровителя Тибета, жгли священные книги и изображения. Они составили даже особую программу по борьбе с религией из 20 пунктов, в которой требовали уничтожить все буддистские изображения, прекратить все религиозные службы, запретить вывешивать религиозные флаги и даже перебирать четки»[13].

Что касается Ассоциации китайских буддистов, то до своего запрещения в 1966 году она играла роль «правительственного агента по контролю и наблюдению за последователями буддизма в Китае», а на международной арене выступала как «полуофициальный эмиссар» маоистского правительства и рупор маоистских идей. В начале 1973 года АКБ возобновила свою деятельность и, судя по всему, играет примерно такую же роль. Пекинское руководство, пришедшее к власти после смерти Мао Цзэдуна, слегка обновило фасад маоизма, однако, как показала практика последних лет, основные принципы внутренней и внешней политики Китая остались неизменными. Китайские руководители по-прежнему рассматривают АКБ как орудие великодержавной, гегемонистской политики. А заигрывания наследников Мао с буддистскими деятелями, их разглагольствования о свободе вероисповедания и о новом «возрождении» религии в Китае — всего лишь продолжение старой политики «утилитаризации» буддизма с известными коррективами на изменившиеся условия.

г. Улан-Удэ

---

[10] Название этого древнейшего центра китайского буддизма переводится как «Монастырь белой лошади». В легенде о вещем сне императора Мин-ди говорится, что первые буддистские трактиры были привезены в Китай на белой лошади, в ее честь и назвали этот монастырь.

[11] Монастырь Шаолиньсы построен в конце V в. Это один из самых древних и крупных центров школы чань (дзэн), его постройка приписывается легендарному основателю этой школы Бодхидхарме.

[12] «О тибетском вопросе». Пекин. 1959, стр. 134—135.

[13] В. А. Богословский. Тибетский район КНР. М., 1978, стр. 133.

БЫТ И НРАВЫ НАРОДОВ

ТЭНРИКЁ

И. ИВАНОВ

Тысячи верующих непрерывным потоком двигаются к главному святилищу. Все они выглядят одинаково: черноволосые, в черных национальных японских куртках «хаппи» с надписями: «Токио», «Саппоро», «Хоккайдо», «Город Сагамихара, префектура Канагава» и т. д. Здесь паломники со всей Японии. Изредка в толпе мелькают иностранцы; одеты они так же, как и японцы, и так же целеустремленно идут вперед — скоро начало церемоний. Постепенно паломники заполняют огромные молитвенные залы, все проходы и переулки вокруг главного святилища. Без десяти одиннадцать. Из установленных повсюду динамиков доносится голос патриарха Дзэнъи Накаямы; его титул — Синбасира, что означает «опора веры». Он возлагает на алтарь веточку священного дерева, и богослужение начинается.

В традиционном обращении к богу-отцу патриарх докладывает, что сделано за последнее время по привлечению новых приверженцев, заверяет, что все они неустанно борются за достижение духовной зрелости (один из главных догматов Тэнрикё). Синбасира перечисляет, сколько сооружено новых храмов и сколько старых перестроено. Он упоминает и о паломниках, проделавших долгий путь из-за рубежа, и призывает их шире распространять веру в своих странах. Из-за рыданий и восторженных всхлипываний, которые раздаются вокруг, иногда трудно разобрать слова патриарха. Наконец его голос умолкает, рыдания стихают: через несколько минут богослужение развернется вокруг разукрашенного квадратного возвышения «канродай» в главном храме; оно символизирует место, где бог-отец будто бы сотворил человека. После этого Синбасира обратится к верующим с речью, в которой призовет их к новым усилиям в борьбе за «духовную зрелость».

Так выглядит культовая церемония в Дзибе — главном храмовом комплексе «учения Тэнри», названного так в честь города Тэнри, где зародилась эта кон-

Главный храм Тэнрикё в «священном городе» Тэнри.

фессия и где находится ее главное святилище. Старейшая из более чем сотни «новых» японских религий, она возникла в 1838 году. Основала «учение Тэнри» местная жительница Мики Накаяма, и описанное выше богослужение посвящалось 90-летию со дня ее смерти (1886 г.). Поминальные церемонии, продолжавшиеся 24 дня, собрали около трех миллионов паломников не только со всех концов Японии, но и из Бразилии, Парагвая, Непала, США, Канады, Мексики, Перу, Колумбии, Сингапура, Франции, ФРГ, Тайваня, Индии и Народной Республики Конго. Сегодня Тэнрикё насчитывает свыше пяти миллионов последователей, из них 300 тысяч за пределами Японии. Только здесь эта конфессия располагает более чем 16 000 храмов со 120 000 священнослужителей, а число зарубежных филиалов Тэнрикё давно уже перевалило за сотню.

Что же такое Тэнрикё, чем это вероучение отличается от других религий «Страны восходящего солнца»? Подавляющее большинство японцев исповедует одновременно и буддизм и синтоизм. Последний (буквально — «путь богов») представляет собой смесь различных верований, основное из которых — культ предков. С давних времен буддизм, распространившийся в Японии с VI века, сосуществовал с синтоизмом, оказывая на него сильное влияние. В конечном итоге произошло их сближение и в некотором роде слияние. Однако сам буддизм неоднороден: изначально он проникал в Японию в виде сект, в свою очередь дробившихся на более мелкие течения. Сейчас в Японии свыше 160 буддистских групп и сект, причем некоторые насчитывают миллионы приверженцев. С середины XIX века сюда начали активно проникать христианские миссионеры; сегодня среди японцев около миллиона христиан.

В конце прошлого — начале нынешнего века в стране возникли организации, которые иногда называют «неосинтоистскими». Одни из них чтут старые синтоистские божества, другие — некое верховное существо, но все они в той или иной степени связаны с синтоизмом и зачастую представляют собой эклектическое соединение его элементов с буддизмом и христианством. Таково и «учение Тенрикё».

Миссионеры Тэнрикё рекламируют свое вероучение на улицах больших городов.

Теперь о его родоначальнице Мики Накаяма. 26 октября 1838 года она вдруг начала проповедовать среди своих земляков, обращаясь к ним от имени бога-отца: «Я, Создатель — единственный и истинный бог. На сей раз я пришел к вам сам, чтобы спасти человечество. Прошу позволить Мики быть моим живым храмом». По всей видимости, никто из присутствующих не смог ничего возразить, и 42-летняя Мики Накаяма стала «храмом» и оставалась им до конца дней своих. Конечно, было бы почетнее объявить себя воплощением божества, как это испокон веков делали и продолжают делать всевозможные «мессии»-мужчины, но Мики Накаяма была женщина, а в эпоху позднего феодализма в японском обществе она считалась существом низшего порядка. Основательница Тэнрикё родилась в семье зажиточного крестьянина, ее выдали замуж за крупного землевладельца, и она получила достаточное образование, чтобы создать собственное вероучение. Мики выбрала единственно возможный для нее путь, чтобы возвыситься над окружающими, стать владычицей душ и умов своих приверженцев.

Излагая принципы нового религиозного учения от имени бога, Мики Накаяма говорила своим слушателям, что все люди — братья и сестры, что без божьей поддержки они все бы погибли, но люди эгоистичны, они перечат богу и поэтому влачат жалкое существование. Ее приверженцы собрали эти речи, обработали их и выпустили в виде книги «Офудэсаки», считающейся священ-

ным писанием Тэнрикё. Чаще всего оттуда цитируется такое изречение: «Я, бог-отец, создал вас, люди, ибо я хотел видеть вас живущими счастливо и радостно». Поскольку нет и не может быть человека, который бы этого не хотел, то слова эти с самого начала стали альфой и омегой новой религии. Человека призывали верить в то, что когда-то, когда все люди будут братьями и сестрами по вере, наступит всеобщее благоденствие и бог будет наслаждаться зрелищем счастливой и радостной жизни своих чад, а возможно, и сам примет в ней участие.

Как уже говорилось, Накаяма была достаточно состоятельна, чтобы подкрепить свое учение милостыней и всякого рода благотворительностью. Число поверивших ей искателей счастья росло, а вместе с тем росла и тревога буддистско-синтоистского духовенства, которое не без оснований усматривало в новой религии опасного конкурента. Было сделано все, чтобы избавиться от Мики Накаяма: на нее устраивали покушения, ее неоднократно арестовывали и долго держали в тюрьме, объясняя это тем, что Тэнрикё носит антигосударственный характер. Так продолжалось около 20 лет. Ряды сторонников вероучения тогда изрядно поредели из-за репрессий властей.

В январе 1886 года Накаяма в очередной раз выпустили из тюрьмы, и, вернувшись к своим единоверцам, она стала настаивать на торжественном молебне по ею же установленным правилам. Однако после того, как собравшиеся спели гимн, заканчивающийся словами «На сей раз все плотники собрались», Накаяма потеряла сознание и через некоторое время скончалась.

Надо сказать, что эта скоропостижная смерть озадачила ее приверженцев: Мики проповедовала, что бог установил срок человеческой жизни в 115 лет (конечно, не для всех, а лишь для праведников и достигших «духовной зрелости»). Получался конфуз, и следовало искать выход из создавшегося положения. После долгих раздумий верующим было объявлено, что якобы удалось через медиума установить контакт с самим богом-отцом и тот, мол, поведал, что Накаяма укоротила себе жизнь на 25 лет каждодневной заботой о детях своих.

Такова предыстория Тэнрикё. Каждые 10 лет его приверженцы торжественно отмечают годовщину смерти основательницы вероучения. Еще в 1896 году на таких поминках преемник Мики и его окружение выдвинули лозунг усиленного распространения и пропаганды Тэнрикё по всей стране.

Эклектичность этого вероучения, сочетающего элементы буддизма, синтоизма и христианства, проявляется не только в священной книге «Офудэсаки». Даже внешне храмы в Тэнри напоминают буддистские, что объясняется не только архитектурными традициями: внешнее сходство облегчает переход от одного вероисповедания в другое без коренной ломки привычек и обычаев. Однако из тактических соображений Тэнрикё всегда подчеркивает свою «истинность» и «уникальность» по сравнению с другими религиями, хотя на самом деле в обрядности и догматике между ними и Тэнрикё довольно много общего.

Синтоистское понимание человека как инструмента в руках богов и духов очень напоминает одну из основных заповедей Тэнрикё о том, что бог-отец дает человеку тело взаймы. Но, с другой стороны, если синтоизм объясняет поведение человека влиянием злых или добрых сил, то Тэнрикё учит, что зло производит сам человек, точнее его душа.

Считается, что человек, нарушающий заповеди Тэнрикё, покрывает свою душу «пылью».

С буддизмом Тэнрикё роднит многое. Так же как и он, Тэнрикё проповедует возможность очищения человека от греха, возможность добрыми делами и достойным поведением очистить душу от «пыли». После этого, сулит Тэнрикё, наступит мир радости и душа будет пребывать в благоденствии.

Все это напоминает буддистское учение о возмездии и воздаянии. Буддизм обещает в награду за выполнение ряда морально-религиозных предписаний прекращение перевоплощений души и ее избавление от страданий, якобы составляющих «сущность жизни», то есть переход души в идеальное состояние полного покоя и удовлетворенности — нирвану.

Впрочем, уже сама идея перерождения роднит Тэнрикё с буддизмом. Однако, в отличие от последнего, по учению Тэнрикё, старый человек может перевоплотиться только в человека, а не в любое живое существо, и такой цикл перевоплощений никогда не прекращается.

Отличие Тэнрикё от буддизма заключается еще и в том, что если буддизм считает мир безусловным злом, избавить от которого может лишь строгое соблюдение заповедей Будды, то Тэнрикё не свойственно такое пессимистическое отношение к жизни.

Все своеобразие, кажущаяся простота и привлекательность этого вероучения для «маленького человека», в сущности, сводятся к двум заповедям. Первая учит тому, что человек и все, что ему принадлежит и что его окружает, сотворено богом-отцом и дано людям, так сказать, взаймы. «Заем» же каждый должен «отработать» праведной жизнью — и тогда он будет счастлив. А для этого нужно хотя бы дважды в день молиться в храме.

Но чтобы до конца «выплатить заем», мало отбивать поклоны — нужно еще и бесплатно трудиться. Вот она — вторая главная заповедь Тэнрикё. Соблюдающие ее сподобятся познать радость бытия еще при жизни. Такой даровой труд — один из основных источников дохода общинной верхушки и «священного города» Тэнри. Приверженцы вероучения, выполняя вторую заповедь, возводят храмы, дома и училища, строят дороги, убирают улицы и дворы. Все это возводится в ранг своего рода священнодействия — «хинокисин», а добровольные и бесплатные работники провозглашаются братьями и сестрами.

При втором патриархе Тэнрикё — Сёдзэн Накаяме — конфессия основала собственные Центральную библиотеку, Университет Тэнри и школу иностранных языков. Все они контролируются и финансируются «советом Тэнрикё», который состоит из банкиров, помещиков и настоятелей храмов. В Центральной библиотеке Тэнри — кстати, одной из богатейших в Японии — хранится свыше миллиона томов. В основном это книги по истории религии, но есть среди них и первые христианские издания на японском языке, распространявшиеся миссионерами еще в XVI веке. Университет Тэнри также рассматривается руководителями этой организации как эффективное средство насаждения этой доктрины. В нем три факультета: филологический, иностранных языков и физвоспитания. Сюда может поступить каждый, причем на довольно льготных условиях и независимо от религиозных убеждений. Но затем в течение четырех лет студентам будут вдалбливать мысль о непогрешимости и истинности учения Тэнрикё — так что по окончании университета они, как правило, становятся ревностными его проводниками.

Школа иностранных языков Тэнри была создана еще в 30-е годы для подготовки миссионеров, их рассылают во многие страны для пропаганды вероучения, и они должны хорошо знать обычаи, язык и традиции разных народов.

Кроме того, Тэнрикё имеет собственный «Научно-исследовательский институт азиатской культуры», который руководит проповедью, изучением и распространением этого вероисповедания в различных государствах. Сюда надо добавить находящиеся в ведении Тэнрикё медицинские учреждения, приют, школы и детский сад. Оно располагает также внушительным пропагандистским аппаратом — радиостанцией, издательством, киностудией, двумя театральными труппами, магазинами религиозной литературы и утвари. Есть и музей «Тэнри Санкокан», который ежегодно посещают тысячи паломников. В нем собрано около шести тысяч экспонатов, иллюстрирующих историю всего человечества (разумеется, в интерпретации идеологов этого вероучения).

Как уже говорилось, ежегодно свыше трех миллионов паломников приезжают в город Тэнри к главному святилищу. Организация готовится торжественно отметить в 1986 году 100-летие со дня смерти своей основательницы. Один из лидеров этого течения — мэр города Тэнри Хориути заявил в интервью газете «Джапан таймс», что к этой дате намечено превратить Тэнри в город-храм, «который протянет руку всем народам мира».

Однако вряд ли этим грандиозным замыслам суждено осуществиться, хотя до последнего времени Тэнрикё успешно конкурировало с христианскими организациями и с крупнейшей из «новых» конфессий «Сока-гаккай». Для современной Японии характерен отход людей не только от старых, но и от «новых» религий. Если раньше Тэнрикё находило новых сторонников среди тех, кто разочаровался в христианстве, буддизме и других традиционных вероучениях, то теперь их судьбу в этом смысле постепенно начинают разделять и «новые» религии.

Впрочем, этот процесс духовного прозрения масс происходит медленно, а временами и зигзагообразно, сопровождаясь иной раз, особенно в периоды кризисов и социальных потрясений, и движением вспять. Вот почему Тэнрикё, как и некоторые другие «новые» религиозные течения, все еще оказывает определенное влияние на часть мелкой буржуазии и крестьян, а стало быть, и на обстановку в стране в целом.

Лучшие публикации 1980 года

Редколлегия журнала «Наука и религия» признала лучшими из опубликованных в минувшем году следующие статьи, корреспонденции, интервью, художественные и публицистические произведения:

Н. Адрианова.
К кому и как мы обращаемся (№ 4)
Когда и где вести беседу атеисту? (№ 6)
В чем главный критерий? (№ 8)

Д. Акивис. Брак по научному расчету (№ 5)

Л. Аркадьев, Н. Данилов. Чти отца своего (№ 5)

Н. Денисова. Спешить ли делать добро? (№ 10)

Б. Гальперин. Ссылаясь на Библию (№ 7)

Л. Графова. Чужое ли горе? (№ 1)

И. Григулевич. Папа путешествует (№ 12)

Б. Ерасов. Что за религиозной оболочкой (№ 8)

В. Кононенко. Прислушайся к чужой беде (№ 11)

С. Кулик. Легенды и быль Мадагаскара (№ 1—4)

В. Лешан. Экскурсии, которых ждут (№ 3)

В. Мыспэк. Год первый (№ 3)

А. Остальский. Горькие и сладкие плоды «нефтяной революции» (№ 7)

А. Романов. Интервью с Амброджо Донини «Я — ваш читатель!» (№ 9)
Интервью с Г. Товстоноговым «Вечный поиск» (№ 12)

М. Усманов. Как создавался Коран (№ 9)
Содержание Корана (№ 10)

В. Фуров. Буржуазные конституции и свобода совести (№ 10, 11)

В. Харазов. Так решили аксакалы (№ 4)

А. Харьковский. Интервью с П. Аристэ «Путешествие в слово» (№ 1)

А. Черняховский. За гранью науки (№ 2)

А. Шамаро. Как устояла Русь (№ 7, 8)

Из этих публикаций решено отметить денежными премиями:

А. Шамаро. Как устояла Русь — 200 рублей

Л. Графова. Чужое ли горе? — 150 рублей

Б. Ерасов. Что за религиозной оболочкой — 150 рублей

В. Кононенко. Прислушайся к чужой беде — 100 рублей

С. Кулик. Легенды и быль Мадагаскара — 100 рублей

А. Остальский. Горькие и сладкие плоды «нефтяной революции» — 100 рублей

В. Фуров. Буржуазные конституции и свобода совести — 100 рублей

А. Черняховский. За гранью науки — 100 рублей

«В. И. ЛЕНИН ОБ АТЕИЗМЕ, РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ». М., «Мысль», 1980, 405 стр., 50 000 экз., 1 руб.

К 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС подготовил 2-е, значительно расширенное и дополненное издание сборника. Он содержит полностью или в извлечениях важнейшие ленинские работы и документы по вопросам теории и истории атеизма и религии. Дополнительно включено свыше 25 работ или отрывков из них.

М. А. Заборов. КРЕСТОНОСЦЫ НА ВОСТОКЕ. М., «Наука», 1980, 320 стр. с илл., 30 000 экз., 1 руб. 60 коп.

Книга рисует историю войн западноевропейского рыцарства и крупных феодалов в Малой Азии, Сирии, Палестине, Египте в XI—XIII вв., протекавших в форме крестовых походов. Западное рыцарство осуществляло свои захваты на Востоке, прикрываясь благовидным предлогом защиты христианской религии от «неверных» — мусульман. В книге использован обширный фактический материал из хроник, юридических документов, литературных произведений.

А. Т. Москаленко, А. А. Чечулин. МИКРОСРЕДА ВЕРУЮЩЕГО И АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. Новосибирск. «Наука», 1979, 222 стр., 8 200 экз., 80 коп.

В книге рассматриваются вопросы структуры религии и организации христианских сект, даются понятие и характеристика малых групп в культовых сообществах, раскрываются особенности их возникновения и функционирования, условия и факторы, способствующие их распаду. На основе изучения конкретного материала даны некоторые теоретические выводы и практические рекомендации о путях снижения активности малых групп в распространении религиозной идеологии и ослаблении их влияния на духовный мир верующих.

А. А. Осипов. ВНУТРЕННИЙ ВЗРЫВ. М., «Советская Россия», 1980, 72 стр., 50 000 экз., 20 коп.

Пьеса принадлежит перу видного советского атеиста А. Осипова, в прошлом одного из ведущих богословов русского православия, в 1959 году порвавшего с религией. Превратив борьбу с религиозными взглядами в дело своей жизни, он написал 35 атеистических книг и брошюр. «Внутренний взрыв» — произведение публицистическое и в известной степени автобиографическое, в котором в острой полемической форме ставится вопрос о современном человеке и религиозной вере в наши дни. Впервые пьеса была опубликована в журнале «Наука и религия» № 12 за 1978 год.

В. Е. Чертихин. В ПОИСКАХ РАЯ И АДА. М., Политиздат, 1980, 88 стр., 200 000 экз., 15 коп.

В книге приведен большой этнографический и исторический материал, который позволит читателю проследить долгую историю формирования представлений о рае и аде в различных религиях, узнать о той роли, которую они играли на протяжении тысячелетий в духовном одурманивании масс.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

В. С. Абросимов. Ленинская критика фидеизма и современная правая социал-демократия. «Вестник Ленингр. ун-та». Экономика. Философия. Право, вып. 4, 1979, № 23, стр. 67—69.

Е. Н. Алешко, И. С. Кожеурова. О межпредметных связях в преподавании курсов философии и научного атеизма.

В кн.: «Совершенствование учебного процесса в институте культуры». Челябинск, 1979, вып. 1, стр. 9—13.

А. Алимухамедов, Ф. Эргашев. Советский образ жизни и роль новых обрядов и традиций в формировании атеистических убеждений молодежи. В кн.: «Вопросы формирования коммунистической сознательности трудящихся в период развитого социализма». Ташкент, 1979, стр. 58—59.

А. П. Андреев. Социалистический образ жизни и некоторые вопросы преодоления религиозности. В кн.: «Социалистический образ жизни». Тюмень, 1979, стр. 23—26.

Е. В. Антонова. О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии. В кн.: «Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье». М., 1979, стр. 12—35.

«Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа». Грозный, 1979. Из содержания: **В. Г. Авдиенко.** Этносфера Алании как фактор христианизации, стр. 102—105; **Н. Н. Бараничеико.** Заметки о культовом зодчестве вайнахов: новые святилища в горной Чечено-Ингушетии, стр. 105—112; **С. Ц. Умаров.** О некоторых особенностях этнизации христианских культов в Чечено-Ингушетии, стр. 125—131.

Ж. Базарбаев. К вопросу о взаимосвязи религиозных и националистических пережитков в условиях Каракалпакии. «Вестник Каракалпак. филиала АН УзССР». Нукус, 1979, № 3, стр. 55—59.

В. К. Джикидзе. Борьба Абхазской организации КП Грузии с религиозными пережитками (1921—1937 гг.). «Известия АН ГССР». Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1979, № 3, стр. 15—23.

В. И. Егорова, Е. В. Кулебякин. Студенческая молодежь и некоторые вопросы организации системы научно-атеистического воспитания в вузе. В кн.: «Объективное и субъективное в общественном развитии». Владивосток, 1979, стр. 91—101.

«Интернационализм и атеизм в литературе и фольклоре чеченцев и ингушей». Грозный, 1979. Из содержания: **Л. С. Тасуева.** Атеистические и социальные мотивы в повестях Саида Бадуева, стр. 18—33; **Х. М. Мусаев.** Мотивы атеизма и интернационализма в поэзии М. Мамакаева, стр. 34—45.

А. Д. Керимова. О социальных и идейных истоках неопротестантизма. «Известия АН АзССР». Серия истории, философии и права. Баку, 1979, № 3, стр. 78—85.

А. А. Кусакин. Антиклерикальное движение дальневосточного крестьянства в годы первой русской революции (1905—1907). В кн.: «Проблемы аграрной истории Дальнего Востока». Хабаровск, 1979, стр. 66—76.

Н. И. Новикова. Отражение экологической среды в религиозных верованиях манси. В кн.: «Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири». Томск, 1979, вып. 1, стр. 115—116.

Р. И. Рубинштейн. Книга мертвых и отношение древних египтян к смерти. В кн.: «Ж. Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов». М., 1979, стр. 72—87.

В. А. Черняк. Атеистическое значение нового отношения к труду. В кн.: «Научно-техническая революция и духовный мир человека». Алма-Ата, 1979, стр. 335—349.

А. Т. Шашков. Максим Грек в старообрядческой рукописной традиции XVIII в. Урала, Поморья и Сибири. В кн.: «Из истории духовной культуры дореволюционного Урала (XVIII — начало XX вв.)». Свердловск, 1979, стр. 28—39.

«Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах». М., 1979. Из содержания: **Л. А. Абрамян.** «Мифы о начале» и проблема первого табу, стр. 106—117; **А. И. Терюков.** Представления коми-зырян о душе, стр. 174—183.

Как святой Николай стал Дедом Морозом

ПРЕЖДЕ ЧЕМ этот румяный старик в красном кафтане с мешком подарков для детворы приобрел современный вид, прочно вошел в наш быт, протекло не одно столетие. Предшественником Деда Мороза, ставшего символом Нового года, праздника совсем не религиозного, был христианский святой Николай. В Германии исстари отмечался день святого Николая — покровителя детей. По легенде, он посещал дома и вручал подарки тем, кто, по мнению родителей, вел себя хорошо. Естественно, дети с нетерпением ожидали этого праздника. С вечера ребятишки оставляли на подоконниках тарелки или ставили башмаки поближе к печке — считалось, что святой появляется через форточку или через дымоход. В некоторых областях Германии покровитель детей раздавал своим подопечным не только «пряники», но и «шишки» — наказывал тех, кто не отличался примерным поведением.

Обычно святого Николая (или Санта-Клауса, как его называли, например, в Вестфалии) изображали в виде добродушного старичка в епископском одеянии и с мешком за спиной. Период Реформации со своим комплексом перемен в общественной и религиозной жизни отразился и на облике нашего героя: церковное его облачение сменилось обычным плащом. У протестантов какое-то время с подарками появлялся младенец Иисус в сопровождении спутников, один из его свиты — зловещий кнехт Рупрехт исполнял «карательные» функции, наказывая провинившихся детей. Его именем матери пугали непослушных.

Постепенно обычай делать подарки перешел с дня праздника святого Николая на рождество, а затем, когда в Европе стали отмечать начало Нового года, и на 1 января. По григорианскому календарю, Новый год совпадал с одним из святочных дней рождества, потому и некоторые святочные обряды и обычаи прижились и в новом празднике, лишенном религиозного содержания.

В России обычай праздновать Новый год ввел Петр I, широко насаждавший гражданские праздники. В 1700 году по его специальному указу Новый год стал начинаться с 1 января (как известно, православная церковь не приняла этого новшества, до сих пор новолетие она начинает с 1 сентября).

Обычай наряжать новогоднюю елку идет из Германии. В некоторых странах ее так и называли — «немецкое дерево», хотя еще с античных времен в Новый год принято было украшать дома и даже хлев ветками омелы, бука, можжевельника, так как зелень символизировала в представлении людей здоровье и счастье. Праздничный стол тоже стали украшать маленькими деревцами, увешанными лентами и сластями. Почему именно елка вытеснила другие деревья? Одна из важных причин состояла в том, что лиственные ветки быстро увядали, что толковалось как дурная примета: зеленая хвоя долго радовала взор.

В России обычай ставить новогоднюю елку не сразу приобрел популярность, долгое время он бытовал только в городах. И лишь в конце прошлого века под елку начали ставить фигурку Деда Мороза. К этому времени он утратил всякую связь со своим давним предшественником — святым Николаем.

● Сегодня Еву может соблазнить только золотое яблоко.

● Некоторые люди — как свечки: тают от собственного света.

● Молился шепотом — чтобы не поняли, что он не знает молитв.

● Если дорога в ад вымощена благими намерениями, то чем же тогда вымощена дорога в рай?

Михаил ФИЛОНОВ

г. Брянск

● Не убивай... времени на чтение богословской литературы.

● Служебная характеристика черта: «Ангел!»

г. Полтава

Юрий РЫБНИКОВ

● Древо познания — это классная доска.

● Для Иуды вполцены — это за 15 сребреников.

Ефим МОСТОВОЙ

г. Харьков

● Ложь: «Подумаешь! Я тоже бываю святая».

Анатолий СОРОКА

г. Харьков

Сдано в набор 17. 10. 80.
Подписано к печати 04. 12. 80.
А 02498.
Формат издания 60×90⅛
Глубокая печать
Условных печатных листов — 8

Учетно-издательских листов 12,85.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 05219.

Адрес редакции:
109004. Москва, Ж-4
Ульяновская, 43, корп. 4.

Телефоны: 297-02-51, 297-10-89

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

ВСТРЕЧАЯ XXVI СЪЕЗД ПАРТИИ

О ДОСТИЖЕНИЯХ

в хозяйстве и культуре Чувашской АССР за годы десятой пятилетки рассказывает первый секретарь обкома КПСС И. ПРОКОПЬЕВ.

ОДИН ДЕНЬ

директора передового псковского совхоза Г. И. Гецентова запечатлен в очерке специального корреспондента журнала В. ЕВСЕЕВА.

КАК РАБОТАТЬ ПРОПАГАНДИСТУ?

Эту тему обсуждает заместитель председателя правления общества «Знание» РСФСР М. ХРОМОВА.

НОВЕЙШИМ РАБОТАМ

академиков Я. ЗЕЛЬДОВИЧА и Х. МИНАЧЕВА посвящены две статьи — о происхождении химических элементов и о современных катализаторах.

СУДЬБА БЫВШЕГО КСЕНДЗА

— тема очерка специального корреспондента журнала В. ХАРАЗОВА.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

включает письма о судьбах людей до и после Великого Октября, о переменах в мировоззрении, о практике воспитательной работы.

МЕТАМОРФОЗАМ МОДЕРНИЗМА

в протестантской теологии посвящена статья доктора философских наук Д. УГРИНОВИЧА.